

ХАЙДАРЗОДА М.П.

**ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Монография

**РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
АКАДЕМИЯ**

ХАЙДАРЗОДА М.П.

**ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Монография

**Под редакцией кандидата юридических наук, доцента
Сафарзода Х.С.**

Душанбе
«Эр-граф»
2022

ББК 67.99(2Тадж) + 67.99(2)3 + 67.99(2)116.2 + 67.99(2)8 + 92Я2
УДК Тадж:9 + 32 + 327 + 343 + 341.4(575.3)
Х–12

Автор:

Хайдарзода Мурод Пирмахмад – доцент кафедры административного права и административной деятельности факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции.

Рецензенты:

Азиззода У.А. – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор;

Абдухамитов В.А. – профессор кафедры уголовного права юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, доктор юридических наук, доцент;

Кудратов Н.А. – заведующий кафедрой экономического права Таджикского государственного университета коммерции, доктор юридических наук, доцент.

Хайдарзода М.П. Проблемы совершенствования законодательства и квалификации преступлений экстремистской направленности в Республике Таджикистан: монография / под ред. к.ю.н., доцента Сафарова Х.С. – Душанбе: «ЭР-граф», 2022. – 224 с.

Монография посвящена проблемам совершенствования законодательства и квалификации преступлений экстремистской направленности и базируется на уголовной политике Республики Таджикистан. В работе особое внимание уделено историко-правовым аспектам возникновения и развития понятия «экстремизм» и закрепления его в международном праве, совершенствовании понятий «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» и других, связанных с ними понятий в действующем законодательстве, рассматриваются вопросы разграничения уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности от иных схожих преступлений, обосновывается позиция относительно насильственной и ненасильственной форм экстремизма. В монографии даны конкретные ответы на проблемные вопросы действующего законодательства в области борьбы с экстремизмом, противоречия в области применения норм уголовного закона о преступлениях экстремистской направленности и правил их квалификации, представлены рекомендации по совершенствованию теоретических, правовых и практических основ противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Монография предназначена студентам, курсантам, слушателям, магистрам, аспирантам (адъюнктам), преподавателям, ученым, практическим сотрудникам правоохранительных органов и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами противодействия экстремистской деятельности.

ISBN 978-99985-50-33-9

© Хайдарзода М.П., 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. Теоретико-правовая характеристика экстремизма и проблемы ее совершенствования в законодательстве Республики Таджикистан и в международном праве	12
1.1. Основные подходы к определению и развитию понятия «экстремизм» в уголовном праве	12
1.2. Общественная опасность экстремизма и проблемы совершенствования его признаков в антиэкстремистском законодательстве	30
1.3. Возникновение и становление понятия «экстремизм» в международном праве.....	66
ГЛАВА 2. Уголовно-правовой анализ преступлений экстремистской направленности и проблемы их квалификации	92
2.1. Актуальные проблемы по разработке признаков составов преступлений экстремистской направленности и их квалификация.....	92
2.2. Проблемы разграничения преступлений экстремистской направленности	120
2.3. Отличие преступлений экстремистской направленности от других, схожих с ними составов преступлений	150
Заключение	177
Список использованной литературы	192
Приложение	221

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. экстремизм как социально-политическое и криминальное явление размыл границы отдельных государств и привел к возникновению глобальных угроз региональной и международной безопасности. Беспрецедентная пропаганда экстремистской идеологии в разных регионах мира привела к бесчеловечным преступлениям и вооруженным столкновениям в Сирии, Ираке, Афганистане и других странах, поставив мировое сообщество перед осознанием того, что деятельность международных экстремистских и террористических организаций создает серьезную угрозу для всего человечества.

На протяжении 30 лет государственной независимости, Таджикистан, противодействуя этому негативному явлению, приобрел необходимый опыт в обеспечении общественной и государственной безопасности. Несмотря на это, за последние десять лет в общей структуре преступности рост преступлений экстремистской направленности вызывает особую обеспокоенность руководства страны и общественности¹.

Не случайно Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан 26 января 2021 г. отметил, что «...последователи террористических и экстремистских организаций стараются взбудоражить общество, внести раскол и возбудить религиозные столкновения, для введения в заблуждение жителей страны, особенно молодежи, привлечения ее в ряды запрещенных организаций широко используют Интернет. ...предатели нации и их зарубежные господа все еще не отказались от своих грязных и злостных планов, которые они хотели осуществить в начале 90-х годов прошлого века, до сих пор из-за кордона всякими путями и средствами стараются

¹ Так, в 2010 г. совершено 5, в 2011 г. – 28 (+ 460%), в 2012 г. – 69 (+ 146%), в 2013 г. – 71 (+3%), в 2014 г. – 171 (+140%), в 2015 г. – 437 (+155%), в 2016 г. – 876 (+100%), в 2017 г. – 793 (-9, 47%); в 2018 г. – 720 (-9, 20%); в 2019 г. – 940 (+30, 55%) и в 2020 г. – 876 (-6, 80%); преступлений экстремистской направленности. См.: ГИАЦ МВД Республики Таджикистан. Состояние преступности в 2010 - 2020 гг.

взбудоражить наше общество, навязать народу чуждые ему культуру и религиозные течения». В связи с этим, глава государства подчеркивает, что «...деятельность подобных экстремистских и радикальных групп является одним из основных факторов порождения зла и опасности для сегодняшнего и будущего Таджикистана и других стран региона, что требует от нас принятия совместных мер»¹. Так как «Важным условием достижения успеха в борьбе с терроризмом и экстремизмом является скоординированная и эффективная деятельность органов правопорядка и укрепление правовых основ регулирования их деятельности в этом направлении»².

В рамках усиления борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма Лидер нации в своих предыдущих Посланиях призывал расширить и уточнить перечень субъектов борьбы с данными преступлениями, одновременно с этим, ужесточить ответственность и наказание за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, измену Родине, соучастие в таких преступлениях, в том числе, и для организаторов и пособников³. Поэтому в новом Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 года за № 1655 расширен перечень субъектов, осуществляющих борьбу с экстремизмом, понятие и термины в этом направлении подверглись значительному совершенствованию.

Однако глава государства отмечает, что, не смотря на предпринимаемые усилия, до сих пор острота этих глобальных угроз и вызовов сохраняется, день ото дня расширяются площади полити-

¹ Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 26 января 2021 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/25005> (дата обращения: 10.07.2021 г.).

² Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 26 декабря 2019 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/21975> (дата обращения: 09.01.2020 г.).

³ Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 22 декабря 2016 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.president.tj/node/13739 (дата обращения: 05.07.2018 г.).

ко-идеологической борьбы сверхдержав и в этом плане основное внимание должно быть направлено на профилактику терроризма и экстремизма, предотвращение случаев присоединения граждан страны к террористическим и экстремистским организациям и движениям, а также на возвращение сбившихся с пути лиц на Родину¹.

Поэтому совершенствование правовых и институциональных основ, а также практики противодействия экстремизму и терроризму считается одной из главных целей правительства и государства, прямо закрепленных в «Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг.»², «Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2025 гг.»³, и для достижения этих целей требуется исследование уголовно-правовых аспектов преступлений экстремистской направленности.

Одновременно с этим, рассмотрение в монографии этих вопросов также обусловлено наличием следующих факторов:

Во-первых, введение в правовую систему государства понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» и уголовно-правовых норм о публичном призыве к осуществлению экстремистской деятельности и публичном оправдании экстремизма (ст. 307¹ Уголовного кодекса Республики Таджикистан) (далее – УК РТ), Организация экстремистского сообщества (ст. 307² УК РТ), Организация деятельности экстремистской организации (ст. 307³ УК РТ), Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера

¹ Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 26 декабря 2018 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/19088#lakhsh> (дата обращения: 31.07.2019 г.).

² Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг. от 6 февраля 2018 года за № 1005 // Централизованный информационный правовой банк данных «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

³ Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2025 гг. от 1 июня 2021 года за № 187 // Централизованный информационный правовой банк данных «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

(ст. 307⁴ УК РТ), Незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств (ст. 401¹ УК РТ) вызвали научные дискуссии и проблемы в правоприменительной деятельности. В этой связи, проблемные вопросы сущности составов преступлений экстремистской направленности, законодательного закрепления важных признаков и элементов этих общественно опасных деяний являются одной из важнейших и наиболее сложных проблем юридической науки и законодательной деятельности.

Во-вторых, из-за сложности законодательных правил и бланкетных признаков преступлений экстремистской направленности до сих пор в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан отсутствует четкая позиция по разграничению указанных преступлений.

В-третьих, разработка признаков экстремизма, преступлений экстремистской направленности имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Отсутствие четких научных критериев приводит к серьезным пробелам законодательства, противоречиям и неэффективности в борьбе с экстремизмом. Это, в свою очередь, вызывает необходимость соответствия уголовно-правовых понятий реальному экстремизму.

В-четвертых, теоретические исследования по определению форм и видов экстремизма, позволяя определить степень его общественной опасности, требуют не только уголовно-правового, но и административно-правового воздействия.

И, наконец, до сих пор в Таджикистане комплексного исследования проблемных вопросов квалификации преступлений экстремистской направленности, которые в своей совокупности подтверждают актуальность темы и ее теоретическую и практическую значимость, не осуществлялось.

Конечно, в Таджикистане отдельные аспекты борьбы с экстремизмом подвергались исследованию такими отечественными учеными, как В.А. Абдухамитовым, У.А. Азиззода, Н.Б. Азимзода, А.Ш. Ализода, А.Х. Имомовым, Н.А. Кудратовым, Б.Ш. Курбонзода, И.Т. Махмудовым, Дж.З. Маджидзода, К.М. Мухабатовым, Д.Н. Назировым, Р.Х. Рахимзода, А.Ш. Розикзода, А.И. Сафарзода,

Х.С. Сафарзода, К.Х. Солиевым, А.К. Шариповым, Т.Ш. Шариповым, Ф.Р. Шарифзода и С.С. Ятимовым, которые создали необходимую базу для проведения настоящего исследования¹.

¹ Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы: автореферат. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Абдухамитов. – Бишкек, 2016. – 39 с.; Азизов У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / У.А. Азизов. – Душанбе, 2015. – 413 с.; Азимов Н.Б. Теоретические основы имплементации норм международного права в уголовное законодательство Республики Таджикистан: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н.Б. Азимов. – М., 2013. – 441 с.; Имомов А.Х. Терроризм – форма организованной преступности: монография. – Душанбе: «Санадвора», 2003. – 199 с.; Кудратов Н.А. Уголовно-правовая охрана основы конституционного строя Республики Таджикистан // Уголовная Юстиция / Russian Journal of Criminal Law. – Томск, 2019. – №14. – С. 134-137; Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Ш. Курбонзода. – Душанбе, 2017. – 212 с.; Маджидзода Дж.З. Противодействие терроризму и экстремизму: курс лекций. – Душанбе: «Мубориз», 2016. – 252 с.; Мухаббатов К.М. Социально-политические факторы образования религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир» и ее реакционная сущность: по материалам Таджикистана: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / К.М. Мухаббатов. – Душанбе, 2004. – 174 с.; Назаров Д.Н. Проблемы терроризма и религиозного экстремизма в условиях глобализации (часть 2): монография. / отв. ред. академик М.Д. Диноршоев. – Душанбе: «Ирфон», 2009. – 328 с.; Рахимзода Р.Х. Нормативные правовые и судебные акты о деятельности террористических и экстремистских организаций, партий и движений (на тадж. яз.). – Душанбе: «Ирфон», 2015. – 232 с.; Розикзода А.Ш. Таджикистан в борьбе с терроризмом (на тадж. яз.) / Терроризм и экстремизм – пути их предотвращения. – Душанбе: «Маориф», 2015. – С. 41-61; Сафаров А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.И. Сафаров. – М., 2011. – 229 с.; Сафаров Х.С. Актуальные проблемы законодательного регулирования и квалификация терроризма (на материалах Республики Таджикистан и стран СНГ). – Душанбе, 2006. – 116 с.; Шарипов А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан): дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 228 с.; Шарипов Т.Ш. К вопросу о соотношении понятий «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм», «национализм» и «сепаратизм» (на тадж. яз.) // Труды Академии. – Душанбе: «Шарки озод», 2015. – № 4 (28). – С. 46-53; Ятимов С.С. Факторы распространения теории и практики экстремизма и терроризма: способы и средства борьбы с ними (на тадж. яз.) / «Противодействие современным угрозам и вызовам в Центральной Азии: достижения и перспективы Таджикистана в борьбе с терро-

Весомый вклад в исследование проблем противодействия преступлениям экстремистской направленности внесён также российскими, казахскими, кыргызскими и др. учеными. Труды П.В. Агапова, Е.В. Алехина, Ю.М. Антонян, З.М. Бешуковой, С.В. Борисова, В.А. Бурковской, А.И. Долговой, В.П. Емельянова, А.В. Жеребченко, О.А. Зубаловой, П.А. Кабанова, И.А. Кияткиной, Т.А. Корнилова, Д.И. Леньшина, В.В. Лунева, И.С. Макеевой, А.А. Можеговой, Б.А. Мыльникова, А.В. Павлинова, В.П. Ревина, А.В. Ростокинского, Д.Н. Саркисова, Е.П. Сергуна, Л.Ч. Сыдыковой, А.С. Скудина, Н.В. Степанова, М.В. Ульянова, С.Н. Фридинского, А.Г. Хлебушкина¹ составили теоретическую основу исследо-

ризмом, экстремизмом и коррупцией». Материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: «Шахпар», 2014. – С. 40-52.

¹ Агапов П.В. Нужна ли в Уголовном кодексе РФ ответственность за создание организованной преступной группы? // Российская юстиция. – М.: Юрид. мир, 2006. – № 3. – С. 14-17; Алехин Е.В. Расследование организации экстремистских сообществ: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Алехин. – Краснодар, 2015. – 208 с.; Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения: учебное пособие. – М.: Изд.-во ЦИТ-М. Московский университет МВД России, 2004. – 368 с.; Бешукова З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / З.М. Бешукова. – Краснодар, 2011. – 237 с.; Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – 484 с.; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Бурковская. – М., 2006. – 469 с.; Долгова А.И. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики: монография. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. – 244 с.; Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование: монография. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 291 с.; Жеребченко А.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Жеребченко. – М., 2010. – 230 с.; Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Зубалова. – М., 2013. – 180 с.; Кияткина И.А. Преступления, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды: дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Кияткина. – М., 2017. – 180 с.; Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Корнилов. – М.: Всерос. науч. – исслед. ин-т МВД РФ, 2011. – 161 с.; Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ...канд. юрид. наук:

вания и в отдельных случаях вызвали широкие научные дискуссии. Это связано прежде всего с тем, что не все спорные аспекты данной проблемы имеют однозначные пути решения. Более того, в указанных работах действующее антиэкстремистское законодательство Таджикистана изучено не в полном объеме, и рекомендации по общему противодействию данным преступлениям являются дискуссионными.

12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – 174 с.; Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. – М.: «Наука», 2009. – № 9. – С. 44-64; Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.С. Макеева. – Екатеринбург, 2017. – 177 с.; Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова – М., 2015. – 169 с.; Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.А. Мыльников. – М., 2005. – 173 с.; Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Павлинов. – М.: Институт государства и права РАН, 2008. – 584 с.; Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Ревина. – М., 2010. – 189 с.; Ростокин А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Ростокин. – М., 2008. – 422 с.; Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Н. Саркисов. – М., 2010. – 196 с.; Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – 235 с.; Сыдыкова Л.Ч. Борьба с экстремизмом в Кыргызстане: проблемы законодательного регулирования // Вестник КРСУ, 2016 – Т.16, № 6. – С. 84-87; Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Скудин. – М., 2011. – 216 с.; Степанов Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Степанов. – М., 2003. – 182 с.; Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Ульянов. – М., 2017. – 210 с. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально – правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. – М., 2011. – 366 с.; Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Хлебушкин. – Санкт-Петербург, 2016. – 480 с.

Для подтверждения взглядов, высказанных в исследовании, использованы статистические данные о преступлениях экстремистской направленности в Республике Таджикистан за 2010-2020 гг.; результаты изучения 100 уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности и социологического опроса 250 практических работников, в числе которых, следователи Следственного управления МВД Республики Таджикистан, следователи Следственного управления Государственного комитета национальной безопасности (далее – ГКНБ), Генеральной прокуратуры и судья Верховного Суда Республики Таджикистан. Также было проведено интервьюирование 50 сотрудников Управления по борьбе с организованной преступностью МВД Республики Таджикистан, социологический опрос среди ученых и исследователей специальных кафедр Академии МВД Республики Таджикистан и более 50 активных студентов вузов страны, в числе которых Таджикский национальный университет, Академия МВД Республики Таджикистан, Высшая школы ГКНБ Таджикистана, Таджикский государственный финансово-экономический университет, которым были заданы вопросы по определению понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности».

Таким образом, в представленной монографии рассмотрены общие вопросы анализа основных тенденций, связанных с возникновением и развитием понятия «экстремизм» в уголовном праве, общественной опасности экстремизма и проблем совершенствования его признаков в антиэкстремистском законодательстве, возникновение и становление понятия «экстремизм» в международном праве, актуальные вопросы состава преступления экстремистской направленности и их квалификация, проблемы отграничения преступлений экстремистской направленности от других однородных преступлений, представлен ряд общих рекомендаций по ним, некоторые из которых уже нашли свое отражение в действующем антиэкстремистском законодательстве Республики Таджикистан, в том числе, в Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января, 2020 г., за № 1655.

ГЛАВА 1.

Теоретико-правовая характеристика экстремизма и проблемы ее совершенствования в законодательстве Республики Таджикистан и в международном праве

1.1. Основные подходы к определению и развитию понятия «экстремизм» в уголовном праве

В XXI веке увеличение числа экстремистских и террористических проявлений все больше подрывает стабильность существования и нормальное развитие общественных отношений. Беспрецедентный рост экстремистских и террористических проявлений на рубеже нового тысячелетия заставляют исследователей изучать сущность экстремизма с разных научных позиций и разрабатывать его понятийно-терминологический аппарат, который позволил бы определить наиболее эффективные меры борьбы с ним.

Несмотря на то, что в политической науке понятие «экстремизм» не имеет давней истории, его корни как социально-политического явления уходят вглубь человеческой истории. Некоторые его формы (политические, национальные, религиозные и т.д.) как социально-опасные явления в конце прошлого и начале нынешнего веков дают о себе знать почти ежедневно.

По мнению Ю.М. Антонян, экстремизм «всегда есть продукт разобщенности общества, которое не обрело или утратило общую идеологию, единые ценности и цели. Он может иметь место в странах, где есть значительные социальные группы людей, весьма недовольные своим экономическим, социальным и духовным положением, считающих себя притесненными и униженными. Он может строиться на межрасовых отношениях (как, например, в США), или этнорелигиозных (например, в России и Франции), или соци-

альных, порождающих состояние подавленности, ненужности, грубо обозначенного неравенства»¹.

В.Н. Томалинцев отмечает, что «экстремизм - явление, которое свойственно каждой исторической эпохе. Об этом красноречиво свидетельствуют жизнеописания древнеримских цезарей, история средневековой инквизиции, история становления капиталистических отношений периода первичного накопления»².

В связи с этим, предметом научного исследования являются лишь негативные формы экстремизма, которые противоречат нормам социального поведения и причиняют или создают реальную опасность причинения вреда обществу и государству.

Осознавая трудность определения понятия экстремизма, В. Третьяков отмечает, что «... как только экстремизм начинают детально квалифицировать, он сразу же исчезает, превращаясь то в brutальное инакомыслие, то в собственно уголовное преступление - чаще всего либо в терроризм, либо в обычное насилие над личностью, или в такое неопределенное (хоть и содержащееся в Уголовном кодексе) деяние, как «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»³.

Не случайно в этой связи некоторые авторы отмечают, что при разработке нормативных правовых актов, мероприятий, направленных против экстремизма, возникают серьезные разногласия по поводу содержания понятия «экстремизм»⁴. В свое время «все попытки принять Федеральный закон Российской Федерации о политиче-

¹ Антонян Ю.М. Природа экстремизма // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: Сборник научных трудов. - Саратов: Сателлит, 2008. - С. 246

² Томалинцев В.Н. Сущность экстремизма. Особенности его явных и скрытых форм // Феномен экстремизма / Под ред. А.А. Козлова. – СПб.: СПбГУ, 2000. - С. 16.

³ Третьяков В. Загадка экстремизма. Почему не надо искать того, чего нет // Российская газета, 2000. 15 июня // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1024171320> (дата обращения: 11.07.2018 г.).

⁴ Авдулов Н.С. Составление геополитического атласа Северного Кавказа: методологические проблемы // Философия права. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юр. ин-та МВД России, - 2002, - № 2. - С. 101.

ском экстремизме потерпели неудачу во многом из-за расхождений в толковании этого явления»¹.

Для нас актуальной задачей становится необходимость раскрытия содержания и сущности экстремизма как уголовно-правового явления. Это важно прежде всего потому, что для эффективного предупреждения и пресечения экстремизма, в первую очередь, необходимо разработать его уголовно-правовые признаки.

Как справедливо отмечает С.А. Воронцов, одни авторы экстремизм рассматривают как агрессивное социальное явление, в котором проявляется радикальное отрицание существующих социальных норм, другие трактуют его как приверженность крайним взглядам и мерам, третьи же отождествляют его с терроризмом и насилием².

В связи с этим, необходимо обратиться к этимологии понятия экстремизма.

Экстремизм происходит от латинского слова «*exstremus*» - крайний и означает «приверженность к крайним взглядам и мерам» (обычно в политике)³. Такое же определение экстремизму можно обнаружить и в Толковом словаре таджикского языка⁴. Почти аналогичной позиции придерживается и Советский энциклопедический словарь⁵, и Малая энциклопедия современных знаний⁶.

В политической науке «экстремизм» также определяется через призму крайних взглядов и действий в сфере политической деятельности⁷.

¹ Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. - 2002. - № 4. - С. 114.

² Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его сущностные признаки // Философия права. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юр. ин-та МВД России, - 2007, - № 4. - С. 65-71.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН: Институт русского языка; Российский фонд культуры. - М.: Азъ, 1993. - С. 942.

⁴ Толковый словарь таджикского языка (на тадж. яз.). Из 2 т. Т. 2 / под ред. С. Назарзода [и др.]. - Машхад-Душанбе: ООО «Ксероксленд» - «Сухангустар», 2008. - С. 667.

⁵ Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). - М.: «Советская энциклопедия», 1981. - С. 1552.

⁶ Малая энциклопедия современных знаний: в 2 т. / Сост. В.А. Менделев. - М.: АСТ, Торсинг. Серия Уходящее тысячелетие. Т. 1. - 2-е изд., перераб. - 2000. - С. 67.

⁷ Политология: Краткий тематический справочник. - Белгород: ОНИ и РИД Белгородского ЮИ МВД России, 2005. - С. 105.

В соответствии с Кратким политическим словарем, «экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам, в политическом смысле означает стремление решать проблемы, достигать поставленных целей с применением самых радикальных методов, включая все виды насилия и террора»¹.

Как видно, почти во всех словарях сущность экстремизма раскрывается через призму таких выражений, как «крайний», «крайние взгляды», «крайняя деятельность», «крайние меры» и др.

И.А. Сазонов под «крайними взглядами и мерами» понимает идеологию, оправдывающую возможность применения насилия для достижения политических целей². В данном случае в качестве критерия, определяющего «крайность», выступает наличие идей, оправдывающих насилие.

На наш взгляд, сущность «крайних взглядов», «крайних мер» «радикальных методов» в силу их многоликости являются довольно растяжимыми понятиями. В науке, законотворчестве и правоприменительной деятельности нет единообразного подхода в определении их смысловых границ.

Как справедливо отмечает С.Н. Фридинский, «порой не понятно, какие взгляды следует признавать «крайними», а какие - нет»³. Далее он утверждает, что под «крайними взглядами» с определенным приближением можно понимать идеологию, идейные убеждения, которые не всегда связаны с какими-либо противоправными действиями»⁴. Ряд других ученых также ут-

¹ Краткий политический словарь / коллектив авторов. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989. – С. 275.

² Сазонов И.А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2000. - № 2. - С. 115.

³ Фридинский С.Н. Экстремизм как угроза национальной безопасности // Современные проблемы совершенствования законодательного обеспечения глобальной и национальной безопасности, эффективного противодействия международному терроризму: Сборник материалов международной научно-практической конференции. - Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, - 2003. – С.19.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство мир и Образование», 2005. - С. 77.

верждают о возможности проявления экстремизма и без применения насилия¹.

Здесь следует уточнить, что если «крайние взгляды, убеждения» не находятся в логической связи с противоправными действиями виновных, то вряд ли можно говорить об уголовно-правовой природе экстремизма.

Например, профессор В.В. Лунеев отмечает, что «экстремизм как та или иная крайность наблюдается в различных сферах деятельности и может в зависимости от ситуации получать в обществе позитивную или негативную оценку. Поэтому придание экстремизму только негативного и особенно политически преступного характера является глубоко односторонним, ошибочным или, по крайней мере, сомнительным уголовно-правовым и криминологическим решением»².

Исследователи этой проблемы советского периода – И.И. Бражник и Э.Г. Филимонов также отмечают, что «приверженность к крайним взглядам и действиям может иметь место в любой сфере общественной жизни, где сталкиваются различные взгляды и точки зрения на решение тех или иных проблем»³, но не всегда «крайние» взгляды можно отнести к числу экстремистских. Они могут и не повлечь за собой совершения конкретных насильственных и иных противоправных действий, а также заведомо не предполагать принуждение по отношению ко

¹ Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. - Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. - С. 14; Пономаренков В.А., Яворский М.А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. Общероссийский научно-практический правовой журнал. - М.: Юрист, - 2008, - № 2 (134). - С. 41-43; Ревина В.В. К вопросу о понятии экстремизма // Российский следователь. - М.: Юрист, - 2009, - № 13. - С. 38; Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Н. Саркисов. - М., 2010. - С. 23, 27.

² Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. - М.: Наука, - 2009, - № 9. - С. 44.

³ Филимонов Э.Г. Христианское сектантство и проблемы атеистической работы: монография. - К.: Политиздат Украины, 1981. - С. 90; Бражник И.И. Религиозный экстремизм: поспание прав верующих // Наука и религия. - 1981. - № 1. - С.17.

всем несогласным^{*}. О.И. Аршба придерживается почти аналогичной точки зрения¹.

Так, Х.С. Сафарзода отмечает, что «крайние» взгляды и «меры» (в зависимости от субъектов, осуществляющих экстремистскую деятельность) могут быть сопряжены с обоснованием применения насилия по отношению к оппонентам или же без таковых. В связи с этим, следует условно выделить две формы экстремизма: «экстремизм, сопряженный с применением насилия» и «экстремизм, не сопряженный с применением насилия»². Следовательно, за основу выделения форм экстремистской деятельности целесообразно принять конкретные действия субъектов с учетом двух важных аспектов, а именно:

- 1) ненасильственный характер совершаемых деяний;
- 2) насильственный характер таких актов.

Социологический опрос, проведенный нами среди 250 теоретических и практических сотрудников правоохранительных органов, является доказательством того, что более 60% из них признают существование ненасильственной формы экстремизма.

Поскольку мы затронули вопрос о формах экстремизма, их следует разграничить от некоторых других его видов, так как такое разделение поможет в последующей квалификации и дифференциации преступлений экстремистской направленности от административных правонарушений³.

^{*} В литературе высказана иная точка зрения. По мнению Н.Н. Афанасьева, «Экстремизм есть изначальное отрицание всякого чувства меры. Он оперирует искаженными, деформированными представлениями о действительности, по крайней мере, в той ее части, где пытаются реализовать свои цели, как ближайшие, так и более отдаленные. В языке это выражается в крайности суждений, безапелляционности, категоричности. В практической деятельности это неизбежно приводит к насилию». См.: Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. - 2002. - № 1. - С. 234.

¹ Аршба О.И. Современный правый экстремизм в Европе / О. И. Аршба // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. - 2002. - № 4. - С. 5.

² Сафаров Х.С. Основы антитеррористической деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан: монография. - Душанбе: «Ирфон», 2010. – С. 23.

³ Хайдарзода М.П. Некоторые размышления относительно форм и видов экстремизма (на тадж. яз.) // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан. – 2016. – № 3 (31). – С. 124.

Как справедливо отметил Т.А. Корнилов, в литературе нет единого подхода в определении видов и форм экстремизма. Далее он отмечает, что Р.С. Тамаев, Б.К. Мартыненко и Л.В. Баева, говоря о существующих формах экстремизма¹, называют также его различные виды².

Профессор Дж.З. Маджидзода утверждает, что в настоящее время не существует единого, общепризнанного понятия форм экстремизма, а в качестве его видов в основном выделяют религиозный, политический, национальный, экологический, государственный, экономический и др.³

Как было отмечено выше, несмотря на многообразие видов экстремизма, в настоящее время ученые склонны условно различать три основных его вида: политический, национальный и религиозный⁴.

В толковом словаре под «видом» понимается видимый облик или состояние чего-либо, а «форма» выражается как «способ существования; совокупность приемов и действий»⁵. Форма экстремизма - это его внешнее выражение, то есть то, из каких действий он складывается, совокупностью каких действий и процессов характе-

¹ Тамаев Р.С. Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество // Законность. - М., - 2007, - № 6. - С. 57; Мартыненко Б.К. Политический терроризм: понятие, признаки, классификация // Северокавказский юридический вестник. - 1999. - № 7. - С. 66-74; Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2008. - № 3 (16). - С. 21-26.

² Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Корнилов. - М.: Всерос. науч. - исслед. ин-т МВД РФ, 2011. - С. 26.

³ Маджидзода Дж.З., Противодействие терроризму и экстремизму: курс лекций. - Душанбе: «Мубориз», 2016. - С. 28-29.

⁴ Лабунец М.И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / М.И. Лабунец. - Ростов н/Д, 2002. - С. 7; Скворцова Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Т.А. Скворцова. - Ростов н/Д, 2004. - С. 6; Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы (на материалах Республики Таджикистан): монография. / под общ. ред. Л.Ч. Сыдыковой. - Бишкек, 2015. - С. 34.

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. - М.: ООО «А Темп», 1995. - С. 78, 843-844.

ризуется. Следовательно, под формами экстремизма следует понимать способы осуществления экстремистской деятельности¹.

По мнению В.А. Пономаренкова и М.А. Яворского, в последнее время некоторые ученые стали писать об «информационном»², «насильственном»³, «антиглобалистском» и «моральном» экстремизме⁴ и что здесь налицо путаница категорий «форма» и «вид»⁵.

В связи с этим, считаем целесообразным отнести к формам экстремизма его «насильственный» и «ненасильственный» характер, выражающиеся в способах их совершения.

По мнению Х.С. Сафарзода и Т.Ш. Шарипова, «к насильственным проявлениям экстремизма следует отнести действия экстремистских групп, организаций и объединений, непосредственно направленные на издание, размножение и распространение литературы, аудио, видеоматериалов в какой-либо социальной среде с целью дальнейшей пропаганды идеологии, оправдывающей применение насилия - «крайних взглядов», призыв к применению насилия или же непосредственное применение массового насилия в отношении оппонентов, охватывающий сущность «крайних мер»⁶.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. работа. - С. 43.

² Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: дисс. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Р.В. Упорников. - Рост. юрид. ин-т МВД РФ. - Ростов-на-Дону, 2007. - С. 7, 75, 130; Жукова О.С., Иванченко Р.Б., Скрыль С.В. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: монография. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2008. - С.58-62.

³ Долгова А.И., Гуськов Л.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. - М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. - С. 46.

⁴ Басва Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2008. - № 3 (16). - С. 21-26.

⁵ Пономаренков В.А., Яворский М.А. Пономаренков В.А., Яворский М.А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. Общероссийский научно-практический правовой журнал. - М.: Юрист, - 2008, - № 2 (134). - С. 42.

⁶ Шарипов Т.Ш., Сафаров Х.С. Некоторые взгляды о соотношении понятий «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм», «национализм» и «сепаратизм» (на тадж. яз) // Труды Академии. - Душанбе: «Шарки озод», - 2015. - № 4 (28). - С. 47.

Таким образом, если «под крайними» взглядами признавать идеологию, оправдывающую применение насилия в отношении оппонентов, распространение такой идеологии, то, «крайние меры» в свою очередь, предусматривают совершение каких-либо конкретных насильственных действий.

На наш взгляд, под «крайними взглядами» с уголовно-правовой точки зрения следует понимать общественно опасные утверждения, идеологию и призывы определенных социальных групп, которые внушают чувство вражды и ненависти у других людей, мобилизуют их к протесту с применением насилия по отношению к оппонентам.

Они могут выражаться в виде массового изгнания определенных наций и народов с определенных территорий, призывах к применению насилия по любым мотивам. А непосредственное применение массового насилия (физического или психологического) в отношении конкретных адресатов (социальных групп) могут составлять сущность «крайних мер». Ведь насилие, как физическое, так и психологическое (угроза применения насилия), выступает одним из главных признаков экстремизма¹.

В этимологическом плане, другой отличительной чертой экстремизма является его политическая направленность и почти во

¹ Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения // Правоведение. - 2003. - № 3. - С. 239; Сазонов И.А. Политический экстремизм и проблемы его категориального осмысления // Вестник Московского университета. Сер. Политические науки. - 2000. - № 2. - С. 116; Краснов М. Политический экстремизм - угроза государственности // Российская юстиция. - 1999. - № 4. - С. 4; Волков В.В. Политический радикализм в исламе и национальная безопасность России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / В.В. Волков. - М., 2002. - С. 24; Авдулов Н.С. Составление геополитического атласа Северного Кавказа: методологические проблемы // Философия права. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юр. ин-та МВД России, - 2002, - № 2. - С. 101; Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И.В. Воронов. - М., 2003. - С. 16; Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие для ВУЗов. - М.: ЮИ МВД РФ, 2002. - С. 3; Ковалев В.С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / В.С. Ковалев. - М., 2003. - С. 12; Новиков Д.В. Правовые и законодательные средства обеспечения региональной безопасности // Философия права. - 2003. - № 2. - С. 95.

всех толковых словарях и научных исследованиях акцентируется внимание именно на ней.

Не случайно в научной литературе обычно выделяют три основные формы проявления экстремизма: политическую, национальную и религиозную¹, хотя не исключены и проявления других его форм (расовая, местническая, экологическая, экономическая и т.д.).

Разделение экстремистских проявлений по политическим, национальным и религиозным мотивам является условным критерием, поскольку выделенные формы экстремизма, как правило, в действительности никогда не выступают в «чистом» виде².

Национальный экстремизм почти всегда несет элементы политического экстремизма и достаточно часто религиозного. В свою очередь, политический экстремизм, как правило, имеет, если не чисто религиозную идею, то обязательно псевдо-религиозное основание³.

Таким образом, экстремистские проявления по политическим мотивам по своему историческому происхождению развивались в контексте понятия «радикализм». Изначально термин «радикализм» (от латинского *radix* - корень) означал течение, сторонники которого придерживались взглядов на совершение коренных преобразований. Затем понимание «радикализм» было идеологизировано и закреплено за левым крылом политических сил: за сторонниками буржуазно-демократических преобразований (либерализация парламента Англии в XVIII веке; введение всеобщего избирательного права во Франции - 1848 г.), за марксистами и другими левыми организациями (XIX -XX вв.)⁴.

¹ Мартыненко Б.К. Политический терроризм: понятие, признаки, классификация // Северокавказский юридический вестник. - 1999. - № 7. - С. 66-74.

² Верховский Л., Папп А., Прибылявский В. Политический экстремизм в России. - М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. - С. 14-21.

³ Хайдарзода М.П. Теоретические основы понятия экстремизма // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции; г. Уфа, 20-21 апреля 2017 года: в 5 ч. Ч. 3 / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – С. 157.

⁴ Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. - Ростов н /Д: Рост. Юрид. Ин-т., 2004. – С. 39-40.

По мере установления современных западных либеральных режимов, термин «радикализм» стал употребляться в негативном смысле, в качестве синонима понятию «экстремизм» по отношению к любым политическим силам, принципиально не принимающим данную систему как слева, так и справа (марксисты, правые, националисты, религиозные фундаменталисты и др.)¹.

Таким образом, политическая мотивация экстремизма берет свое историческое начало из содержания понятия «радикализм», что порою используется также и для обозначения опасности проявления религиозного фундаментализма.

Термин «фундаментализм» ввели в оборот протестанты, для которых были неприемлемыми модернистские веяния в протестантизме. Они настаивали на необходимости буквального понимания Священного Писания, однако поскольку на разных этапах общественной эволюции и столкновения интересов священные тексты по-иному преломляются в человеческом сознании, постольку расхождения во взглядах неизбежны².

Сегодня этот термин широко используется применительно к исламу. Фундаментализм характерен тем, что его приверженцы выступают за восстановление принципов «чистого» ислама, освобождение его от позднейших наслоений (которые защищают традиционалисты) и призывают к полному претворению в жизнь норм ислама.

Если в первом случае речь идет о теории возрождения идеального исламского государства VII в., когда Пророком Мухаммадом (с) было основано первое исламское государство, то во втором следует говорить о борьбе фундаменталистов за захват власти насильственным путем и утверждении политической модели государства, основанной на шариате³.

Сегодня фундаментализм часто отождествляют с терроризмом и экстремизмом в силу того, что деятельность современных

¹ Фридинский С.Н. Указ. работа. – С. 40.

² Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования: монография – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт +, 2005. – С. 49.

³ Полонская Л.Р. Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? // Азия и Африка сегодня, – 1994. – № 11. – С. 22.

экстремистских организаций основана на искаженной религиозной идеологии. Религиозный мотив современных экстремистских проявлений дает нам возможность определить фундаментализм как один из распространенных видов экстремизма. Социологический опрос, проведенный среди более чем 250 теоретических и практических сотрудников, а также студентов юридических факультетов высших учебных заведений республики показал, что 46,8% респондентов выразили обеспокоенность существованием в Таджикистане религиозного экстремизма, а 71,6% из них наиболее распространенными видами признали политический, национальный и религиозный экстремизм.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что наиболее распространенные виды экстремистских проявлений - это национализм, фундаментализм и радикализм, которые совершаются по национальным, религиозным и политическим мотивам. Как было отмечено выше, не исключаются проявления других форм экстремизма, таких, как расовый, экономический, местнический и т.д.

Следует отметить, что экстремизм всегда направлен на разжигание розни и вражды на социальном уровне. Экстремизм не может существовать без вдохновителей и лиц, поддерживающих экстремистскую идеологию с целью дальнейшего применения психологического и физического насилия по мотивам расовой, религиозной, национальной, политической или местнической вражды и ненависти.

Подтверждением идеологической составляющей экстремизма и его группового (массового) характера является и позиция В.А. Бурковской, которая отмечает о формировании устойчивых социальных групп в России, поддерживающих идеологию экстремизма и убеждений о допустимости использования насилия для разрешения любых конфликтов на основе национальных и религиозных убеждений¹.

Целью экстремистских организаций является оправдание идеологии применения насилия в отношении оппонентов, или же непосредственное массовое применение психического и физиче-

¹ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Бурковская. - М., 2006. – С.12.

ского насилия по экстремистским мотивам. В связи с этим, на узко бытовом уровне признание экстремизмом применения физического или психического насилия по указанным мотивам привело бы к широкому толкованию этого понятия, прежде всего потому, что по религиозным и национальным мотивам можно совершить все преступления, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса Республики Таджикистан. А экстремизм и преступления экстремистской направленности как уголовно-правовые категории должны иметь строго определенные границы.

На наш взгляд, одним из основных отличительных признаков экстремизма и преступлений экстремистской направленности является его массовый характер, т.е. экстремистские мотивы всегда проявляются не для удовлетворения узко бытовой выгоды, а на более высоком социальном уровне. Экстремизм всегда сопровождается оправданием насильственной идеологии с целью привлечения симпатии и поддержки неограниченного количества лиц.

Почти во всех определениях, предлагаемых разными авторами, речь идет об экстремистской деятельности определенной социальной группы или организации, а не о деятельности конкретных индивидов-экстремистов.

Например, С.Н. Фридинский рассматривает экстремизм как «деятельность общественных, политических и религиозных объединений либо иных организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию или иному содействию ее осуществлению, в том числе, путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг или материально-технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной; на возбуждение социальной, имущественной, расовой, национальной или религиозной розни, унижение национального достоинства; на отрицание абсолютной ценности прав человека; на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; на подрыв безопасности Российской Федерации, а равно публичные

призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению таких действий»¹.

В отличие от политических наук, в уголовном праве Республики Таджикистан понятие «экстремизм» (экстремистская деятельность) имеет более широкий смысл и представляет собой обобщенное название группы разнородных по своему характеру преступных посягательств. К ним относятся деятельность юридических либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя Республики Таджикистан, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию.

Унижение национального достоинства, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды и финансирование вышеуказанной деятельности, путем предоставления недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств, также признаются проявлениями экстремизма.

Несмотря на то, что экстремизм, на наш взгляд, представляет собой обобщенное название группы разнородных по своему характеру преступных посягательств, общим для всех его проявлений является наличие элемента публичности (воздействия на массовое сознание молодежи) по религиозной, национальной, политической или другой мотивации.

Следует отметить, что наряду с массовым элементом экстремизма в последние годы очень широкое распространение получила скрытая форма экстремистской деятельности. Современные экстремисты, помимо публичных призывов к совершению экстремистских действий, тайно пропагандируют экстремистскую идеологию

¹ Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография / С.Н. Фридинский. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004. – С. 8.

и вовлекают граждан в экстремистские группировки, чтобы избежать уголовного преследования. Поначалу они склоняют своих близких родственников (братьев, сестер, племянников, двоюродных родственников и т. д.) к экстремистской идеологии, постепенно расширяя этот круг. Изучение уголовных дел и оперативных материалов показывает, что 90% наших граждан, незаконно вывезенных за границу для участия в вооруженных конфликтах экстремистами, были отправлены туда втайне от родственников и правоохранительных органов (более подробно см. в параграфе 2 главы 2 исследования).

Теория и практика экстремизма неразрывно связана. Идеология, трансформируясь в мотивы и цели, оказывает непосредственное воздействие на поведение. «Побуждение к действию определенным мотивом обозначается как мотивация. Мотивация мыслится как процесс выбора между различными возможными действиями, процесс, регулирующий, направляющий действие на достижение специфических для данного мотива целевых состояний и поддерживающий это состояние. Иначе: мотивация определяет целенаправленность действия»¹. М.С. Каган пишет, что всякая целенаправленная активность субъекта должна иметь внутреннюю мотивацию. Мотивация процесса деятельности должна преобразовываться в конкретную ориентацию этого процесса, выражающуюся в целеполагании и разработке плана, программы, технологии действия². Ориентированный на мотивацию подход помогает понять как сущность экстремизма в целом, так и его отдельные виды³. Теория мотивации позволяет понять сущность экстремизма в целом и его отдельные формы. Однако, как отмечалось ранее, на практике экстремистские мотивы обычно тесно переплетаются.

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2 т. Т. 1. (Пер. с нем.) / Под. ред. Б.М. Величковского. - М.: Педагогика, 1986. - С. 34.

² Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). - М.: Политиздат, 1974. - С. 175.

³ В частности, в отношении терроризма, Ю.М. Антонян отмечает, что психологическое познание феномена терроризма основывается именно на анализе его мотивации. См.: Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Антонян Ю.М. - М.: Щит-М, 1998. - С. 238.

Так, И.А. Кияткина говорит о том, что «Многие преступления экстремистской направленности совершаются по разным мотивам, что затрудняет определение основного мотива». Не смотря на это, по ее мнению, «один из них являясь главным, остальные ему подчинены»¹.

В юридической литературе также указывается, что в преступлении может быть несколько синонимичных мотивов, основной мотив которого остается неизвестным², поэтому, при квалификации преступления предлагается отразить все конкурирующие мотивы³.

Но эта точка зрения среди ученых-юристов вызывает большие споры. Например, Б.С. Волков, опираясь на судебную практику, отмечает, что при совершении преступления человек часто действует по разным мотивам, которые имеют разные значения, не имея при оценке одинакового⁴.

И.А. Кияткина опирается на точку зрения ученых, которые считают невозможным одновременную классификацию преступления по двум причинам, каждая из которых считается отдельным квалифицирующим признаком⁵.

Опираясь на точку зрения А.В. Наумова, мы считаем, что квалификация должна осуществляться по тому мотиву, который являлся основным при вынесении решения о совершении преступления⁶. Этой точки зрения придерживается также и С.В. Бородин⁷.

¹ Кияткина И.А. Преступления, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Кияткина. – М., 2017. – С. 25.

² Кандрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности: монография Т.В. Кандрашова. – Екатеринбург: Изд-во гуманитарный университет, 2000. – С. 50-51.

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Р.Р. Галиакбарова. – Саратов, 1997. – С. 209-210; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Р.Р. Галиакбарова. – Краснодар, 1999. – С. 119.

⁴ Ивченко О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.С. Ивченко. – М., 2002. – С. 68-69.

⁵ Кияткина И.А. Указ. работа. – С. 26.

⁶ Наумов А.В. Мотивы убийства: учебное пособие / под ред. М.А. Огурцова. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР. 1969. – С. 75.

⁷ Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни: монография / С.В. Бородин. – М.: «Юридическая литература», 1977. – С. 80-81.

Однако в преступлениях экстремистской направленности есть критерии, которые, независимо от основного мотива, при наличии других мотивов неизбежно влияют на квалификацию. Например, если публичные призывы изначально инициированы только по политическим мотивам, а затем смешались с местническими, религиозными и другими, то такие действия должны квалифицироваться по статьям 189 или 307¹ УК РТ*. Но если публичные призывы осуществляются только по политическим мотивам, то квалификация должна осуществляться по ст. 307 УК РТ.

Однако вернемся к характеристике содержания и сущности понятия экстремизма, которую мы рассматривали ранее.

Заостряя внимание на необходимости выработки общего понятия того или иного явления, В.Н. Кудрявцев совершенно справедливо отмечает, что «оно содержит не случайный набор признаков, а выделяет такие из них, которые вскрывают сущность явления, дают возможность раскрыть кроющуюся за этим явлением объективную закономерность реальной действительности»¹ и на этой основе делает вывод, что не следует «отрицать известное самостоятельное значение общих понятий как логические категории», поскольку «в ходе исторического развития некоторые общие понятия, категории, а также теории и научные системы стали приобретать относительно самостоятельное значение как элементы общественного сознания и общественного бытия, как продукты духовного и материального производства, в свою очередь влияющие на поведение человека»².

Необходимо отметить, что в ходе исторического развития, некоторые проявления экстремизма, такие, как радикализм, фундаментализм, национализм, приобрели относительно самостоятельное значение как элементы общественного сознания и общественного бытия и составляют объективную закономерность реальной действительности, основные их элементы нашли место в современном понятии экстремистской деятельности. Например, по социологическим исследованиям В.А. Бурковской, 36% опрошенных

* Более подробно об этом мы остановимся во второй главе исследования.

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и дополн. - М.: Юристъ, 1999. - С. 36.

² Кудрявцев В.Н. Указ. работа. - С. 37.

студентов юридических факультетов высших учебных заведений полагают, что экстремистская деятельность обязательно связана с использованием насилия и 43% отмечают, что экстремизм проявляется в действиях, направленных на возбуждение религиозной, расовой, национальной вражды¹.

Как видим, в общественном сознании сложилось более четкое представление о мотивации и насильственной направленности крайних взглядов и мер, составляющих сущность экстремизма, нежели у законодателя² с такой запутанной и сложной для восприятия нормой законодательства по противодействию экстремистской деятельности.

Как уголовно-правовое явление экстремизм (экстремистская деятельность) должен иметь более определенные объективные и субъективные признаки. Это необходимо в силу известной формальности права и обязательности установления достаточных оснований для привлечения к уголовной ответственности (признаков состава преступления).

Как справедливо отмечает В.В. Лунеев, по поводу антиэкстремистского законодательства России (аналогичного законодательству Республики Таджикистан) «даже специалисту очень трудно разобраться в законодательстве об экстремизме, а ведь законы предназначены для обычных граждан и не очень грамотных сотрудников системы уголовной юстиции»³. Законодательная власть, видимо, не знакома с бессмертной мудростью: «Чем больше размножаете вы законы, тем презреннее вы их делаете» (Ж.Ж. Руссо); «Закон должен быть краток, чтобы его легко могли запомнить и люди несведущие» (Сенека).

Такое обстоятельство настоятельно диктует проведение комплексного анализа антиэкстремистского законодательства с целью определения наиболее общих подходов о сущности и содержании

¹ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Бурковская. – М., 2006. – С. 29-30.

² По поводу сложностей законодательства более подробно рассмотрено во втором параграфе монографии.

³ Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. – М.: Наука, – 2009. – № 9. - С.58.

таких категорий, как «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» прежде всего потому, что эффективное противодействие экстремизму требует четкой законодательной регламентации, которая позволила бы правильно квалифицировать экстремистские проявления.

1.2. Общественная опасность экстремизма и проблемы совершенствования его признаков в антиэкстремистском законодательстве

Экстремистские и террористические организации активизируют свою деятельность по распространению экстремистских идей, разжиганию ненависти и межрелигиозной розни в обществе, привлечению молодежи в свои ряды и совершению преступлений экстремистского и террористического характера, хотят разрушить или насильно изменить общественно-политическое устройство той или иной страны¹. Неуклонный рост числа экстремистских и террористических преступлений, вовлечение большого количества молодежи в экстремистские группы, незаконное участие более 1000 наших граждан в вооруженных конфликтах за рубежом, террористический акт против иностранных туристов на трассе Дангара (19 июля 2018 г.) и вооруженное нападение на блокпост Пограничных войск «Ишкобод» в районе Рудаки (6 ноября 2019 г.)² членами экстремистско-террористической организации «Исламское государство» свидетельствуют о большой опасности данных действий.

Как справедливо отмечает, Н.И. Ветров, преступления экстремистской направленности представляют собой наиболее опасные формы нарушения конституционного запрета, подрывают основы нормального развития национальных, расовых и религиозных отношений в обществе, могут привести к вооруженным конфлик-

¹ Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы от 12 ноября 2016 года под № 776 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

² Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26 декабря 2019 года // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://president.tj/node/21975> (дата обращения: 09.01.2020).

там и столкновениям насильственного характера, длительной вражде, религиозной розни, подрывающим основы легальной власти, что затрудняет выполнение своих функций всеми ветвями государственного и общественного управления¹.

В Республике Таджикистан после приобретения государственной независимости, на фоне обострения геополитических интересов отдельных стран региона, экстремистские проявления на религиозной почве стали причиной гражданской войны, которая продолжалась с 1992 по 1997 год. По мнению профессора А.Ш. Розикзода, именно в Таджикистане социальные конфликты с властями, прежде всего, политические конфликты между партиями и движениями, местничество, превращение оппозиции в экстремистские группы погрузили страну в катастрофический вихрь гражданской войны. Ссылаясь на информацию Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, которая была не полной и не вполне точной, ученый настаивает на том, что в 1992-2002 годах в стране, наряду с более чем 30 крупными стабильными и организованными преступными группировками, действовало также несколько небольших группировок, причастных к экстремистской и террористической деятельности².

Следует отметить, что после относительной стабилизации общественно-политической ситуации, начиная с 1997-1998 годов, в стране постепенно расширялось влияние всемирно известной исламской экстремистской партии «Хизб-ут-Тахрир»³, которая является одной из ветвей религиозной организации «Братство Мусульман» (Ихвон-ул-муслимин). Основная цель «Хизб-ут-Тахрир» - распространение идеи создания исламского государства типа «Ха-

¹ Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть. - М.: Юнити-Дана, 2002. - С. 388-389; Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: Монография / Отв. ред. Н.А. Лопашенко. - Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. - С. 22.

² Розикзода А.Ш. Таджикистан в борьбе с терроризмом (на тадж. яз.) / Терроризм и экстремизм - способы их предотвращения. - Душанбе: «Маориф», - 2015. - С. 43-44.

³ Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 11 марта 2008 года «О признании экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [www // sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html) (дата обращения: 05.07.2018).

лифат» среди мусульман, проживающих в странах с различным государственным устройством, с целью дальнейшего объединения этих стран и создания на планете единого мощного унитарного теократического (исламского) государства, которое будет существовать по законам шариата¹.

С 1999 по 2002 годы всего по республике было возбуждено 126 уголовных дел в отношении 276 руководителей и членов партии «Хизб-ут-Тахрир», обнаружено и изъято свыше 700 книг и журналов, более 1700 листовок, содержащих идеи этой партии. Назначенная по этим публикациям судебно-литературно-политическая, судебно-историко-правоведческая и другие экспертизы показали, что изъятая литература пропагандирует политизированный ислам, способствует разжиганию фанатизма, призывает к гражданскому неповиновению, призывает к свержению конституционного строя и созданию исламского государства (Халифат)².

Учитывая опасность этого негативного явления, Президент Республики Таджикистан 8 декабря 2003 года подписал Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» за № 69, в котором были определены правовая и организационная основы, а также система субъектов, осуществляющих борьбу с экстремизмом на территории государства.

В ст. 3 этого закона было дано определение понятию экстремизма, согласно которому, «Экстремизм - это проявление юридическими и физическими лицами выражения крайних форм действий, призывающих к дестабилизации, изменению конституционного строя в стране, захвату власти и присвоению ее полномочий, разжиганию расовой, национальной, социальной и религиозной вражды»³. К сожалению, данное определение в дальнейшем не нашло

¹ Мухаббатов К.М. Социально-политические факторы образования религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир» и ее реакционная сущность: по материалам Таджикистана: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / К.М. Мухаббатов. – Душанбе, 2004. – С. 64-65; Мухаббатов К.М. Реакционная политика «Хизб-ут-Тахрир»: монография. – Душанбе, 2010. – С. 35-39.

² Генеральная прокуратура Республики Таджикистан. Хизб-ут-Тахрир. Политико-правовая характеристика. – Худжанд: ООО «Хуросон», – 2002. – С.15.

³ Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003 г., № 12, ст. 697 (утратил силу).

своего развития и законодательного закрепления в качестве самостоятельного состава преступления в УК РТ, имеющего строго определенные границы.

Статья 1 нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 года за № 1655, представляя определение экстремизму, гласит, что «экстремизм - это выражение идеологии и экстремистской деятельности, направленное на решение политических, общественных, социальных, национальных, расовых, местнических* и религиозных вопросов насильственным путём и другими противозаконными действиями»¹, что расширяет рамки данного понятия с точки зрения науки уголовного права и приобретает общеправовой характер, так как, предлагая это определение, законодатель использовал широкий термин «иные противоправные действия», не указывая его юридических границ.

По этой причине до сих пор возникают трудности с выработкой единого определения понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности». Это связано прежде всего с тем, что экстремизм как составная часть самостоятельного преступления должен быть ядром всех преступлений экстремистской направленности.

В.А. Абдухамитов, проводя по этому поводу исследование, заявил, что концепция статьи 3 Закона Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», которая действовала ранее, противоречит статье 22 УК РТ, предусматривающая общие условия наступления уголовной ответственности. Так, согласно этой статье, субъектом

* Следует отметить, что в официальном тексте Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 года № за № 1655 на русском языке, термин «махалгарои» (местнический) переведен как «региональный», что не соответствует ни таджикскому официальному тексту закона, ни смыслу самого значения этого термина. Поэтому в исследовании, опираясь на официальный текст закона на таджикском языке и исходя из смыслового значения самого термина, по всему тексту работы вместо слова «региональный» мы использовали термин «местнический».

¹ Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 года за № 1655 // Джумхурият: официальное издание Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276 (дата обращения: 08.01.2020 г.).

преступления является только физическое лицо, однако в статье 3 утратившего силу Закона Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» в качестве субъекта преступления законодатель признавал также и юридические лица. Учитывая гармонизацию этих критериев, исследователь при определении понятия «экстремизм» предложил исключить из текста термин «юридическое лицо»¹.

Мы не поддерживаем позицию исследователя и считаем, что требования предыдущего Закона Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», включая понятие «экстремизм», содержащееся в статье 3 распространяются не только на сферу уголовного законодательства, но и на другие отрасли права, включая административное право, и в этой связи отметим, что Кодекс об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за ряд действий экстремистской направленности, в случае несоблюдения которых, к административной ответственности привлекаются как физические, так и должностные и юридические лица.

Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, применительно к определению понятия терроризм, «единственным для правоприменительной практики является то определение терроризма, которое дается в уголовном законе»². Соответственно, уголовно-правовое определение экстремизма призвано быть основным «инструментом» в руках правоприменительных органов в борьбе с экстремизмом.

Также, в части определения понятия «экстремистская деятельность», в Законе РТ «О борьбе с экстремизмом»³ законодатель использовал самую худшую традицию давно исчерпавшего себя конвенционного метода определения основных категорий - путем перечисления конкретных деяний, подпадающих под признаки различных составов преступлений.

¹ Абдухамитов, В.А. Борьба против религиозного экстремизма в Республике Таджикистан: проблемы теории и законодательства (на тадж. яз.) / В.А. Абдухамитов / Терроризм и экстремизм – пути их предотвращения. – Душанбе: «Маориф», – 2015. – С. 176

² Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Антонян Ю.М. - М.: Цит-М, 1998. - С.12.

³ Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003 г., № 12, ст. 697; 2007 г., № 3, ст. 158; Закон РТ от 27.11.2014 г., № 11, ст. 655 (утратил силу).

То есть, в ст. 3 утратившего силу Закона РТ «О борьбе с экстремизмом», понятие «экстремистская деятельность» по существу включает в себя планирование, организацию, подготовку и совершение ряда самостоятельных составов преступлений:

1. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 306 УК РТ);
2. Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан (ст. 307 УК РТ);
3. Хулиганство (ст. 237 УК РТ);
4. Вандализм (ст. 237¹ УК РТ);
5. Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической* или религиозной (конфессиональной) вражды или розни (ст. 189 УК РТ);
6. Массовые беспорядки (ст. 188 УК РТ);
7. Организация незаконного вооруженного формирования (ст. 185 УК РТ);
8. Нарушение равноправия граждан (ст. 143 УК РТ)¹.

Как видно, в определении «экстремистской деятельности», содержащейся в статье 3 предыдущего Закона Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», законодатель не включил признаки статей 157, 158, 160, 242 и 243 УК Республики Таджикистан, признанные в статье 307² УК в качестве преступлений экстремистской направленности. Кроме того, в перечень преступлений экстремистской направленности, предусмотренного в статье 307² УК РТ, не включены статьи 143 и 307 УК, несмотря на то, что данные нормы, что в предыдущей, что в новой редакции законов образуют основной стержень понятия «экстремистская деятельность».

* Следует отметить, что в пункте «е» части 1 статьи 62, пункте «м» части 2 статьи 104, пункте «м» части 2 статьи 110, пункте «е» части 2 статьи 111, пункте «ж» части 2 статьи 117, пункте «б» части 2 статьи 243, части 1 статьи 307² УК РТ термин «махалгарои» переведен на русский язык как «местнический» и лишь в статье 189 УК этот термин звучит как «региональный», что не в полной мере отражает значение слова «местничество». Учитывая тот факт, что в большинстве представленных статей данный термин переведен как «местнический», который полностью соответствует таджикскому тексту и самому значению слова, по всему тексту нашего исследования мы употребляем термин «местнический», включая и статью 189 УК РТ.

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 за № 574 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., №9, ст. 68, ст. 69, №22, ст. 306; (Закон РТ от 20.04.2021 г., № 1776).

В то же время, термин «иная террористическая деятельность» включает в себя совокупность преступлений террористического характера, перечень которых приводился как в предыдущем Законе Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом»¹, так и в новой редакции Закона республики «О противодействии терроризму»². Столь широкое определение «экстремистской деятельности» не позволило правоприменителям отграничить этот термин от понятия «террористическая деятельность».

Исходя из этого, при подготовке проекта Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» нами было предложено исключить из статьи 3 законопроекта пункты «публичное подстрекательство к совершению террористических актов и публичная поддержка терроризма» и «создание незаконных вооруженных формирований или участие в них», поскольку как в предыдущем, так и в действующем антитеррористическом законодательстве Республики Таджикистан они признаны террористическими.

В связи с этим, законодатель признал «публичное подстрекательство к совершению террористических актов и публичную поддержку терроризма» террористическим явлением и исключил этот пункт из нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», однако «создание незаконных вооруженных формирований или участие в них» рассматривается в этом законе как одно из преступлений экстремистской направленности, что противоречит требованиям статьи 40 Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах»³.

В связи с тем, что в УК РТ не содержится самостоятельного состава преступления «экстремизм», для правильного определения признаков состава преступления, предусмотренного статьей 307¹ УК РТ и других преступлений экстремистской направленности, сотрудники

¹ Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16 ноября 1999 г., № 845 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1999 г., № 11, ст. 275; 2005 г., № 3, ст. 116; 2007 г., № 5, ст. 355; 2008, № 10, ст. 802; 2012 г., № 8, ст. 816; 2013, № 6, ст. 407; 2014 г., № 11, ст. 647, м. 648; 2015 г., № 12, ч. 1, ст. 1112 (утратил силу).

² См.: Закон Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» от 23 декабря 2021 г., № 1808 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://mmk.tj/content/> (дата обращения: 12.01.2022 г.).

³ Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» от 30 мая 2017 г., № 1414 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017 г., № 5, ч. 1, ст. 271 (Закон РТ от 19.07.2019 г., № 1632).

правоохранительных органов волей неволей вынуждены обращаться к определению понятия «экстремистская деятельность» и другим, связанным с ним терминам, что наводит на мысль о необходимости введения в действующее законодательство четкого определения признаков и конкретных границ данного вида преступления.

Для достижения этой цели при разработке Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» мы внесли в законодательные органы предложение относительно общеправового понятия «экстремистская деятельность», под которым понимается «противоправная деятельность юридических, физических лиц или экстремистских объединений, направленная на возбуждение национальной, расовой, политической, местнической и религиозной вражды или розни, либо на публичные призывы к насильственному изменению основ конституционного строя, захвату государственной власти и подрыву международных отношений, направленная на совершение преступлений и иных правонарушений экстремистской направленности. К таким действиям относятся финансирование, публичное оправдание экстремизма, вовлечение граждан в экстремистские группы, их подготовка к участию в вооруженных конфликтах за рубежом, создание иных условий для совершения преступлений и иных административных действий экстремистской направленности»¹.

На наш взгляд, установление такого общеправового понятия экстремистской деятельности может включать насильственные и ненасильственные формы, которые имеют природу как уголовного, так и административного права.

Законодательный орган частично использовал этот термин, и в пункте 2 статьи 1 нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» экстремистская деятельность определяется как «деятельность политических партий, общественных или религиозных объединений, средств массовой информации или иных организаций, в том числе международных организаций и физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на совершение экстремистской деятельности, нестабильности национальной безопасности и обороноспособности государ-

¹ Хайдарзода М.П. Возникновение и совершенствование понятия «экстремистская деятельность» в законодательстве Республики Таджикистан (на тадж. яз.) // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан. – 2019. – № 3 (43). – С. 175.

ства, а также публичные призывы к насильственному захвату государственной власти или насильственному изменению конституционного строя и действия, направленные к возбуждению национальной, расовой, местнической или религиозной вражды или розни»¹.

К сожалению, в новом определении «экстремистской деятельности» термины «финансирование экстремизма», «публичное оправдание экстремизма» а также ряд других действий экстремистской направленности остались вне пределов поля зрения законодателя, и наоборот, понятие «обороноспособность государства» признано в качестве экстремистского проявления. Это может привести к новым проблемам правоприменения, так как смысл термина «обороноспособность» охватывается диспозициями статей 305 «Измена государству», 308 «Шпионаж» и 309 «Диверсия» Уголовного кодекса Республики Таджикистан, которые в рамках научных теорий и антиэкстремистских норм законодательств государств-участников СНГ в качестве проявлений экстремизма не признаются. На наш взгляд, с одной стороны, законодатель, допустив широкое толкование содержания экстремистской деятельности, с другой стороны, ограничил значение этого понятия, и при разработке новой редакции экстремистской деятельности, учитывая содержание только статей 189, 306, 307 и 309 УК, другие виды экстремистской деятельности остались вне поля зрения законодателя.

Кроме того, в статье 3 нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», вместо термина «экстремистская деятельность» законодатель использовал термин «деятельность, считающаяся экстремистской в Республике Таджикистан», согласно которому следующие ее виды признаются экстремистской деятельностью:

- насильственное свержение или изменение основ конституционного строя, нарушение суверенитета, независимости и целостности Республики Таджикистан, а также содействие этим действиям (ст. 306 УК РТ);

- разжигание расовой, национальной, местнической, религиозной и социальной вражды, а также пропаганда исключительно-

¹ Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 года, № 1655 // Джумхурият: официальное издание Республики Таджикистан // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276 (дата обращения: 08.01.2020 г.).

сти, превосходства граждан по признаку их религиозной, конфессиональной, языковой, национальной, расовой или местнической принадлежности публично или с использованием средств массовой информации или совершение этих действий с применением насилия или угрозой его применения; (ст. 189 УК РТ);

- действия, направленные на подрыв безопасности Республики Таджикистан (статьи 188, 189 УК РТ);

- действия, направленные на захват или присвоение властных полномочий (ст. 306 УК РТ);

- создание незаконных вооружённых формирований или участие в них (ст. 185 УК РТ);

- унижение национального достоинства (ст. 189 УК РТ);

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в связи с его социальной, расовой, национальной, клановой, местнической, религиозной, языковой принадлежностью или его отношением к религии (ст. 143 УК РТ);

- привлечение к участию в экстремистских действиях, а также изучению экстремистской идеологии (ст. 307⁴ УК РТ);

- воспрепятствование либо принуждение к изменению характера законной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, избирательных комиссий, других организаций, объединений и их должностных лиц (статьи 150, 157, 158 УК РТ);

- применение насилия, либо угрозы его применения в отношении сотрудников правоохранительных органов, либо других государственных учреждений, их близких с целью мести за действия, связанные с осуществлением служебной деятельности, либо угроза применения насилия по этим мотивам (статьи 328, 329 УК РТ);

- пропаганда и публичная демонстрация герба, флага или других символов организации, признанной судом экстремистской (ст. 307³ УК РТ);

- публичный призыв к осуществлению экстремистских действий, либо распространение экстремистских материалов, а равно их изготовление и хранение в целях распространения (статьи 307, 307¹ УК РТ);

- издание и (или) распространение печатных, аудио, аудиовизуальных и иных материалов экстремистского характера в средствах массовой информации, интернете, сетях электрической связи (статьи 307, 307¹ УК РТ).

Таким образом, анализ прежнего и нового действующего законов в сфере противодействия экстремизму показывает, что уголовно-правовой термин «экстремистская деятельность» представляет собой сложное понятие, охватывающее совокупность преступлений экстремистской направленности, и в некоторых случаях перечень этих преступлений весьма расплывчат.

Так, если термин «экстремистская деятельность» определяется в предыдущем законе о борьбе с экстремизмом путем упоминания ряда конкретных деяний, таких, как хулиганство (ст. 237 УК), вандализм (ст. 237¹ УК), а в ст. 307² УК РТ наряду с другими конкретными преступлениями, экстремистскими признаны также статьи 160, 242, 243 УК РТ, то в новой редакции закона, данные статьи экстремистскими по своему характеру не признаются, что создает новые проблемы для правоприменителей.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на принятие нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», проблемы понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», а также перечень конкретных действий экстремистской направленности остаются все такими же несовершенными, сложными и спорным.

Этот факт подтвердил и наш социологический опрос, проведенный среди сотрудников правоохранительных органов, так как 52% респондентов обеспокоены сложностью понятия «экстремизм», а 57,2% - сложностью понятия «экстремистская деятельность», поддерживая позицию о совершенствовании этих понятий. При этом, более 50% опрошенных сотрудников подтвердили мнение о смещении на законодательном уровне понятий экстремистская и террористическая деятельность.

Несмотря на то, что с принятием Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 17 мая 2004 г., за № 35, УК РТ был дополнен статьями 307¹ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма), 307² (Организация экстремистского сообщества), 307³ (Организация деятельности экстремистской организации), по существу, они

также не в полном объеме выполняют свое уголовно-правовое предназначение.

Изучение и анализ материалов уголовных дел показывает, что деятельность руководителей и членов «Хизб-ут-Тахрир» до принятия Закона РТ «О борьбе с экстремизмом»¹ и введения в УК РТ вышеуказанных статей наравне с преступлениями террористического характера (ст. 179 – «Терроризм», ст. 310 – «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан» и др.) квалифицировались по совокупности с такими статьями УК РТ, как ст. 189 (Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиональной) вражды или розни), ст. 187 (Организация преступного сообщества (преступной организации)) и ст. 307 (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан)².

В силу двоякости содержания понятия «экстремистская деятельность», приведенное в предыдущем законе РТ «О борьбе с экстремизмом» и во вновь принятом Законе РТ «О противодействии экстремизму», по сей день весьма затруднительно находить строго определенные признаки экстремизма (экстремистской деятельности) в диспозициях статей 307¹, 307² и 307³ УК РТ.

В примечаниях указанных статей законодатель не раскрыл юридического определения понятию «преступления экстремистской направленности», вместо этого, в диспозиции ч. 1 ст. 307² УК РТ «Организация экстремистского сообщества» закрепил лишь перечень деяний, которые относились к преступлениям экстремистской направленности. В этот перечень попали статьи 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237¹ 242 и 243 УК РТ, если они совершаются по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или

¹ Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., за № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003 г., № 12, ст. 697; 2007 г., № 3, ст. 158; 27.11.2014 г., № 11, ст. 655 (утратил силу).

² Судебные архивы районов Сино, Фирдавси, Шохмансур, И. Сомони и суда г. Душанбе.

религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы¹.

К сожалению, в этом перечне нет статей 143, 307, 307¹, 307³ и 307⁴ УК РТ, которые законодатель по существу и ввел с целью активизации борьбы с экстремизмом. Поэтому, для того, чтобы разобраться с уголовно-правовым содержанием указанных преступлений правоприменители вынуждено обращаются к законодательным определениям «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности».

Проведенный нами социологический опрос среди сотрудников правоохранительных органов показал, что 54,4% из них выступают за совершенствование перечня преступлений экстремистской направленности, а 51,2% поддерживают включение в этот перечень статей 143, 307, 307¹, 307³ и 307⁴ УК РТ. При этом 54,8% поддерживают включение в ст. 307² УК РТ примечания по определению понятия преступлений экстремистской направленности.

Несмотря на то, что в п. «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» ч. 2 ст. 110, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117, ч. 1 ст. 143 и ст. 398 УК РТ при совершении общественно опасных деяний предусматриваются квалифицирующие признаки на почве национальной, расовой, религиозной, местнической ненависти или вражды либо мести, указанные статьи УК РТ экстремистскими не признаны. В то же время, по неясным причинам в ст. 112 УК РТ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ст. 116. УК РТ (Побои) законодатель также не установил таких квалифицирующих признаков.

Анализ составов экстремистских преступлений показывает, что согласно УК, в основе экстремистских преступлений лежит ненависть или неприязнь виновных к определенным социальным группам (не к одному человеку, а к большому их количеству), которые отличаются друг от друга по политическим, расовым, национальным, религиозным и другим признакам.

В толковом словаре русского языка термины «ненависть» и «вражда» интерпретируются как взаимно дополняющие друг друга.

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 за № 574 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1998 г., №9, ст. 68, ст. 69, №22, ст. 306 (Закон РТ от 20.04.2021 г., № 1776).

Так, под ненавистью понимается «чувство сильной вражды, злобы»¹, а под враждой - «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью»².

В Толковом словаре таджикского языка же, термин «вражда» означает неприязнь, ненависть, злобу, месть и разногласие, а «ненависть» понимается как вражда, неприязнь³. В то же время, в этом словаре ненависть и вражда в совокупности понимаются как «гнев, неприязнь, ненависть и недоброжелательность»⁴.

«Ненависть» определяется как «стойкое активное отрицательное чувство человека, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям, ценностям», способные «вызывать не только соответствующую оценку своего предмета, но и активную деятельность, направленную против него»⁵.

Под «направленностью» филологами понимается целеустремленная сосредоточенность на чьих-то мыслях, интересах. Причем в преступлениях экстремистской направленности мысли и интересы виновных сконцентрированы на ненависти либо вражде по отношению к представителям определенных социальных групп⁶.

А.Т. Корнилов, поддерживая позицию С.В. Борисова, отмечает, что преступление экстремистской направленности предполагает выходящее за рамки допустимого в обществе негативное отношение к определенным социальным группам и (или) их представителям, основанное на ненависти либо вражде к данным

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова - 4-е изд., дополненное. - М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. - С. 408.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. работа. - С. 102.

³ Толковый словарь таджикского языка (на тадж. яз.). Из 2-х частей. Ч. 1 / под ред. С. Назарзода [и др.]. - Машхад-Душанбе: АОО «Ксероксленд», в сотрудничестве с изд-вом «Сухангустар», 2008. - С. 39.

⁴ Указ. работа. - С. 610.

⁵ Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - М.: Политиздат, 1985. - С. 206.

⁶ Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Корнилов. - М.: Всерос. науч. - исслед. ин-т МВД РФ, 2011. - С. 34.

группам и соответствующим индивидам. Такое негативное отношение определено отличительными признаками социальных групп или их представителей, таких, как приверженность к определенной идеологии, направлению в политике, принадлежность к каким-либо национальным особенностям, расе, национальности либо религии и т.д.; содержание умысла виновного в преступлении экстремистской направленности содержит в себе желание совершить общественно опасное деяние именно в отношении указанных групп и (или) их представителей, и (или) в связи с существованием последних. При этом виновный осознает, что в своем противоправном поведении он проявляет ненависть либо вражду и желает их продемонстрировать¹.

Как отмечалось выше, проблема заключается в том, что законодатель еще не определил четких мотивов экстремизма и полного (точного) перечня преступлений экстремисткой направленности. Даже в предыдущем Законе Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» не было определения «преступления экстремистской направленности». Хотя в новом Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» нашими усилиями это понятие было введено, точного перечня таких преступлений нет или он неоднозначен. Поэтому понятие экстремистской деятельности в этих законах не отвечает теоретическим требованиям науки уголовного права (к этому вопросу мы еще вернемся - *Х.М.*), в связи с чем, правоохранительные органы путаются в содержании этих преступлений.

В этом контексте следует акцентировать внимание на том, что после подписания в 1997 году Соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Объединенной таджикской оппозицией об установлении мира и национального согласия в Таджикистане², несмотря на вооруженное противостояние отдельных непримире-

¹ Борисов С.В. Сущность преступлений экстремистской направленности // Мировой судья. - М.: Юрист, - 2009, - № 4. - С. 21-22; Корнилов Т.А. Указ. работа. – С. 34-35.

² Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане (Москва, 27 июня 1997 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tajikistan.turkestan.ru/tj/konflikt/documents/o.html> (дата обращения - 12.10.2017 г.).

мых вооруженных формирований, период с 2003 по 2010 годы можно считать относительно спокойным периодом общественной жизни республики.

Несмотря на то, что в указанные годы не было совершено «громких» преступлений экстремистской направленности, все же, опасность идеологического противостояния религиозно-экстремистских групп было явным. В связи с этим, правоприменительные органы республики принимали решительные меры по противодействию экстремизму. Например, по Решению Верховного Суда Республики Таджикистана от 19 апреля 2001 г. деятельность организации «Хизб-ут-Тахрир» была признана незаконной, а с 11 марта 2008 г. по его же решению данная организация признана экстремистской*.

После признания деятельности «Хизб-ут-Тахрир» незаконной, покровители международных экстремистских организаций взялись за развитие нового религиозно-экстремистского течения «Салафия», которое также преследовало целью создание мощного унитарного государства по типу «Халифат», основанного на законах шариата.

8 января 2009 г. было принято очередное решение Верховного Суда Республики Таджикистана о признании религиозного течения «Салафия» незаконным и 8 декабря 2014 г. данное течение было признано экстремистским¹.

* Также, по Решению Верховного Суда Республики Таджикистан деятельность нижеследующих организаций была признана экстремистско-террористической: «Аль-Каида»; «Исламское движение Восточного Туркестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Движение Талибан»; «Братья мусульмане»; «Лашкар-е Тайба»; «Исламская группа» («Джамият-е Ислам-и Пакистан»); «Джамият-е Таблиг»; Религиозно-миссионерская организация «Созмони таблигот» («Призыв исламу»); «Свободный Таджикистан» («Тоҷикистони озод») «Группа 24»; «Исламское государство» (ИГИЛ), «Джабхат-ан-Нура» и ИПВТ (Исламская партия возрождения Таджикистана). См.: Информация Пресс-центра Верховного Суда Республики Таджикистан от 11.10.2019 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sud.tj/markazi-matbuot/khabarho/284/?sphrase_id=4716 (дата обращения: 15.10.2019 г.).

¹ Маджидзода Дж.З., Назаров Н. Организованная и транснациональная преступность: учебно-методическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: «Дакики», 2014. – С. 89.

В связи с тем, что с целью подрыва основ конституционного строя некоторые лидеры и представители Партии исламского возрождения Таджикистана совершали экстремистские и террористические акты, Верховный Суд Республики Таджикистан 29 сентября 2015 года своим решением был вынужден приостановить деятельность этой партии. Также своим решением от 15 августа 2019 года Верховный Суд республики запретил деятельность организации «Национальный пакт Таджикистана», которая в последние годы активизировала свою деятельность на территории республики¹.

По мнению А.К. Шарипова, хотя деятельность «Хизб-ут-Тахрир», «Салафия» и Партии исламского возрождения Таджикистана отныне была в стране запрещена, их представители по сей день активны и тайно ведут пропаганду политического ислама².

В связи с этим профессор У.А. Азизова утверждает, что в наше время экстремистско-террористические группировки, выступая под прикрытием ислама, запятнали его основы. В частности, так называемое «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), жестоко наказывая заключенных, заложников и гражданских лиц на своей территории, доказывает, что его преступная деятельность не имеет ничего общего с культурой, духовностью и ценностями ислама. Следовательно, противостоять идеологии и действиям экстремистско-террористических организаций можно только на основе глубокого изучения содержания и сущности истинного ислама, его духовного и культурного наследия³.

По мнению большинства ученых, наравне с социально-экономическими, нравственно-духовными причинами, одним из

¹ Информация Пресс центра Верховного Суда РТ от 11.10.2019 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sud.tj/markazi-matbuot/khabarho/284/?sphrase_id=4716 (дата обращения: 15.10.2019).

² Шарипов А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.К. Шарипов. – М., 2017. – С. 32-33.

³ Азизов У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / У.А. Азизов. – Душанбе, 2015. – С. 4.

основных факторов экстремизации массового сознания молодежи на религиозной почве является целенаправленная деятельность международных экстремистско-террористических организаций, деятельность которых не редко поддерживается отдельными государствами в их же геополитических интересах¹.

В этой связи С.С. Ятимов отметил, что злоупотребление идеологией суеверий, экстремизм и фанатизм, искусственная политизация ислама и его идеологической инфраструктуры в ближайшем будущем могут стать самой большой угрозой для государственной безопасности, конституционного порядка, мира и стабильности, а также экономического, социального и культурного развития таджикского общества и эта угроза в десятки раз выше, чем в 1990-е годы, поскольку если в то время фундаменталистская идеология охватывала часть страны, то в сегодняшних условиях распространение экстремистской и суеверной идеологии охватывает уже большую ее часть².

Таким образом, покровители международных экстремистско-террористических организаций, начиная с 90-х годов прошлого века и по сей день распространяют политизированный ислам как в ре-

¹ По мнению большинства специалистов, за этими организациями стоят спецслужбы заинтересованных стран Запада. См.: Джалилов К. Исламский фактор и внешняя политика Таджикистана // Вестник Таджикистана и современный мир, – 2007. – № 2 (15). – С. 56; Махмудов И.Т. Деятельность органов прокуратуры по контролю за исполнением законов в области национальной безопасности, борьбе с терроризмом и экстремизмом (на тадж. яз.) // Вестник Национального университета Таджикистана. - 2015. - № 3/12(189). – С. 72-78; Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века: монография. – М.: «Политиздат», 1989. – С. 169; Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма: монография. – М.: Изд-во «Щит-М», 1999. – С. 26; Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / под ред. Р.А. Руденко. – М.: «Наука», 1969. – С. 357-362; Богданов О.В. Курс международного права: Основные институты и отрасли современного международного права. В 6-ти томах. Т. 5. – М.: Наука, 1969. – С. 430; Терехов В.Д. Международный терроризм и борьба с ним // Новое время, – 1974. – № 11. – С. 20-22.

² Ятимов С.С. Факторы распространения теории и практики экстремизма и терроризма: методы и средства противодействия (на тадж. яз.) / «Противодействие современным угрозам и вызовам в Центральной Азии: достижения и перспективы Таджикистана в борьбе с терроризмом, экстремизмом и коррупцией». Материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: «Шахпар», 2014. – С. 41.

гионе вообще, так и в Таджикистане в частности. В результате этого, рост проявлений экстремизма в течении последних лет вызывает обоснованное беспокойство общества, реально угрожает стабильности государственного строя. Об этом свидетельствуют официальные статистические данные ГИАЦ МВД Таджикистана и динамика рассматриваемых нами преступлений*, что явствует из диаграммы 1.

Диаграмма 1

Общее количество преступлений экстремистской направленности в 2010-2020 годах в общем составило 4986¹. Несмотря на то, что уровень преступности в 2017-2018 годах по сравнению с 2016 годом снизился почти на 10%, однако в 2019 году по сравнению с 2017-2018 г. вырос почти на 31%. Уровень этих преступлений в 2020 году снизился почти на 7% по сравнению с 2019 годом, но риск данного явления все еще вызывает беспокойство, так как по

* Динамика преступности - это изменение ее уровня и структуры за год или иной период времени. Определение динамики преступности позволяет установить тенденции и закономерности ее развития (снижение или рост, изменения в структуре и т.д.).

¹ См.: ГИАЦ МВД Республики Таджикистан. Состояние преступности за 2010-2020 годы.

сравнению с 2010 годом этот уровень в 2020 году увеличился примерно в 175 раз¹.

Резкий рост преступлений экстремистской направленности за пять последних лет произошел за счет незаконного вовлечения и участия граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных формированиях, вооруженных конфликтах или военных действиях на территории других государств (ст. 401¹ УК РТ), публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности и публичного оправдания экстремизма (ст. 307¹ УК РТ).

Анализ уголовных дел лиц, участвовавших в вооруженных конфликтах в других странах показал, что в основном в экстремистские и террористические организации вовлекались молодые люди в возрасте от 18 до 28 лет, не имеющие достаточного жизненного опыта и политической зрелости². В связи с этим, в Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы отмечается, что в настоящее время возможно увеличение количества экстремистов из числа молодежи в возрасте от 18 до 27 лет, не имеющих достаточной степени социальной зрелости, жизненного и профессионального опыта³. С этой точки зрения в «Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы» вопрос о привлечении молодежи в ряды экстремистских и террористических организаций рассматривается как реальная угроза основам конституционного строя⁴.

¹ Хафиззода Ш.Х., Солиев К.Х., Сафаров Х.С., Хайдарзода М.П., Оев Т.Ю. Уголовно-правовая характеристика экстремизма и тактика допроса подозреваемых: научно-практическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2018. – С. 34.

² Уголовное дело № 2-36/10 // Судебный архив г. Душанбе за 2015 г.; Уголовное дело № 2-17/19 // Судебный архив г. Душанбе за 2015 г.; Уголовное дело № 1-35/15 // Судебный архив р. Сино г. Душанбе за 2015 г.; Уголовное дело № 1-535/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе за 2016 г.

³ Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы от 12 ноября 2016 г., № 776 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

⁴ Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы от 1 июня 2021 г., № 187 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

Широкое распространение экстремистской идеологии и динамичный рост преступлений экстремистской направленности, соответственно и террористических акций, требует своевременных и квалифицированных мер уголовного-правового воздействия. Проблема заключается еще и в том, что многие составы преступлений экстремистской направленности, которые являются одним из основных «инструментов» в руках правоприменительных органов в борьбе с экстремизмом, до сих пор требуют глубокого научного изучения и анализа, соответственно, и преосмысления эффективности практического их применения.

Например, несмотря на то, что еще 12 июня 2014 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности», которое, по сути, должно было стать практическим руководством правоприменительных органов при квалификации преступных деяний по статьям 307¹, 307² и 307³ УК РТ, однако из-за сложности определения термина «экстремистская деятельность» эти органы вынуждены избегать толкования признаков состава этих преступлений. В этом постановлении также не определен полный перечень преступлений экстремистской направленности и уголовно-правовое содержание понятия «экстремистская деятельность»¹. В связи с этим, даже специалисту очень трудно разобраться в признаках составов статей 307¹, 307² и 307³ УК РТ.

Анализ материалов более 50 уголовных дел данной категории показывает, что при определении преступных деяний, имеющих признаки экстремизма, судебно-следственные органы в большинстве случаев квалифицируют их по статьям 189 и 307 УК РТ или произвольно без детальной конкретизации объективных и субъективных признаков добавляют статьи 307¹, 307² и 307³ УК РТ по совокупности². Например, гражданин Н., познакомившись с одним из

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности» от 12 июня 2014 г., № 1 // Бюллетень Верховного Суда Республики Таджикистан. – 2014. – № 2. – С. 7-8.

² Архивы судов районов Сино, Фирдавси, Шохмансур, И. Сомони и суда г. Душанбе.

членов экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир», вместе с ним изучив экстремистскую книгу «Исламская система», узнал о целях и задачах организации, присоединился к организации, выбрав псевдоним, с целью скрыть свою личность. Активно пропагандируя мысли о разжигании ненависти и религиозной розни, превосходства граждан с точки зрения их отношения к религии и установления «исламского Халифата», вместо демократического государства в качестве достижения конечной цели этой организации (насильственный захват государства), гражданин Н. внес в организацию членские взносы и в качестве разовой акции распространил экстремистские листовки в жилых домах города Турсунзаде. Действия Н. суд квалифицировал по пункту «г» ч. 2 ст. 189, пунктам «б» и «г» ч. 2 ст. 307, ч. 2 ст. 307² и ч. 2 ст. 307³ УК РТ¹. Аналогичная картина наблюдается и при квалификации других, изученных нами уголовных дел².

К сожалению, подобное положение дел о законодательном закреплении понятия «экстремистская деятельность» характерно не только для Республики Таджикистан. В частности, анализ уголовного законодательства государств постсоветского пространства служит доказательством того, что содержащееся в специальных законах понятие «экстремистская деятельность» также существенно различается по своим признакам, а порой и вовсе несопоставимо³.

В связи с этим, на современном этапе развития теории уголовного права, разработка признаков экстремизма, экстремистская деятельность и преступления экстремистской направленности имеют не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку отсутствие четких научных критериев приводит к серьез-

¹ Уголовное дело № 1-38/13 // Судебный архив г. Душанбе за 2013 г.

² Например, Уголовное дело № 2-34/13 // Судебный архив г. Душанбе за 2013 г.; Уголовное дело №2-14/13 // Судебный архив г. Душанбе за 2013 г.

³ Закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., за № 114-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/ips/>; Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г., за № 203-З // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kodeksy-by.com>; Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г., N 31 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parlam.kz> (дата обращения: 13.10.2017 г.).

ным недоработкам в законодательстве и, как следствие, противоречивой и неэффективной практике борьбы с преступностью.

В этом контексте заслуживает внимания позиция В.П. Емельянова, который при рассмотрении соотношения понятий «террористическая деятельность» и «преступления террористического характера» отмечает, что «под террористической деятельностью, против которой и должна быть непосредственно направлена борьба с терроризмом, следует понимать круг деяний, обозначенных понятием преступления террористического характера»¹.

Определив критерии признания определенных деяний преступлениями террористического характера, В.П. Емельянов отмечает, что «преступлениями террористического характера деяния могут стать всякий раз, когда они являются для виновного не самоцелью, а средством достижения другой цели, не находящейся в прямой и непосредственной связи с этими деяниями, когда они служат рычагом воздействия, запугивания и понуждения к принятию какого-либо решения, либо воздержанию от него»².

Несмотря на то, что экстремизм и терроризм мы считаем различными явлениями, соотнесение их уголовно-правовой природы как части и целого представляется необоснованным, но на наш взгляд, в качестве гипотезы заслуживает внимания условное распространение определяющих признаков понятия «террористической деятельности» для определения уголовно-правовой природы экстремистской деятельности.

Иной точки зрения придерживается А.А. Можегова, которая отмечает, что при определении понятия «экстремистская деятельность», ссылка на определение понятия «террористическая деятельность» нецелесообразна³.

Не разделяя указанной позиции, отметим, что именно экстремистские мотивы и мобилизуют исполнителей экстремистских

¹ Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. - С. 63.

² Емельянов В.П. Указ. работа. – С. 61.

³ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. - М. 2015. – С. 20-34.

акций на достижение определенной цели, т.е., оказания психологического и физического давления (насилия) на оппонентов в интересах экстремистских организаций.

В связи с этим, несмотря на то, что при определении содержания преступлений экстремистской направленности, в качестве основного признака выступают экстремистские мотивы (религиозные, расовые, политические, национальные и т.д.), было бы целесообразно на законодательном уровне определить и цель этих преступлений – «воздействие на оппонентов для удовлетворения экстремистских интересов», т.к. совершение преступлений экстремистской направленности для виновных не является самоцелью.

Например, кража личного имущества, разбойное нападение, поджог и другие насильственные действия в отношении конкретного человека или группы лиц (даже если эти лица представители других наций и народов) с целью получения какой-то выгоды или личной неприязни, не должны квалифицироваться как преступления экстремистской направленности в силу того, что такие преступления совершаются с целью психологического воздействия на оппонентов в интересах экстремистов. Экстремисты всегда рассчитывают на поддержку определенной социальной группы - «своих приверженцев».

В связи с этим, внимание органов уголовного преследования и суда должно быть направлено на то, чтобы в соответствии с пунктом 5 статьи 85 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) при дознании, предварительном следствии и возбуждении уголовных дел по признакам экстремистской направленности учитывались мотив и цель совершения преступления¹. Это связано с тем, что отсутствие либо недоказанность цели, являющейся конститутивным признаком основного состава многих преступлений экстремистской направленности исключает юридическую оценку деяния по статьям УК РТ данной группы и его отнесение к проявлениям экстремизма. Об этом более подробно говорится и в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 12 июня 2014 г. «О

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г., за № 564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 г., №12, ст. 815, ст. 816 (с изменениями и дополнениями от 02.01.2019 г., № 1556).

применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности»¹.

С.Б. Борисов и А.В. Жеребченко указывают на следующие критерии определения круга преступлений экстремистской направленности:

- экстремистская направленность преступлений предполагает выходящее за рамки допустимого в обществе негативного отношения к определенным социальным группам и (или) их представителям, основанное на ненависти либо вражде к данным группам и соответствующим индивидам;

- такое отношение обусловлено конкретным отличительным признаком (признаками) этих социальных групп и (или) их представителей: приверженность к определенной идеологии, направлению в политике, принадлежность к какой-либо ненавистной расе, национальности либо религии;

- содержание умысла виновного в том или ином преступлении экстремистской направленности включает в себя желание совершить общественно опасное деяние именно в отношении указанных групп и (или) их представителей, а равно в связи с существованием последних (например, сожжение вывески ресторана какой-либо национальной кухни). При этом виновный осознает, что в своем противоправном поведении он проявляет соответствующую ненависть либо вражду и желает их продемонстрировать².

Следует добавить еще один немаловажный критерий определения круга преступлений экстремистской направленности - цель психологического воздействия на волю представителей других наций и народов, конфессий, религиозных объединений и политических организаций в интересах экстремистов. Как нами было отмечено выше, экстремисты всегда рассчитывают, что их акты найдут определенную социальную поддержку, соответственно и

¹ Рахимзода Р.Х. Нормативные правовые и судебные акты о деятельности организаций и партий террористической и экстремистской направленности (на тадж. яз.). - Душанбе: «Ирфон». 2015. - С. 10-28.

² Борисов С.Б., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учеб. пособие / Борисов С.Б., А.В., Жеребченко; отв. ред. и предисл. - засл. деят. науки РФ, д-р юр. наук, проф. Н.И. Ветеров. - М.: Волтерс Кулвер, 2011. - С. 7.

инструментально повлияют на психику оппонентов в интересах экстремистов.

На наш взгляд, отличительной чертой преступлений экстремистской направленности от преступлений террористического характера заключаются и в том, что они выражаются в более открытой (публичной) форме на социальном уровне, чем террористические методы борьбы. Если крайние формы терроризма выражаются в совершении терроризма (террористического акта), захвата заложников, захвата воздушных судов и т.д., то крайние экстремистские проявления могут проявляться в виде массовых беспорядков или же геноциде.

Чтобы совершить террористический акт, террористы прилагают все усилия, чтобы их не вычислили правоохранительные органы, экстремисты же в основном выступают в открытой форме (посредством СМИ, Интернета, в общественных местах и т.д.).

Сегодняшние правовые реалии таковы, что в силу отсутствия самостоятельного состава экстремизма в уголовном праве, и наоборот, произвольное закрепление достаточно сложных и дискуссионных составов преступлений в УК РФ, таких, как ст. 307¹ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма), ст. 307² (Организация экстремистского сообщества), ст. 307³ (Организация деятельности экстремистской организации) и ряда других, правоприменительные органы вынуждены расценивать экстремизм как комплексное определение, представляющее собой совокупность самостоятельных уголовно-правовых норм.

В связи с тем, что содержание понятия «экстремистская деятельность» раскрывается через призму преступлений экстремистской направленности, повышенная бланкетность указанных норм позволяет отнести их к области так называемого смешанного уголовного права*, применение которого невозможно без обращения к

* Понятие «смешанное уголовное право» впервые использовал Л.Д. Гаухман, подразделяющий уголовное право на две разновидности: «1) чистое, то есть не содержащее бланкетных норм, и 2) смешанное, или комплексное, то есть содержащее бланкетные нормы, вследствие чего, реализуемое лишь с применением других, помимо уголовного, законов и (или) иных нормативных правовых актов». См.: Гаухман Л.Д. Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью / Сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. - М.: Московский университет МВД России, 2007. - С. 10.

иным, не уголовным законам и (или) подзаконным нормативным правовым актам¹. Поэтому, с целью определения содержания понятия «экстремистская деятельность», правоприменительные органы вынуждены обращаться к Закону РТ «О противодействии экстремизму»², в котором указанное понятие раскрывается путем перечисления разнородных преступлений, имеющих как экстремистский, так и террористический характер. Например, такие пункты, как захват или присвоение властных полномочий (ст. 306 УК РТ), создание незаконных вооруженных формирований (ст. 185 УК РТ) в основном свойственны террористическим методам борьбы, нежели экстремистским. Более того, создание незаконных вооруженных формирований, указанных в статьях 179, 179¹, 179³ УК Республики Таджикистан, а также в соответствии с пунктами 12 и 14 ст. 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» и других специальных законах стран СНГ, являются неотъемлемыми частями террористических проявлений.

Данную проблему российский законодатель решил с введением Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ. В результате этого, в содержании понятия «экстремистская деятельность», закреплённого в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» внесены существенные коррективы: из него исключены такие формулировки, как «подрыв безопасности Российской Федерации»; «захват или присвоение властных полномочий»; «создание незаконных вооруженных формирований»; «посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность».

¹ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. - М., 2015. - С. 20-34.

² Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г., за № 1655 // Джумхурият: официальное издание Республики Таджикистан // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276 (дата обращения: 08.01.2020 г.).

В связи с этим, мы не разделяем позицию некоторых авторов, отмечающих, что «террористическая деятельность», «создание незаконного вооруженного формирования» следует рассматривать в контексте с антигосударственным насильственным экстремизмом¹. Такой подход возможен только в свете широкого толкования понятия экстремизма, т.е. в криминологическом плане, который и приводит к смешению террористической и экстремистской деятельности.

На наш взгляд, во избежание использования таких чрезмерно сложных уголовно-правовых дефиниций как «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности», эти проблемы необходимо решать на законодательном уровне, поскольку пункт 10 Концепции уголовно-правовой политики Республики Таджикистан, утвержденной Правительством Республики Таджикистан 2 ноября 2013 года за № 492 гласит, что «С целью развития уголовного законодательства, реализация которого ограничивает права и законные интересы человека и гражданина, его основные понятия должны быть правильно представлены с научной точки зрения»².

Также в соответствии с подпунктом 4 пункта 25 Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы от 6 февраля 2018 года за № 1005 установлен приоритет Уголовного кодекса над иным антиэкстремистским законодательством в сфере предупреждения преступлений экстремистской направленности³.

С учетом сложившихся научных представлений о содержании понятия «экстремизм», а также судебно-следственной практики о преступлениях экстремистской направленности, таких, как статьи 189, 307, 307¹ и 307³ УК РТ, которые на наш взгляд, в большинстве

¹ Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Павлинов. - М.: Институт государства и права РАН, 2008. - С. 271-273.

² Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г., № 492 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

³ Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы от 6 февраля 2018 г., № 1005 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

случаев дублируют друг друга и находятся в очень сложной и неопределенной конкуренции, также нуждаются в совершенствовании.

На данный момент к преступлениям экстремистской направленности не относится и ст. 307⁴ УК РТ (Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера), которая введена в УК Законом РТ «О внесении изменения и дополнении в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» 2 августа 2011 г. за № 750.

Социальная обусловленность введения данной статьи в кодекс заключалась в том, что определенные деструктивные силы с первых дней приобретения государственной независимости¹ и по сей день тайным путем обучают молодежь религиозно-экстремистской идеологии, которая в итоге и приводит к оправданию или применению насилия к оппонентам на религиозной почве, или же проявляется в террористических актах.

На наш взгляд, статью 401¹ УК РТ (Незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств)² также необходимо на законодательном уровне признать преступлением террористической направленности. Дело в том, что анализ оперативных данных и материалов уголовных дел доказывает, что 90% лиц, участвующих в вооруженном конфликте в Сирии и Ираке задействованы в экстремистских и террористических группировках в связи с систематическим распространением экстремистско-террористической идеологии, другие же причастны к террористическим актам. В связи с тем, что призывы боевиков в конечном итоге направлены на осуществление «вооруженного джихада» и других террористи-

¹ Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» от 9 сентября 1991 г., за № 392 // Национальное законодательство Республики Таджикистан // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

² Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» в редакции Закона Республики Таджикистан от 26 июля 2014, №1088 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2014 г., №3, ст. 141, №7, қ. 1, ст. 385, ст. 386.

ческих актов, важно рассматривать эту акцию как условно относящуюся к преступлениям террористического характера*. Данное преступление считается оконченным с момента привлечения другого лица к участию в вооруженных конфликтах на территории других государств, независимо от наступивших последствий.

В юридической литературе также бытует мнение о том, что следует различать «преступления экстремистской направленности» и «экстремистские преступления в узком смысле»¹, или «чистые» экстремистские преступления и любые иные преступления, при условии, что они совершаются по экстремистским мотивам².

Например, И.М. Тяжкова предлагает различать понятия «экстремистские преступления» (статьи 280, 282, 282¹ и 282² УК РФ)³ (аналогичные статьи 307¹, 307², 307³ УК РТ) и «преступления экстремистской направленности».

По мнению А.А. Можеговой, деление преступлений, связанных с экстремизмом на две группы (собственно экстремистские преступления, основным объектом которых являются основы конституционного строя и безопасность государства и преступления экстремистской направленности, посягающие на иные основные объекты, но совершаемые по экстремистскому мотиву), представляется обоснованным⁴.

Благодаря такому делению, в самостоятельную группу выводятся преступления, которые относятся к экстремизму вне зависимости от того, совершаются ли они по экстремистским мотивам или нет.

* Позиция автора относительно взаимосвязи между экстремистскими и террористическими преступлениями более подробно рассматривается в параграфе 3 главы 2 исследования.

¹ Юдичева С.А. Понятие экстремистского сообщества и его уголовно-правовое значение // Новый юридический журнал. - 2012. - № 2. - С. 140.

² Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально - правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. - М., 2011. - С. 12, 297-298.

³ Тяжкова И.М. Экстремистские преступления как посягательство на внутреннюю безопасность государства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. - М.: Изд-во Моск. ун-та, - 2012, - № 4. - С. 83.

⁴ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. - М., 2015. - С. 33.

Экстремистская направленность таких преступлений определяется их направленностью на такой основной объект, как основы конституционного строя и безопасность государства (гл. 29 УК РФ). Преступления экстремистской направленности посягают на другие основные объекты - жизнь и здоровье личности, общественный порядок и др.

Кроме того, без такого разделения, преступления, относящиеся к экстремизму в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», по сути «выпадали» из группы преступлений экстремистской направленности, если совершались не по экстремистским мотивам.

При этом для преступлений второй группы экстремистский мотив может выступать конструктивным или квалифицирующим признаком, либо отягчающим обстоятельством, учитываемым судом при назначении наказания (п. «е» ст. 62 УК РТ).

Мы не можем согласиться с мнением о «расчленении» экстремизма на «экстремистские преступления» и «преступления экстремистской направленности» по нижеследующим причинам.

Во-первых, содержание понятия «экстремистская деятельность» охватывает круг практически всех преступлений экстремистской направленности, которые не мыслимы без учета их мотивов.

Во-вторых, разделение экстремизма на экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по критериям их разделения по объектам посягательств также является сомнительным уголовно-правовым решением, так как основной признак экстремизма и преступлений экстремистской направленности выступают именно их мотивы (национальный, религиозный, расовый, политический).

В-третьих, при определении круга преступлений террористического характера независимо от того, что некоторые преступления данной направленности посягают на совершенно разные объекты уголовно-правовой охраны*, законодатель не разделяет их на тер-

* Ст. 310 УК «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан» закреплена в главе 29 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства), ст. 402 «Нападение на лиц и учреждения, пользующихся международной защитой» главы 32 УК РТ (Преступления против мира и безопасности человечества).

рористические преступления и преступления террористического характера, потому что в качестве критерия, объединяющего все преступления террористического характера выступает цель совершения указанных деяний.

Например, в силу того, что ст. 180 УК РТ (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма) не представляет собой такого конструктивного признака, как воздействие на органы власти с целью принятия или отказа от определенного решения в интересах преступников, данная норма не признается преступлением террористического характера.

Таким образом, следует отметить, что существующее понятие «экстремистская деятельность», предусмотренное законодательством Республики Таджикистан, не соответствует требованиям уголовного законодательства и практике борьбы с преступностью, является очень сложным и неоднозначным, затруднительным для понимания специалистов в теории и на практике.

Как было отмечено выше, понятие «экстремистская деятельность» в смысле криминологической категории должно представлять собой как уголовно-правовое, так и административно-правовое содержание, так как Закон РТ «О противодействии экстремизму» определяет организационно-правовые основы деятельности не только органов уголовной юстиции, но и местных органов государственной власти, джамоатов и отдельных граждан.

К счастью, в новом Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» определены термины «преступления экстремистской направленности» и «административные правонарушения экстремистской направленности»*, которые были получены в результате данного исследования и представлены нами в законодательный орган республики.

* В русской версии Уголовного кодекса Республики Таджикистан определение, звучащее на таджикском языке как «хусусият» (характер) законодатель перевел в некоторых случаях как «характер», а в других - «направленность». Например, в статье 179¹ упоминается о «преступлениях террористического характера», а в статье 307² речь идет о преступлениях «экстремистской направленности». Несмотря на это, по всему тексту русского варианта Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», используется термин «преступления экстремистского характера». По причине того, что термин «преступления экстремистской направленности» используется как в русском варианте УК РТ, так и в большинстве научных трудах по данному вопросу, в своем научном исследовании мы решили использовать лишь этот термин.

Таким образом, мы определили, что преступлениями экстремистской направленности признаются общественно опасные деяния, основанные на национальных, расовых, политических, религиозных (конфессиональных) и местных мотивах с целью нарушения прав и свобод человека и гражданина, порядка общественной безопасности, основам конституционного строя, мира и международной безопасности, выраженных в совершении одного или нескольких преступлений, предусмотренных статьями 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237¹, 242, 243, 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴ и 398 УК РТ¹.

После представления этих предложений в законодательный орган возникло много споров, которые разрешились представлением неоспоримых фактов, и, наконец, законодательные органы сочли необходимым принятие этих понятий и их внесение с некоторыми незначительными поправками в новый проект Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму».

Поэтому, в настоящий момент под преступлениями экстремистской направленности признается совершённое виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), основанное на политической, общественной, социальной, национальной, расовой, идеологической, местнической и религиозной неприязни с целью ущемления прав и свобод человека и гражданина, нанесения вреда общественной безопасности, основам конституционного строя, а также миру и международной безопасности, запрещенное Уголовным кодексом Республики Таджикистан под угрозой применения наказания².

К сожалению, Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» не перечисляет преступления экстремистской направленности, вместо этого в определениях «экстремистская деятельность» и «деятельность, признанная экстремистской в Республике Таджикистан», используя признаки различных преступлений, о чем ранее мы представляли свое мнение.

¹ Хайдарзода М.П. Возникновение и совершенствование понятия экстремистской деятельности в законодательстве Республики Таджикистан (на тадж. яз.) // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан. – 2019. – № 3 (43). – С. 176.

² Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г. № 1655 // Джумхурияг: официальное издание Республики Таджикистан // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276 (дата обращения: 08.01.2020 г.).

В то же время, мы представили в законодательный орган предложения относительно понятия «административные правонарушения экстремисткой направленности», указав, что административными правонарушениями экстремисткой направленности признаются противоправные действия, совершенные по национальным, расовым, политическим, религиозным или местническим мотивам с целью нарушения прав и свобод человека и гражданина, унижения чести и достоинства личности по указанным выше мотивам и предусмотренные соответствующими статьями Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан¹.

Законодательный орган в свою очередь, с небольшими поправками внес это понятие в текст нового Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» указав, что административным правонарушением экстремисткой направленности признается совершённое противоправное виновное деяние (действие или бездействие), основанное на политической, общественной, социальной, национальной, расовой, идеологической, местнической и религиозной неприязни, за совершение которого Кодексом Республики Таджикистан об административных правонарушениях установлена административная ответственность².

На самом деле, именно меры административно-правового характера являются эффективным средством в деле систематической и организованной борьбы с экстремизмом, так как эти средства являются первоначальным этапом в деле направления в правильное русло деятельности молодых людей, склонных к совершению опасных действий экстремистской направленности.

По нашему мнению, смысл ст. 85 (Принуждение к следованию вероучению или неследованию ему, участию в богослужении или неучастию в нем и к исполнению религиозных обрядов); ст. 86 (Воспрепятствование осуществлению права на свободу вероисповедания); ст. 106 (Нарушение законодательства о собраниях, митингах,

¹ Хайдарзода М.П. Возникновение и совершенствование понятия экстремистской деятельности в законодательстве Республики Таджикистан (на тадж. яз.) // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан. – 2019. – № 3 (43). – С. 177.

² Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г. № 1655 // Джумхурият: официальное издание Республики Таджикистан // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276 (дата обращения: 08.01.2020 г.)

демонстрациях и мирных шествиях); ст. 246 (Осквернение и повреждение исторических и культурных ценностей); ст. 370 (Нарушение порядка использования программ и материалов сторонних организаций); ст. 374 (Изготовление, хранение, ввоз, перевозка и распространение на территории Республики Таджикистан запрещенной продукции средств массовой информации, иной запрещенной печатной продукции); ст. 460 (Мелкое хулиганство); ст. 461 (Вандализм); ст. 462¹ (Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической*, религиозной (конфессиальной) вражды или розни); ст. 474 (Нарушение законодательства о религиозных объединениях); ст. 474¹ (Нарушение законодательства о производстве, ввозе, вывозе, реализации и распространении религиозной литературы, равно и других предметов и материалов религиозного назначения); ст. 474² (Незаконное осуществление и получение религиозного обучения); ст. 474³ (Проповедческая и просветительская деятельность религиозных объединений); ст. 474⁴ (Международные связи религиозных организаций); ст. 475. (Нарушение законодательства об общественных организациях); ст. 476 (Финансирование политических партий иностранными физическими и юридическими лицами); ст. 477 (Руководство и участие в деятельности незарегистрированных в установленном законодательством Республики Таджикистан порядке общественных и религиозных объединений и организаций, а также их финансирование); ст. 478 (Нарушение законодательства о религиозных организациях иностранными религиозными организациями, иностранными лицами и лицами без гражданства); ст. 480 (Нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий) Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан (далее – КоАП РТ) являются правонарушениями, которые носят или могут носить экстремистскую направленность¹.

В силу сложности практического применения указанных статей, данное направление требует глубокого изучения и анализа, ко-

* В статье 462¹ Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан термин «местнический» (в таджикском варианте «махалгарои») переведен в русском варианте как «региональный», что не соответствует значению в таджикском тексте и искажает его смысл. Исходя из этого и опираясь на таджикский текст кодекса, вместо термина «региональный» мы использовали термин «местнический».

¹ Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 г., за № 455 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2008 г., № 12, ч. 1, ст. 989, ст. 990 (Закон РТ от 17.12.2020 с., № 1727).

торое может сопутствовать дифференцированному подходу привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Например, согласно п. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», к такой деятельности относится пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, ответственность за которую предусмотрена ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Однако в соответствии с тем же Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» не всякая экстремистская деятельность является преступлением. Создание организации, участники которой будут объединены в целях совершения административных правонарушений, не обладает общественной опасностью, достаточной и необходимой для преступления. Видимо в данном случае законодатель отказался от использования термина «экстремистская деятельность» именно потому, что этим понятием охватываются не только уголовно-наказуемые деяния. В связи с этим и возникла необходимость введения нового термина «преступления экстремистской направленности», к категории которых, по логике законодателя, должна относиться вся экстремистская деятельность, влекущая уголовную ответственность¹.

На наш взгляд, именно такой подход выглядит более оправданным. Отказ от применения этого криминологического определения как «экстремистская деятельность» делает природу многих преступлений экстремистской направленности более выраженной и строго определенной.

Таким образом, из анализа приведенных определений следует вывод о том, что понятия одних и тех же явлений, связанных с экстремизмом в законодательстве Республики Таджикистан различаются как по объему, так и по содержанию.

Такие различия усложняют скоординированную и эффективную уголовно-правовую борьбу с экстремизмом и преступлениями экстремистской направленности, особенно с международным экстремизмом, подрывая необходимость в предотвращении и устране-

¹ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М. 2015. – С. 29-31.

нии конфликтов, несоответствий, недостатков, дублирования законов и устранения малоэффективных правовых норм, утративших свою актуальность¹.

Дискуссионность содержания экстремистской терминологии настоятельно диктует проведение анализа международных и региональных нормативных правовых актов в этой области, которые будут предметом нашего дальнейшего исследования.

1.3. Возникновение и становление понятия «экстремизм» в международном праве

Выявление проблем становления и применения законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности, а также выработка предложений по совершенствованию данных видов деятельности невозможно представить без изучения международных правовых актов, создающих основу для развития национальных систем права, в частности, противодействия таким деяниям².

В настоящем параграфе исследования комплексному анализу подвергаются основные положения наиболее важных международных нормативных документов, определяющих общие рамки правового воздействия на современные проявления экстремизма.

На наш взгляд, есть необходимость в общих чертах рассмотреть содержание некоторых терминов, раскрывающих содержание отдельных форм и видов экстремизма. Несмотря на то, что в международно-правовых актах отсутствует универсальное определение понятию «экстремизм», дефиниции «дискриминация», «ксенофобия», «расизм», «нетерпимость» и ряд других категорий выступают как альтернатива этому феномену, которые однако, не во всех слу-

¹ Концепция уголовной политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы от 6 февраля 2018 года, № 1005 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

² Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 106; Азимов Н.Б. Теоретические основы имплементации норм международного права в уголовное законодательство Республики Таджикистан: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н.Б. Азимов. – М., 2013. – С. 5.

чаях синонимичны ему¹. В связи с этим, есть необходимость выработки всеобъемлющего международно-правового понятия, охватывающего все проявления экстремизма в целом, поскольку требуется конкретизация признаков этого явления как универсального «инструмента» для комплексного воздействия на него.

При определении содержания указанных понятий в отдельности, непроизвольно вырисовываются отдельные признаки насильственного или ненасильственного экстремизма. Например, в Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века, принятой 10-м Конгрессом Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 10-17 апреля 2000², на котором обсуждались вопросы предотвращения преступлений и обращения с правонарушителями, а также Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. № 55/59³, термин «ксенофобия» используется как синоним термину «экстремизм», но его понятие не раскрывается.

В связи с этим, Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова и другие ученые, проводя соответствующие исследования, подчеркивали, что

¹ Всеобщая декларация прав человека, Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) ETS № 005. С изменениями и дополнениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г., 13 мая 2004 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4vNZC9CGv>; Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/pactrol.shtml>; Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106(XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/raceconv.shtml> (дата обращения: 13.10.2017 г.).

² Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: Принята на Десятом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10-17 апреля 2000 г. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml (дата обращения: 01.10.2021 г.).

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г., № 55/59 «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2565102/#ixzz4vNcYaQvI> (дата обращения: 13.10.2017 г.).

понятие «ксенофобия» означает навязчивый страх перед незнакомыми людьми, боязнь чужих; неприязнь, нетерпимость, ненависть и презрение к лицам иной веры, культуры, национальности, к иноземцам, представителям других регионов, а также к чему-либо незнакомому, чужому, непривычному¹. В связи с тем, что в указанном определении речь не идет о каких-либо конкретных действиях, непосредственно призывающих к насилию, на наш взгляд, указанное понятие представляет собой ненасильственную форму экстремизма.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1967 г. за № 2331 говорится том, что в противодействии нацизму и расовой нетерпимости должны применяться соответствующие меры, однако понятие этим мерам не представлено².

Анализируя данную проблему, Л.В. Смолина акцентирует внимание читателя на том, что «...проявление терпимости означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим»³.

Исходя из этого, 16 ноября 1995 г. в г. Париже странами-членами ЮНЕСКО принята Декларация принципов толерантности. Декларация обязывает государства, подписавшие ее, развивать и поощрять уважение прав человека и основных свобод для всех без различия расы, пола, языка, национальной принадлежности, религии или состояния здоровья и бороться с проявлениями нетерпимо-

¹ Краткий словарь современных понятий и терминов / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др.; Сост. и общ. ред. В.А. Макаренко. – 3-е изд., дораб. и доп. – М.: Республика, 2000. – С. 280.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1967 г., № 2331 (XXII) «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2540394/#ixzz4vNhApTX1> (дата обращения: 13.10.2017 г.).

³ Смолина Л.В. Комментарий к Федеральному Закону от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (постатейный) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/commllaw/1068> (дата обращения: 13.10.2017 г.).

сти. В соответствии со ст. 1 Декларации, терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур мира, форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений¹.

В ст. 1.2 Декларации о расе и расовых предрассудках говорится, что «все люди и группы людей имеют право отличаться друг от друга.... Однако многообразие форм жизни и право на различие ни при каких обстоятельствах не могут служить предметом для расовых предрассудков; ни юридически, ни фактически они не могут служить оправданием какой бы то ни было дискриминационной практики или основанием политики апартеида, представляющей собой самую крайнюю форму расизма». Часть 1 статьи 2 указанной декларации гласит, что «всякая теория, приписывающая превосходство или неполноценность отдельным расовым или этническим группам, которая давала бы право одним людям господствовать над другими или отвергать других, якобы низших по отношению к ним, или основывающая суждения об оценке на расовых различиях, научно несостоятельна и противоречит моральным и этическим принципам человечества»².

В апреле 2004 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «О недопустимости определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма; расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»³.

¹ Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/toleranc.shtml> (дата обращения: 13.10.2017 г.).

² Декларация о расе и расовых предрассудках. Принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее двадцатой сессии 27 ноября 1978 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/racism.shtml> (дата обращения: 12.10.2017 г.).

³ Резолюция Комиссии ООН по правам человека 2004/16 от 16 апреля 2004 года «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.ontd.ru/document/901933670> (дата обращения: 13.10.2017 г.).

В большей части международно-правовых актов для обозначения проявления современного экстремизма, используется понятие «дискриминация», при определении содержания которого также не обходится без применения ранее созвучных экстремизму терминов.

Одной из основополагающих международно-правовых норм в борьбе с экстремизмом является Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 г. В основной части указанной декларации приводятся нижеследующие требования, подлежащие обязательному учету при формировании национального законодательства в сфере противодействия экстремизму:

1. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1).

2. «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (абз. 1 ст. 2).

3. «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации» (ст. 7).

4. «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» (ст. 18).

5. «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать

и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» (ст. 19)¹.

Указанные положения Всеобщей декларации прав человека нашли свое отражение и в Конституции Республики Таджикистан.

Так, в частях 1-3 ст. 5 Конституции Республики Таджикистан указывается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством.

Кроме этого, часть 1. ст. 17 Конституции гласит, что государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения.

В соответствии ст. 26 Конституции каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакую, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов.

Согласно части 1 ст. 27 Конституции гражданин имеет право участвовать в политической жизни и управлении государством непосредственно или через представителей.

Граждане имеют право объединяться. Гражданин вправе участвовать в создании политических партий, профессиональных союзов и других общественных объединений, добровольно входить в них и выходить из них (ст. 28 Конституции).

Политические партии способствуют формированию и выражению воли народа на основе политического плюрализма и участвуют в политической жизни. Их структура и деятельность должны соответствовать демократическим нормам.

Согласно части 1 ст. 29 Конституции, гражданин вправе участвовать в установленных законом собраниях, митингах, демонстрациях и мирных шествиях.

¹ Всеобщая декларация прав человека, Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 13.10.2017 г.)

И наконец, в соответствии с частью 1 ст. 30 Конституции каждому гарантируется свобода слова, печати, право на пользование средствами информации¹.

Эти защищающие конституционные нормы обязывают граждан и государственную власть соблюдать права и свободы представителей всех наций и народов, независимо от их расы, религиозных убеждений и социального происхождения.

Данные нормы нашли свое практическое воплощение также в Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан и призваны обеспечить дисбаланс в политических, религиозных, расовых и межнациональных отношениях на социальном уровне. К ним относятся следующие статьи УК РТ: ст. 143 (Нарушение равноправия граждан); ст. 157 (Воспрепятствование деятельности религиозной организации); ст. 158 (Воспрепятствование деятельности политических партий и общественных объединений); ст. 160 (Нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий); ст. 189 (Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиальной) вражды или розни).

Следует отметить, что Конвенция о защите прав человека и основных свободах от 4 ноября 1950 г. была направлена на развитие Всеобщей декларации прав человека. В ст. 9 Конвенции провозглашено право на свободу мысли, совести и религии. Эта статья также дает право государствам вводить определенные ограничения на свободу мысли, совести и религии с целью обеспечения общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности, а также защиты прав и свобод других лиц².

Положения Всеобщей декларации прав человека нашли дальнейшее развитие и в Международном пакте о гражданских и

¹ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 26.09.1999, 22.06.2003 и 22.05.2016 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 13.10.2017 г.).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) ETS № 005. С изменениями и дополнениями от: 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г., 13 мая 2004 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Система «ГАРАНТ»: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4vNZC9CGv>. (дата обращения: 13.10.2017 г.).

политических правах и дополнительном протоколе к нему, принятым Резолюцией 2200 А (XXI) 16 декабря 1966 г. В Нью-Йорке.

В частности, в ч. 2 ст. 20 Международного пакта закреплено, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом. Данное положение дает право государствам запретить деятельность физических и юридических лиц, пропагандирующих превосходство определенных социальных групп по национальным, расовым и религиозным убеждениям и подстрекающих к дискриминации, вражде и насилию в отношении других лиц по экстремистским мотивам¹.

Нижеследующие установления Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) также обязывает государства обеспечить безопасное сосуществование всех наций и народностей на их территории:

1. «Всякая теория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном – предвзятельна и в социальном – несправедлива и опасна и что не может быть оправданием для расовой дискриминации, где бы то ни было, ни в теории, ни на практике» (абз. 7 Преамбулы).

2. «Дискриминация людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения является препятствием к дружественным и мирным отношениям между нациями и может привести к нарушению мира и безопасности среди народов, а также гармоничного существования лиц даже внутри одного и того же государства» (абз. 8 Преамбулы).

3. «Расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 11.10.2017 г.).

началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» (ч. 1 ст. 1).

4. «Каждое государство-участник обязуется не поощрять, не защищать и не поддерживать расовую дискриминацию, осуществляемую какими бы то ни было лицами или организациями» (п. «b» ч. 1 ст. 2).

5. «Каждое государство-участник должно, используя все надлежащие средства, в том числе и законодательные меры, в зависимости от обстоятельств, запретить расовую дискриминацию, проводимую любыми лицами, группами или организациями, и положить ей конец» (п. «d» ч. 1 ст. 2).

6. «Объявляет караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование» (п. «a» ст. 4).

7. Признает «противозаконным и запрещает организации, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом» (п. «b» ст. 4)¹.

Из содержания базового определения понятия «расовая дискриминация», закрепленного в ч. 1 ст. 1 данной Конвенции, вытекают основные признаки современного понятия «экстремизм».

В нем речь идет об ущемлении и ограничении прав и свобод других лиц по признакам расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения с целью дальнейшего угнетения представителей определенных наций и народов.

¹ Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 13.10.2017 г.).

В п. «а» ст. 4 данной Конвенции отражены еще несколько важных элементов современного экстремизма, которые обязывают государства криминализировать их:

- любые идеи, пропагандирующие превосходство определенных наций и народов над другими или возбуждающие ненависть между определенными социальными группами;
- подстрекательство других лиц к осуществлению расовой дискриминации;
- совершение любых насильственных актов по признакам расы, цвету кожи, родового, национального или этнического происхождения;
- предоставление любой помощи для проведения экстремистской деятельности, включая ее финансирование.

Как вытекает из содержания вышеуказанных пунктов статей Международной конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации», в них не нашел отражения религиозный мотив совершения экстремизма (дискриминации).

Религиозные отношения социальных групп более подробно раскрываются в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. № 36/55, в которой содержатся следующие общие положения, относящиеся к противодействию религиозному экстремизму:

1. «Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору» (ч. 2 ст. 1).

2. «Никто не должен подвергаться дискриминации на основе религии или убеждений со стороны любого государства, учреждения, группы лиц или отдельных лиц» (ч. 1 ст. 2). При этом «нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений» раскрывается как «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод» (ч. 2 ст. 2).

3. «Дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами» (ст. 3).

4. «Все государства должны принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений в признании, осуществлении и реализации прав человека и основных свобод во всех областях гражданской, экономической, политической, социальной и культурной жизни» (ч. 1 ст. 4).

5. «Все государства прилагают все усилия по принятию или отмене законодательства, когда это необходимо, для запрещения любой подобной дискриминации, а также для принятия всех соответствующих мер по борьбе против нетерпимости на основе религии или иных убеждений в данной области» (ч. 2 ст. 4)¹.

Следует отметить, что, начиная с 90-х годов прошлого века, в ряде решений ООН стал использоваться термин «экстремизм», однако его понятию определения так и не было дано. Например, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 года за № 49/60 сказано, что «Генеральная Ассамблея... глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежит нетерпимость или экстремизм»².

¹ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 09.10.2017 г.).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г. «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?norm_ID=1168279 (дата обращения: 09.10.2017 г.).

Аналогичное положение содержится и в Резолюции Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 года № 1373 в связи с трагическими событиями 11 сентября 2001 года в США¹.

Вместе с тем, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 года № 58/174 именно экстремизм (а не терроризм) рассматривается в качестве угрозы для международной законности и правопорядка в мире².

В сентябре 2003 года, на заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) экстремизм был определен как «форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии и основанной на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма». В данном документе отмечено, что ПАСЕ по-прежнему озабочена возрождением экстремистских движений и партий в Европе и считает, что ни одно государство не ограждено от той угрозы, которую экстремизм по самой своей сути представляет для демократии³.

Далее, 14 сентября 2005 года была принята Резолюция Совета безопасности ООН за № 1624, в которой понятие «экстремизм» используется наравне с понятиями «терроризм» и «нетерпимость», однако и в этом документе данному понятию определения не дано⁴. Напомним, что, начиная с 2014 года и до сегодняшних дней в неко-

¹ Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности ООН на его 4385-м заседании 28 сентября 2001 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://studopedia.ru/8_186999_rezolyutsiya-soveta-bezopasnosti-oon---ot-sentyabrya--g.html (дата обращения: 20.09.2017 г.).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г., № 58/174 «Права человека и терроризм» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Система «ГАРАНТ»: <http://base.garant.ru/2564532/#ixzz4vO5c7Aba> (дата обращения: 12.10.2017 г.).

³ Резолюция ПАСЕ № 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе». Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Совета Европы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/t/t/parliamentaryassembly/%5Brussiandocuments%5D/%5B2003%5D/%5BSept2003%5D/Res%201344%20Rus.asp> (дата обращения: 11.10.2017 г.).

⁴ Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5261-м заседании 14 сентября 2005 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1624\(2005\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1624(2005)) (дата обращения: 18.10.2021 г.).

торых международных нормативных правовых актах наряду с понятием «экстремизм» используется также понятие «насильственный экстремизм», что еще больше подтверждает нашу мысль о существовании двух видов экстремизма (насильственного и ненасильственного).

Например, в Резолюции Совета безопасности ООН, принятой 22 сентября 2014 года за № 2178 отмечено, что Совет безопасности «осуждает насильственный экстремизм, который может служить питательной средой для терроризма, межконфессионального насилия и совершения террористических актов иностранными боевиками-террористами и требует, чтобы все иностранные боевики-террористы сложили оружие и прекратили все террористические акты и участие в вооруженных конфликтах»¹.

В Резолюции же Совета безопасности ООН от 13 октября 2015 за № 2242 подчеркивается, что «терроризм и насильственный экстремизм специфически сказываются на правах человека женщин и девочек, в том числе касающихся охраны их здоровья, их образования и их участия в общественной жизни, и что женщины и девочки нередко становятся прямой мишенью террористических групп, и выражая глубокую озабоченность сведениями о том, что частью стратегических целей и идеологии определенных террористических групп являются акты сексуального и гендерно мотивированного насилия, которое используется ими как террористическая тактика и как инструмент наращивания своей власти, призванный способствовать их финансированию, их вербовочной деятельности и разрушению сообществ»².

В Резолюции за № 2354, принятой Советом безопасности на его 7949-м заседании 24 мая 2017 года утверждается, что

¹ Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420241189> (дата обращения: 18.10.2021 г.).

² Резолюция 1142 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7533-м заседании, 13 октября 2015 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2242\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2242(2015)) (дата обращения: 19.10.2021).

«Государства-члены несут главную ответственность за противодействие террористическим актам и насильственному экстремизму, порождающему терроризм и для повышения эффективности контрпропаганды меры и программы должны разрабатываться с учетом конкретных условий в различных ситуациях на всех уровнях»¹.

Более того, в своей Резолюции от 21 декабря 2017 года за № 2396, Совет безопасности ООН особо подчеркивал «важность активизации усилий государств-участников по противодействию угрозе, исходящей от иностранных боевиков-террористов посредством пограничного контроля, уголовного правосудия, обмена информацией и борьбы с экстремизмом, а также принять соответствующие меры против предполагаемых террористов-экстремистов и членов их семей, въезжающих на территорию государств-участников...»².

В связи с этим, в сентябре-октябре 2018 года на своем 73 заседании Генеральной Ассамблеей ООН была принята Душанбинская декларация ООН за № A/73/884 под названием «Противодействие терроризму и предотвращение насильственного экстремизма», в которой, также, как и в предыдущих международных правовых актах понятие «насильственный экстремизм» не было раскрыто. Так, в соответствии с положением пункта шестого преамбулы данного документа, ООН призвало всех государств-участников в необходимости устранения всех условий, внутренних и внешних, способствующих терроризму и экстремизму, признавая, что ни одно из этих условий не может служить оправданием или обоснованием террористических актов. Далее в ст. 1 Декларации подчеркивается важность объединения площадки для дискуссий и принятия мер на региональном и международном уровнях в целях разработки более скоординированных усилий всего международного сообще-

¹ Резолюция 2354 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7949-м заседании, 24 мая 2017 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2354\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2354(2017)) (дата обращения: 19.10.2021 г.).

² Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании, 21 декабря 2017 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/> (дата обращения: 19.10.2021 г.).

ства по борьбе с терроризмом и предотвращению насильственного экстремизма¹.

С учетом проанализированных выше международных нормативных правовых актов мы пришли к выводу о том, что борьба с экстремизмом на международном уровне восходит к 1948 году, но термин «экстремизм» не использовался ни в одном международно-правовом документе вплоть до 1990 года, когда он заменялся терминами «дискриминация», «ксенофобия», «нетерпимость» и т. д., которые представляют собой отдельные компоненты экстремизма и никоим образом не могут представить полного значения термину «экстремизм».

Начиная с 1990 и по 2014 годы, в ряде резолюций ООН использовался лишь термин «экстремизм», а с 2014 года наряду с ним уже активно используется термин «насильственный экстремизм», но ни в одном международно-правовом документе их определения не закреплены, что привело к появлению в этом направлении еще одной проблемы. Более того, даже специалистам в данной области чрезвычайно сложно, а порой, практически невозможно определить грань между «экстремизмом» и «насильственным экстремизмом». Поскольку разница между этими терминами в международных документах не представлена, для выявления различия между ними становится необходимым проведение анализа схожих терминов.

По нашему мнению, использующийся в вышеуказанных международных нормативных правовых актах термин «экстремизм» имеет более широкое значение и включает в себя как насильственную, так и ненасильственную формы экстремистской деятельности. Термин же «насильственный экстремизм» является одной из форм экстремизма, что больше присуще уголовному праву. Поэтому с этой точки зрения, использование термина «насильственный экстремизм» в международно-правовых актах, не решая комплексных проблем в этой сфере, напротив, становится основой для появления новых проблем, так как в этом случае игнорируются идеологические аспекты экстремизма, которые могут быть совершены без

¹ Душанбинская декларация Организации Объединенных Наций от 25 сентября – 1 октября 2018 года, № A/73/884 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.tj/index.php/tj/masoili-mubram/20072-e-lomiyai-du-shanbe> (дата обращения: 19.10.2021 г.).

применения насилия, зачастую характерные для законодательства об административных правонарушениях.

Таким образом, независимый Таджикистан, выполняя свои обязательства перед международным сообществом, ввел ряд конституционных ограничительных мер в сфере противодействия экстремизму, которые стали основой для развития отраслей права в этом направлении.

К ним относятся следующие нормы Конституции Республики Таджикистан:

Часть 5 статьи 8. «Создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп, запрещаются».

Часть 2 статьи 30. «Пропаганда и агитация, разжигающие социальную, расовую, национальную, религиозную и языковую вражду и неприязнь, запрещаются»¹.

Следует отметить, что с целью противодействия экстремизму среди широких слоев населения, были внесены соответствующие ограничения и в другие законодательные акты, которые имеют декларативный характер. В частности, согласно требованиям ст. 6 Закона РТ «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 19 марта 2013 года за № 961 «запрещается распространение сведений, содержащих государственную тайну, информацию, призывающую к насильственному свержению или изменению конституционного строя, совершению уголовного деяния, разжиганию расовой, национальной, местнической, религиозной, языковой ненависти, к пропаганде войны, насилия, террористической и экстремистской деятельности, причинению вреда целостности и независимости государства ...»².

¹ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 26.09.1999, 22.06.2003 и 22.05.2016 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 13.10.2017 г.).

² Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 19 марта 2013 г., № 961 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2013 г., № 3, ст. 201, 2016 г., № 5 ст. 365 (Закон РТ от 24.02.2017, № 1407).

Также, определенные ограничительные нормы предусмотрены в ст. 14 Закона РТ «Об общественных объединениях» от 12 мая 2007 года, № 258¹, в ст. 4 Закона РТ «О политических партиях» от 13 ноября 1998 года, № 680² и ряде других отраслевых законах. Несмотря на их декларативный характер, они определяют основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму.

Например, в соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными 08.08.2015 г., № 1209 в ст. 4 Закона Республики Таджикистан «О политических партиях», «Запрещается создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на экстремистско-террористическую деятельность, насильственное изменение конституционного строя и организацию вооруженных групп или пропаганду расовой, национальной, социальной, местнической и религиозной вражды»³.

Как нами упоминалось выше, в универсальных документах международного права нет общепризнанного определения понятию «экстремизм». Первые попытки определения указанного понятия были сделаны в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 15 июня 2001 г., участниками которой являются Таджикистан, Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Узбекистан⁴.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 1 указанной Конвенции, под экстремизмом понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а так-

¹ Закон Республики Таджикистан «Об общественных объединениях» от 12 мая 2007 г., № 258 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2007 г., № 5, ст. 363 (Закон РТ от 25.06.2021, № 1801).

² Закон Республики Таджикистан «О политических партиях» от 13 ноября 1998 г., № 680 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., № 22, ст. 300 (Закон РТ от 19.07.2019 г., № 1643).

³ Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан «О политических партиях» от 8 августа 2015 г., № 1209 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

⁴ Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / отв. ред.: В.С. Комиссаров, науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. – М.: «Городец», 2009. – С. 37.

же на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе, организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»¹.

Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что основной акцент в нем сделан на антигосударственный насильственный элемент², однако из поля зрения разработчиков выпала такая идеологическая составляющая экстремизма, как возбуждение ненависти и вражды по национальным, местническим, религиозным и политическим мотивам.

Однако, положения данной Конвенции носят рекомендательный характер и не предусматривают установлений об обязательной унификации норм национального уголовного права. Это вытекает из содержания ч. 2 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой подчеркивается, что «настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положения о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье».

В целях совершенствования положений данной Конвенции и других правовых актов государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), в том числе Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана, Китая, России и Узбекистана, в Астане (Казахстан) 9 июня 2017 года была подписана Конвенция ШОС по противодействию экстремизму, ратифицированная постановлением

¹ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.referent.ru/1/10927> (дата обращения: 12.10.2017 г.).

² Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / отв. ред. В.С. Комиссаров, науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. – М.: «Городец», 2009. – С. 37; Гречухин М.А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – М., – 2011. – С. 449-450.

Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан 21 февраля 2018 года за № 1002.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 1 этой Конвенции, под экстремизмом понимается «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий»¹.

Как можно заметить, если в понятии экстремизма, указанного в п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, где основное внимание уделено его антиправительственному элементу, положением, изложенном в п. 2 ч. 1 ст. 1 Конвенции ШОС о борьбе с экстремизмом охватываются не только действия по разрешению политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов посредством насилия, но также включаются другие неконституционные действия, которые в целом олицетворяют формы насильственного и ненасильственного экстремизма.

К сожалению, положения Конвенции ШОС о борьбе с экстремизмом, как и Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, носят рекомендательный характер и не предусматривают обязательной гармонизации национального уголовного законодательства. Это прямо указано в ч. 2 ст. 1 данной конвенции, которая гласит, что «Настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или национальному законодательству любой из Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов и понятий, используемых в настоящей статье».

В целях дальнейшего совершенствования вышеупомянутых документов, государства-члены ШОС, в том числе Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан, 17 сентября 2021 года подписали Душанбинскую декларацию двадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества, в которой отражены актуальные вопросы различных сфер, таких, на-

¹ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

пример, как политика, безопасность, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, международная информационная безопасность и т.д.

В частности, в п. 3.2. этого документа отражен вопрос о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, основой которому послужила Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. и другие нормативные правовые акты.

Подчеркивая ключевую роль своих компетентных органов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, государства-члены считают важным активизировать совместные усилия по предотвращению распространения этой идеологии, в этом контексте отмечая недопустимость вмешательства во внутренние дела государств под предлогом противодействия терроризму и экстремизму, а также неприемлемость использования террористических, экстремистских и радикальных группировок в корыстных целях. Государства подтверждают особую роль Региональной антитеррористической структуры ШОС в совместной борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в целях обеспечения региональной безопасности и готовы наращивать потенциал сотрудничества компетентных органов в этих направлениях.

Кроме того, признавая важность борьбы с экстремизмом и терроризмом, члены организации считают, что важным направлением глобальной антитеррористической борьбы должно стать лишение терроризма социальной опоры, в том числе, ликвидация нищеты, безработицы, неграмотности, углубляя сотрудничество в выявлении, предотвращении и пресечении деятельности организаций и отдельных лиц, причастных к терроризму, сепаратизму и экстремизму, наращивать усилия по борьбе с распространением экстремистских и сепаратистских идей, особенно среди молодежи, вести работу по профилактике религиозной нетерпимости, агрессивного национализма, этнической и расовой дискриминации, ксенофобии, идей фашизма и шовинизма¹.

¹ Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС, принятая 17 сентября 2021 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/news/20210917/779142.html> (дата обращения: 05.10.2021 г.).

С учетом этого и других факторов, рассмотренных выше, мы пришли к выводу о том, что в законодательстве стран-участников ШОС понятие «экстремизм» (экстремистская деятельность) интерпретируется шире как по содержанию, так и по объему.

В докладе бывшего Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» отмечается, что «идеология экстремизма и изоляция отрицает ценность и достоинства других и изображает их как нелюдей, заслуживающих истребления. Организация Объединенных Наций хорошо понимает опасность, исходящую от тех, кто распространяет экстремистское мировоззрение. Те, кто совершает геноцид и зверства, являются также теми, кто негуманно относится к другим»¹.

Следует отметить, что существенным шагом в унификации законодательства государств-участников СНГ стал Модельный закон о противодействии экстремизму от 14 мая 2009 г., который был принят на тридцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. В данном Модельном законе определены «основные понятия, принципы и организационно-правовые основы противодействия экстремистской деятельности, а также ответственность за ее осуществление»².

В ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму (далее – Модельный закон) понятия «экстремистская деятельность» и «экстремизм» используются как самостоятельные понятия.

Под экстремизмом понимается «посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения». Экстремистская же деятельность рассматривается в основном за счет определения объема этого понятия, а именно, как «деятель-

¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» (27 апреля 2006 года, A/60/825) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.un.org/counterterrorism/stt/f/ru/un-global-counter-terrorism-strategy (дата обращения: 11.09.2017 г.).

² Модельный закон «О противодействии экстремизму», принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 14 мая 2009 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/16872152/14355262/> (дата обращения: 11.10.2017 г.).

ность общественного или религиозного объединения, средства массовой информации либо иной организации, физического лица по планированию, организации, подготовке или совершению действий», направленных на совершение деяний, перечисленных в ст. 1 Модельного закона.

Модельный закон относит к экстремистской деятельности деяния, имеющие следующую направленность:

- на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности и суверенитета государства;

- публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности;

- разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека (социальной группы) по признаку его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, должностных лиц указанных органов, комиссий, объединений или организаций, совершенное с применением насилия либо угрозой его применения, а равно применение насилия либо угроза его применения в отношении близких указанных должностных лиц в целях воспрепятствования законной деятельности этих должностных лиц или принуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за ее осуществление;

- совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отноше-

нии какой-либо социальной группы, а также из мести за правомерные действия других лиц, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение;

– пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и других видов связи, а также оказания информационных услуг.

По справедливому замечанию С.В. Борисова, изучение Модельного закона в целом приводит нас к выводу о том, что своеобразным прообразом, основой для него послужил Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». При этом, на наш взгляд, при разработке Модельного закона не были учтены многие проблемы национального законодательства и правоприменения, существовавшие на тот момент в России и других государствах-участниках СНГ в области противодействия экстремизму. К таким проблемам, в частности, до настоящего времени относятся:

1) отсутствие разделения или иного определения соотношения правовых понятий экстремистской деятельности (экстремизма) и терроризма;

2) отсутствие нормативно определенных критериев для отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности (экстремизму), кроме соответствующего перечня действий;

3) включение в данный перечень как уголовно, так и административно наказуемых деяний¹.

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 119.

Применительно к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности и иные деяния, относящиеся к экстремизму на уровне СНГ действует и другой рекомендательный законодательный акт - Модельный уголовный кодекс¹.

Модельный кодекс содержит раздел XIII «Преступления против государственной власти», включающий главу 31 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», однако статья 187 «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» размещена в главе 23 «Преступления против общественной безопасности» раздела VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» данного рекомендательного акта. Учитывая место данной нормы в структуре Модельного кодекса, можно заключить, что типовым объектом предусмотренного в ней преступления выступают общественная безопасность и здоровье населения, а родовым объектом - общественная безопасность².

Как видно, в своей классической форме основные признаки экстремизма, которые вытекают из положения универсальных международно-правовых норм, нашли отражение именно в ст. 187 Модельного кодекса, аналогичной ст. 189 УК РТ (Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиональной) вражды или розни).

Так, статья 187 Модельного кодекса изложена в следующей редакции:

«Статья 187. Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды

Действия, направленные к возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды, унижению национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации, - преступление средней тяжести.

¹ Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566472/> (дата обращения: 12.10.2017 г.).

² Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00. 08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 123-124.

Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

- а) с применением насилия или угрозы его применения;
 - б) с использованием служебного положения;
 - в) организованной группой,
- признаются тяжким преступлением».

Сравнительный анализ ст. 189 УК РТ и ст. 187 Модельного кодекса позволяет выделить следующие основные отличия:

– название ст. 189 УК РТ акцентирует внимание на разжигании местнической вражды*;

– сравнение диспозиций ч. 1 ст. 189 УК РТ и ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса также указывает на дополнительный признак, который свойственен только УК РТ;

– квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 189 УК РТ и ч. 2 ст. 187 Модельного кодекса почти идентичны, различаются лишь оттенки таких описаний, как п. «а» ч. 2 ст. 189 УК РТ на совершение деяния повторно и п. «г» группой лиц или группой лиц по предварительному сговору.

Часть 3 ст. 189 УК РТ в дополнении к этому, предусматривает нижеследующие квалифицирующие признаки:

- а) совершенные организованной группой;
- б) повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;
- в) повлекшие насильственное выдворение гражданина с постоянного места жительства;
- г) совершенные при опасном или особо опасном рецидиве.

* Экстремизм на почве местнической ненависти в стране в 90-е годы прошлого века было искусственно спровоцирован определенными социальными группами. Как мы отмечаем в примечаниях на страницах 33, 35 и 64 нашего исследования, в официальном тексте антиэкстремистского законодательства Республики Таджикистан на русском языке, термин «махалгарои» употребляется в двух значениях - как «местнический» (например, ст. 307² УК РТ) и «региональный» (например, ст. 189 УК РТ), что вызвало определенные и вполне закономерные трудности. В связи с тем, что значение таджикского термина «махалгарои» может дать только его русский аналог «местнический», в нашем исследовании мы отказались от использования термина «региональный» и опираясь на таджикский текст антиэкстремистского законодательства и смысловое определение этого слова, в своей работе мы использовали термин «местнический».

Таким образом, проанализировав международно-правовые акты в сфере противодействия экстремизму, можно сделать вывод о том, что общепринятого международно-правового определения экстремизму не существует.

Проявления современного экстремизма в международном праве представлены в контексте дефиниций «дискриминация», «ксенофобия», «нацизм», «расизм», «антисемитизм», «нетерпимость» и ряда других схожих категорий, содержание которых в большинстве случаев определяется через призму взаимного переплетения, которые в зависимости от контекста могут трактоваться как в качестве равнозначных, так и разнопорядковых понятий.

Понятие экстремизма, представленное в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом также не может претендовать на всеобщее признание прежде всего потому, что не охватывает всех проявлений современного экстремизма, т.к. в нем основной акцент сделан на его антигосударственный элемент.

В Модельном законе государств-участников СНГ о противодействии экстремизму также нет четкой позиции по поводу разграничения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Понятие «экстремистская деятельность», представленное в указанном законе, по существу, охватывает перечень как ряда преступлений экстремистской направленности, так и террористического характера.

В Модельном уголовном кодексе отсутствуют как понятие «экстремизм», так и «экстремистская деятельность». Единственной уголовно-правовой нормой, которая в общих чертах охватывает наиболее распространенные формы экстремизма, является ст. 187 (Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды) указанного закона.

Проведенный нами опрос 250 сотрудников правоохранительных органов показал, что 51,2% оппонентов обеспокоены отсутствием общепризнанного определения «экстремизма» в международном праве, но 48,4% возлагают надежду на определение понятия «экстремизм», представленного в Шанхайской конвенции.

Важность комплексного определения экстремизма в международном праве состоит в том, что оно обеспечивает международно-правовую основу для уточнения уголовно-правовой природы экстремизма в национальном уголовном законодательстве.

ГЛАВА 2.

Уголовно-правовой анализ преступлений экстремистской направленности и проблемы их квалификации

2.1. Актуальные проблемы по разработке признаков составов преступлений экстремистской направленности и их квалификация

Противоречивые взгляды по поводу понятий «экстремизм»¹, «преступления экстремистской направленности», «экстремистская деятельность», «преступления, связанные с экстремистской деятельностью» и других, схожих с ними терминов с начала 2000-х годов и по настоящее время являются предметом значительных научных дебатов, что, в конечном счете, приводит к несовершенству антиэкстремистского законодательства государств-участников СНГ и как следствие, к ошибкам в судебно-следственной практике.

В связи с тем, что исследователи предлагают противоречивые научные критерии для классификации «преступлений экстремистской направленности»² и «преступлений, связанных с экстремист-

¹ Авдулов Н.С. Составление геополитического атласа Северного Кавказа: методологические проблемы // *Философия права*. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, – 2002. – № 2. – С. 101; Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // *Общественные науки и современность*, – 2002. – №4. – С. 114; Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его существенные признаки // *Философия права*. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, – 2007. – № 4. – С. 65-71.

² Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М., 2015. – С. 20-34; Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. – М., 2011. – С. 59; Долгова А. И. Подходы к пониманию экстремизма и его отражение в российском законодательстве // *Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор*. – М.: «РКА», – 2009. – С. 12-15.

ской деятельностью»¹, использование этих терминов в следственно-судебной практике привело к затруднениям в регистрации преступлений экстремистской направленности и их квалификации.

Социологический опрос, проведенный среди 250 сотрудников правоохранительных органов, также доказал наличие вышеотмеченных трудностей, так как 58% опрошенных подтвердили значительные проблемы, возникающие при квалификации этих преступлений на практике.

Поэтому, мы являемся сторонниками практики законодательства Российской Федерации² и тех авторов³, которые в качестве основных критериев определения этих преступлений признают разжигание ненависти против определенных социальных групп по политическим, идеологическим, расовым, национальным признакам.

В связи с этим А.Г. Хлебушкин совершенно справедливо отмечает, что «в теории уголовного права понятие и система преступлений экстремистской направленности до сих пор изучаются поверхностно и подвергаются жесткой критике со стороны большинства исследователей»⁴.

С.Н. Фридинский выступает противником четкого определения экстремистских преступлений в Законе «О борьбе с экстремизмом», который не является уголовно-правовой нормой. По его мнению, целью этих законов является не криминализация преступле-

¹ Бешукова, З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / З.М. Бешукова. – Краснодар, 2011. – С.128; Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Абдухамитов. – Бишкек, 2016. – С. 22; Долгова А.И. Указ. работа. – С. 12-15.

² Пункт 2 примечания ст. 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.04.2018 г.).

³ Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие / отв. ред. и предисл. – засл. деят. науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Ветеров. – М.: Волтерс Кулвер, 2011. – С. 11.

⁴ Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / А.Г. Хлебушкин. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. – С. 67.

ний экстремистской направленности, а организация профилактики таких деяний и запрет деятельности экстремистских организаций другими отраслями права. Задачей же правоохранительных органов является выявление конкретных положений Уголовного кодекса за опасные деяния экстремистской направленности¹.

Несмотря на трудности научной разработки этих понятий, на практике для сотрудников правоохранительных органов используются только юридические термины, закрепленные в уголовном законодательстве, так как одной из гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина является соблюдение принципа законности, согласно положениям которого, признание деяния преступлением, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом (ст. 4 УК РТ).

В связи с этим, Л.К. Сидикова подчеркивает, что «любые составы преступления, в том числе экстремистской направленности, должны быть точно прописаны в Уголовном кодексе»².

На сегодняшний день в УК РТ самостоятельной статьи под названием «экстремизм» не существует и в статьях 307¹, 307², 307³ УК РТ для выявления преступной природы экстремистских действий, законодатель использует понятия «преступления экстремистской направленности», «экстремистская деятельность», «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация». Однако отличительные черты этих понятий в УК РТ также отражены не в полной мере.

Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», принятый 2 января 2020 года, за № 1655, определяет термины «экстремизм», «экстремистская деятельность» и другие, схожие с ними термины, но эти понятия также не включают в себя перечень всех конкретных действий, присущих преступлениям экстремистской направленности.

¹ Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. – М., 2011. – С. 58.

² Сыдыкова Л.Ч. Борьба с экстремизмом в Кыргызстане: проблемы законодательного регулирования // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16, № 6. – С. 85.

Из содержания диспозиции статьи 307² УК РТ (Организация экстремистского сообщества) вытекает, что преступлениями экстремистской направленности признаются деяния, предусмотренные статьями 157 (Воспрепятствование деятельности религиозной организации), 158 (Воспрепятствование деятельности политических партий и общественных объединений), 160 (Нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий), 185 (Организация незаконного вооруженного формирования), 189 (Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиональной) вражды или розни), 237 (Хулиганство), 237¹ (Вандализм), 242 (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры), 243 (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения).

То есть, за организацию экстремистского сообщества лицо можно привлечь к уголовной ответственности по ст. 307² УК РТ лишь в том случае, если целью организации такого сообщества будет являться совершение деяний, предусмотренных в вышеперечисленных статьях. Однако, если виновное лицо будет привлечено к ответственности за совершение или покушение к совершению преступлений, предусмотренных, например, статьями 307, 307¹, 307³, 307⁴ УК, то по статье 307² оно привлекаться не будет, так как перечень преступлений экстремистской направленности этой статьи в силу своей неоднозначности и несовершенства в ходе применения норм уголовного закона будет рассматриваться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного) (ч. 1 ст. 11¹ УК РТ). Частью 2 этой статьи предусмотрено, что термины и (или) понятия, используемые УК, имеют такое же значение, какое они имеют в соответствующих законах, если иное не предусмотрено Уголовным кодексом.

Также, в соответствии с требованиями пункта 13 Концепции уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 года за № 492, «Уголовный кодекс Республики Таджикистан должен содержать исчерпывающий, минимально необходимый и достаточный перечень деяний, признаваемых преступлениями, противодействие которым не может быть эффективно осуществлено средствами законодательства иной отраслевой принадлежно-

сти»¹. Однако в УК РТ признаки «экстремистской деятельности», «преступлений экстремистской направленности», «экстремистские сообщества» отражены не в полной мере, а в Законе РТ «О противодействии экстремизму» упомянутые понятия толкуются достаточно широко.

Например, статья 185 УК РТ в действующем законодательстве признана в качестве преступления террористического характера², в диспозиции же статьи 307² УК РТ (Организация экстремистского сообщества), данное деяние признано в качестве преступления экстремистской направленности, однако оно не может носить одновременно как террористический, так и экстремистский характер, так как в соответствии с требованиями ч. 3 статьи 11¹ УК РТ, придание в рамках уголовного законодательства разных значений одинаковым формулировкам запрещено. Социологический опрос, проведенный нами среди 250 практических сотрудников правоохранительных органов показал, что 52,4% опрошенных считают статью 185 УК РТ преступлением террористического характера, 31,6% респондентов уверены в экстремистской направленности данного деяния, остальные же 16% уверены в ее экстремистско-террористической природе.

С.В. Борисов справедливо указывает, что в понятие «экстремистская деятельность» не следует включать действия, связанные с террористической деятельностью, так как эффективное противодействие таким социально-правовым явлениям на законодательном уровне требует уточнения и дифференциации. Это связано с тем, что правовые меры выявления и предотвращения этих деяний различны³. Аналогичного мнения придерживаются и неко-

¹ Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г., № 492 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

² См.: п. 14 ст. 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» от 23 декабря 2021 г., № 1808 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://mmk.tj/content/> (дата обращения: 12.01.2022 г.); Статья 179¹ Уголовного кодекса Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 574 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан: 1998, № 9, ст. 68, ст. 69, № 22, ст. 306 (Закон РТ от 20.04.2021 г., № 1776).

³ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С.16.

торые другие ученые¹. Например, М.В. Ульянов пишет, что в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года за № 114 термины «экстремистская деятельность» и «экстремизм» являются синонимами, а действия в их отношении влекут за собой как уголовную, так и административную ответственность. При этом одной из целей экстремистской деятельности является осуществление террористической деятельности, поэтому в законодательстве правовое различие этих деяний должно быть четким².

С.В. Борисов под термином «экстремистская деятельность» признает виды противоправной деятельности, отрицающие основы конституционного строя и включающие в себя совершение преступных действий, таких, как насильственное изменение конституционного строя, захват власти, возбуждение в обществе ненависти или вражды по расовым, национальным или религиозным признакам. Также ученый отмечает, что в понятие «преступления экстремистской направленности» следует включать преступные действия, совершающиеся по мотивам ненависти, то есть в целях возбуждения неприязни или вражды по признаку расы, национальности, религии. Однако конкретный перечень таких преступлений должен быть установлен на законодательном уровне³.

Следует отметить, что в понятие «экстремистская деятельность», представленного в предыдущем Законе РТ «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г. за № 69⁴, содержание статей 157 (Воспрепятствование деятельности религиозной организации), 158 (Воспрепятствование деятельности политических партий и обще-

¹ Сафаров Х.С. Соотношение определений «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» в законодательстве Республики Таджикистан // Труды Академии. – Душанбе: «Эр-граф», – 2011. – № 1 (15). – С.110-119.

² Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Ульянов. – М., 2017. – С. 41.

³ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С.16.

⁴ См.: Статья 3 Закона Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003 г., № 12, ст. 697; 2007 г., № 3, ст.158 (утратил силу).

ственных объединений), 160 (Нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий), 242 (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры), 243 (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения), признанных в диспозиции статьи 307² УК РФ в качестве преступлений экстремистской направленности, включены не были.

Новый Закон РФ «О противодействии экстремизму» частично устраняет это несоответствие, включив в статью 3 содержание статей 157, 158 УК РФ, признавая их экстремистскими проявлениями, при этом содержание статей 150, 309 и 328 УК РФ причислили к преступлениям экстремистской направленности, хотя некоторые из них (ст. 309 УК РФ) таковыми не являются. Однако статьи 160, 237, 237¹, 242, 243 УК РФ, по сути являющиеся чисто экстремистскими явлениями, в данном законе таковыми не признаны, при том, что в ст. 307² УК РФ действия, предусмотренные этими нормами, признаны преступлениями экстремистской направленности.

Как отмечает С.В. Борисов, «соответствие нравственных и уголовно-правовых норм в сфере борьбы с преступлениями экстремистской направленности может быть достигнуто только в том случае, если «... в законе составы таких преступлений будут определены четко, точно и лаконично»¹.

В связи с неполным перечнем преступлений экстремистской направленности, с учетом научно обоснованного мнения исследователей² законодатель Российской Федерации в пункте 2 примечания к статье 282¹ УК РФ закрепил понятие «преступления экстремистской направленности», в соответствии с которым, под такими преступлениями понимаются преступления, совершенные по мо-

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 98.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С.В. Дьяков и Н.Г. Кадникова. – М., 2008. – С. 686; Павлинов А.В. Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): сб. науч. тр. / науч. ред. С.В. Максимов. – М.: ИГП РАН, 2009. – С. 214-215; Борисов С.В., Жеребченко А.В. Указ. работа. – С.11.

тивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК и пунктом «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ¹ (соответствующий пункту «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ).

В этой связи, следует отметить, что любое преступление, совершенное по экстремистским мотивам, может носить экстремистскую направленность. Однако, при назначении уголовного наказания, преступные деяния, в диспозициях которых экстремистские мотивы установлены как обязательные, требования пункта «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (соответствующий п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ) учитываться не должны. Это связано с тем, что лицо за свое преступление может быть привлечено к уголовной ответственности лишь единожды. Решение этой проблемы нашло свое отражение в ч. 3 ст. 62 УК РТ, в которой говорится, что «Если обстоятельство, указанное в ч. 1 настоящей статьи, предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса в качестве признака преступления, суд не может повторно учитывать его как обстоятельство, отягчающее наказание».

Такое законодательное утверждение совпадает с мнением исследователей советского периода М.Д. Шаргородского и Н.Б. Алиева, которые считали, что отягчающие ответственность обстоятельства, установленные Общей частью Уголовного кодекса, не должны учитываться при применении уголовных наказаний к преступным деяниям с такими отягчающими обстоятельствами, предусмотренными Особенной частью УК².

С.В. Борисов, А.В. Жеребченко отмечают, что с учетом требований примечания 2 ст. 282¹ и ч. 1 ст. 63 УК РФ (соответствующую

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.04.2018 г.).

² Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву: монография. – М.: «Госюриздат», 1958. – С. 39; Алиев Н.Б. Повторность и рецидив преступлений по советскому уголовному праву: учебное пособие. – Махачкала: Изд.-во Даг. гос. ун-та, 1978. – С. 43.

щих пункту «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ) в качестве преступлений экстремистской направленности следует рассматривать любые преступления, совершенные по экстремистским мотивам¹.

С учетом вышеуказанных требований, к преступлениям экстремистской направленности ученые причислили преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (аналогичный п. «м» ч. 2 ст. 104 УК РТ), п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ (аналогичный п. «м» ч. 2 ст. 110 УК РТ), п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ (аналогичный п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РТ), п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ (аналогичный ст. 112 УК РТ, в которой экстремистские мотивы не установлены), п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ (аналогичный ст. 116 УК РТ экстремистские мотивы не установлены), п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РТ (аналогичный п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РТ), ч. 2 ст. 119 УК РФ (аналогичный ст. 120 УК РТ экстремистские мотивы не установлены), п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ (аналогичный ст. 237 УК РТ экстремистские мотивы не установлены), ч. 2 ст. 214 УК РФ (аналогичная ст. 237¹ УК РТ, экстремистские мотивы не установлены), ст. 243 УК РФ (аналогичная ст. 242 УК РТ), п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РТ (аналогичный п. «б» ч. 2 ст. 243 УК РТ), ст. 280 УК РФ (аналогичная ст. 307¹ УК РТ), ст. 282 УК РФ (аналогичная ст. 189 УК РТ), ст. 282¹ УК РФ (аналогичная ст. 307² УК РТ), ст. 282² УК РФ (аналогичная ст. 307³ УК РТ).

По мнению Д.И. Леньшина, в группу преступлений экстремистской направленности является желательным включение ст. 136 УК РФ, то есть, нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (аналогичная ст. 143 УК РТ)². Другие исследователи – Х.С. Сафарзода и Е.П. Сергун считают, что заслуживает внимания также вопрос о включении в перечень преступлений экстремистской направленности геноцида (ст. 398 УК РТ) (аналогичная ст. 357 УК РФ), так как данное преступление совершается именно по экс-

¹ Борисов С.В., Жеребченко А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие / отв. ред. и предисл. – засл. деят. науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Ветеров. – М.: Волтерс Кулвер, 2011. – С.11.

² Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 50.

тремистским мотивам¹. Также в эту группу в силу особенностей действующего уголовного законодательства Республики Таджикистан возможно включение статей 307 и 307⁴ УК РТ.

По нашему мнению, несмотря на то, что законодатель в качестве обязательных элементов в ряде преступлений экстремистской направленности не определил экстремистских мотивов, однако при назначении уголовных наказаний за такие деяния (если они совершены по экстремистским мотивам), необходимо применять требования пункта «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в ч. 1 ст. 307² УК РТ деяния, предусмотренные некоторыми нормами, их частями или пунктами, которые совершаются по национальным, расовым, религиозным, местническим мотивам (например, п. «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» ч. 2 ст. 110, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117, ч. 1 ст. 143 и статьи 307, 307¹, 307³, 307⁴, 398 УК) в качестве деяний экстремистской направленности не признаны, при том, что другие нормы, в которых экстремистский мотив не является обязательным признаком (например, статьи 160, 185, 188, 237, 237¹ и 242 УК РТ) в диспозиции ст. 307² УК РТ предусмотрены как деяния экстремистской направленности².

Отсутствие экстремистских мотивов в диспозиции этих статей как отягчающего обстоятельства уголовного наказания означает, что любое деяние, совершенное по этим статьям, должно быть признано преступлением экстремистской направленности. Однако если эти действия совершены только из хулиганских побуждений, зависти или корысти, то признание их преступными деяниями экстремистской направленности нецелесообразно.

¹ Сафаров Х.С. Соотношение определений «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» в законодательстве Республики Таджикистан // Труды Академии. – Душанбе: «Эр-граф», – 2011. – № 1 (15). – С.114-119; Сергун Е.П. Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие / под. ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – С. 52.

² Хайдарзода М.П. Понятие преступлений экстремистской направленности в уголовном законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации (на тадж. яз.) // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: Типография Таджикского национального университета, – 2017. – № 2/5, Часть 2. – С. 211.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, в настоящее время в Уголовном кодексе Республики Таджикистан представлено 20 составов преступлений экстремистской направленности (п. «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» ч. 2 ст. 110, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117, ст. ст. 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237¹, 242, 243, 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴ и 398 УК РТ).

При этом следует отметить, что любые преступления против личности могут совершаться по экстремистским мотивам, однако мы не являемся сторонниками расширения этого перечня, так как судебно-следственная практика показывает, что в большей степени преступления экстремистской направленности, которые связаны с распространением идеологии и насильственными действиями, имея организованный характер, выражаются в распространении экстремистской идеологии и публичных призывах к разжиганию религиозной, национальной, расовой, политической и местнической ненависти. В основном экстремисты хотят увеличить число своих сторонников путем публичных и тайных призывов. При благоприятных условиях по экстремистским мотивам совершаются убийства, террористические акты, умышленное причинение телесных повреждений и т.п., которые квалифицируются в соответствии с их прямым объектом по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан, при этом экстремистский мотив этих деяний признается отягчающим обстоятельством уголовной ответственности.

Напомним, что в соответствии со ст. 11 УК РТ, «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Таджикистан». Поэтому применение норм уголовного закона только тогда считается правомерным, если состав преступления, предусмотренного статьями Особенной части УК РТ, полностью соответствует составу фактического деяния, совершенного лицом.

Такой анализ, основанный на сопоставлении состава преступления с составом совершенного деяния, оценивается в уголовно-правовой науке как квалификация преступления.

Под «квалификацией преступления» К.Х. Солиев признает необходимость выявления и правового установления

сходства между признаками общественно опасного деяния и признаками преступления, предусмотренного уголовным законом¹.

И.Х. Бободжонов пишет, что квалификация преступления есть определение совместимости состава общественно опасного деяния с содержанием, предусмотренным уголовным законом².

Л.Д. Гаухман же предлагает более широкое определение понятию «квалификация преступления», под которым понимается «Определение и надлежащим образом юридически установленное соответствие между признаками совершенного деяния и признаками преступления, установленными уголовным законом, а также иными нормативными правовыми актами, указанным в бланкетных диспозициях* статей Особенной части УК РТ»³.

Несмотря на то, что условия уголовной ответственности в бланкетных нормах в целом изложены, их составные признаки конкретизированы в других нормативных правовых актах, и прав А.В. Наумов, утверждающий, что «Излишнее размещение бланкетных норм в диспозициях уголовного закона при квалификации преступных деяний в судебно-следственной деятельности создает существенные проблемы, так как практические сотрудники вынуждены осуществлять поиск соответствующих норм в других областях права»⁴.

Следует отметить, что смысл понятия «экстремистская деятельность» раскрывается в определении «преступления экстреми-

¹ Солиев К.Х. Состав преступления: учебное пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: «Ирфон», 2014. – С. 29.

² Бободжонов И.Х. Актуальные проблемы квалификации преступлений (в теории и на практике): учебно-практическое пособие. В 3-х частях. Ч. 1 (на тадж. яз.). – Душанбе: «Эр-граф», 2012. – С. 22.

* Бланкетная диспозиция – это диспозиция, в которой, прямо не выявляя признаки преступления, для их уточнения делается отсылка к закону или иным нормативным правовым актам других отраслей права (административному, гражданскому и др.). См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрист», 2006. – С. 65.

³ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика: монография / Л.Д. Гаухман. – М.: Изд-во «ЮрИнфоР», 2005. – С. 18.

⁴ Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрист», 2006. – С. 66.

стской направленности» и в силу бланкетности данных норм (в частности, статей 307¹, 307², 307³ УК РФ) в науке они включены в область смешанного уголовного права, поскольку реализовать их требования на практике без обращения к другим нормативным правовым актам невозможно¹.

Для квалификации преступления, первостепенное значение имеет, прежде всего, выявление объекта преступления, так как он является одним из обязательных признаков любого преступления.

Прежде чем приступить к анализу признаков объекта преступления, следует отметить, что признаки субъективной стороны преступлений экстремистской направленности являются основным критерием, играя ключевую роль в выявлении составных элементов объекта и признаков состава таких преступлений, в особенности их объективной стороны, так как все преступления экстремистской направленности определяются, прежде всего, их экстремистскими мотивами.

Все преступления экстремистской направленности совершаются умышленно и имеют свои конкретные мотивы - возбуждение ненависти или разжигание политического, национального, расового, местнического или религиозного конфликта.

В силу того, что для совершения экстремистской направленности необходимо наличие политического мышления и определенного социального опыта, их субъектом считается любое вменяемое лицо (физическое или должностное), достигшее 16-летнего возраста. В случае совершения лицом убийства из экстремистских побуждений либо умышленного причинения тяжкого вреда здоровью другого лица, уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста.

В связи со схожестью признаков субъективной стороны и субъекта данных преступлений, а также уделенного особого внимания в первом параграфе первой главы нашего исследования признакам субъективной стороны экстремизма, считаем необходимым более подробно изучить объективные признаки преступлений экстремистской направленности.

¹ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М., 2015. – С. 20-34.

Т.Ш. Шарипов, А.И. Сафарзода и Ш.Н. Саидов, поддерживая классическую теорию уголовного права, под термином «объект преступления» признают общественные отношения и интересы, против которых направлены опасные публичные действия и которые от таких посягательств защищаются с помощью уголовного закона»¹.

В настоящее время выделяют четыре вида объекта преступления - общий, родовой, видовой и непосредственный².

Если защита всех интересов общества, государства и человека, закрепленных в статье 2 УК РТ, признается общим объектом, то, согласно признанному мнению науки уголовного права, в качестве родовых объектов выступает совокупность интересов, защищаемых отдельными разделами УК РТ.

Видовым объектом преступления является совокупность интересов, охраняемых главами УК РТ. Термин «основной или непосредственный объект» относится к общественным отношениям, которые охраняются отдельными статьями УК РТ.

Классификация объекта преступления на общий, родовой, видовой и непосредственный представляет собой вертикальную классификацию, а в теории уголовного права существует и горизонтальное деление, которое, по мнению З.М. Бешуковой, характерно для преступлений сложного состава, связанных с применением насилия в отношении двух и более объектов. С этой точки зрения объект преступления делится на основной, дополнительный и непосредственно факультативный³.

¹ Имомов А.Х. Терроризм – форма организованной преступности: монография. – Душанбе: «Санадвора», 2003. – С.53-54; Солиев К.Х. Состав преступления: учебное пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: «Ирфон», 2014. – С. 14; Сафаров А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.И. Сафаров. – М., 2011. – С. 78-79; Хусейнов С.Х. Состав преступления: учебное пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: «Эр-граф», 2013. – С. 35.

² Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В.П. Ревина. – М., 2000. – С. 110-111.

³ Бешукова З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / З.М. Бешукова. – Краснодар, 2011. – С.128.

Несмотря на сложность элементов экстремистских преступлений, И.С. Макеева, в зависимости от отраслевого объекта делит их на следующие группы:

1) преступления, непосредственно связанные с экстремистской деятельностью, основным объектом которых являются основы конституционного строя и безопасность государства;

2) преступления, совершенные по экстремистским мотивам, непосредственным факультативным объектом которых являются основы конституционного строя¹.

По нашему мнению, большое количество преступлений экстремистской направленности имеют сложный состав, находясь в разных разделах и главах УК РТ. В качестве видового объекта статей 104, 110, 111, 117 УК РТ признаются жизнь и здоровье, статей 143, 157, 158, 160 – права и свободы человека и гражданина, статей 237, 237¹, 242, 243 – общественный порядок, статей 188, 189 – общественная безопасность, статей 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴ - основы конституционного строя и безопасность государства, статьи 398 УК РТ – мира и безопасности человечества.

Правовыми источниками всех этих преступлений являются общественные отношения, охраняющие основы конституционного строя от разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной и местнической ненависти, поскольку в соответствии с требованиями частей 5 и 6 статьи 8 Конституции Республики Таджикистан, «Создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расизм, национализм, вражду, социальную и религиозную ненависть либо призывающих к насильственному свержению конституционного строя и формированию вооруженных групп запрещено»².

¹ Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.С. Макеева. – Екатеринбург, 2017. – С. 26.

² Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 26.09.1999, 22.06.2003 и 22.05.2016 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 13.10.2017 г.)

Также другие статьи Конституции РТ (ч. 1 ст. 17, ст. 26, ч. 1 ст. 29, ч. 1 ст. 30 и др.) гарантируют защиту личных и политических прав и свобод граждан.

Принимая во внимание положения вышеуказанных конституционных норм, можно сделать вывод о том, что преступления экстремистской направленности, предусмотренные УК РТ, посягают на охраняемые общественные отношения по поддержанию уважения и терпимости между различными слоями общества на основе расы, национальности, политики, религии и места проживания.

Отечественный исследователь Н.А. Кудратов в качестве объекта преступлений против основ конституционного строя признает общественные отношения, которые направлены на обеспечение формы и содержания государства, независимости народа и ее форм, неприкосновенности и территориальной целостности Таджикистана, формирование общественной жизни на основе политического плюрализма и идеологии, запрещение захвата власти и осуществление государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную, судебную ветви, а также развитие политики гуманизма¹.

Говоря о преступлениях против основ конституционного строя А.Г. Хлебушкин добавляет, что общественная опасность преступлений экстремистской направленности проявляется, прежде всего, в их преступной агрессии против основ конституционного строя, конституционных основ межличностных отношений, а также в угрозе нарушения системы организации и деятельности государственной власти².

В связи с большим числом преступлений против основ конституционного строя Н.А. Кудратов предложил более широкое содержание охраняемого объекта. А.Г. Хлебушкин, напротив, в связи с природой преступлений экстремистской направленности, более точно определил объект данных преступлений.

¹ Кудратов Н.А. Уголовно-правовая охрана основ конституционного строя Республики Таджикистан // Уголовная Юстиция / Russian Journal of Criminal Law. – Томск, 2019. – № 14. – С.137.

² Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. – Саратов: Изд-вр Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. – С. 22.

С.В. Борисов отмечает, что «любое преступление экстремистской направленности, прежде всего, нарушает конституционные права и свободы человека и гражданина, и что такие общественные отношения являются составной частью любого непосредственного объекта преступления экстремистской направленности»¹.

Предложенная исследователем позиция по определению основного непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности совпадает с позицией социологов по объекту экстремизма. Например, Л.С. Рубин отмечает, что «экстремистские мысли и действия, несмотря на их многообразие, выступают против плюрализма и нетерпимости, пропаганды свободного выражения и обмена мнениями, учета интересов определенных социальных групп независимо от их социального происхождения, имущественного, расового, национального и этнического происхождения или религии, против признания абсолютных ценностей прав человека»².

Ю.М. Антонян и М.Д. Давитадзе обращают внимание на то, что религиозные конфликты могут быть связаны с распространением религиозной ненависти и национализма, унижением национального достоинства, пропагандой национального и религиозного превосходства над представителями других наций и народов, причинением физического, морального или имущественного ущерба участников конфликта, либо совершение многочисленных убийств, уничтожение имущества и мест поклонения³. Примерно такой же позиции в отношении объектов преступлений экстремистской направленности придерживаются Н.И. Ветров и А.Г. Хлебушкин⁴.

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 186.

² Рубан Л.С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность: учебное пособие. – М.: Московское бюро по правам человека, ДА-ИАМП, МосУ МВД России, 2007. – С. 11.

³ Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения: учебное пособие. – М.: Изд-во ЩИТ-М., 2004. – С. 12, 13.

⁴ Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник. – М.: «Юнити-Дана», 2002. – С. 388–389; Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. – Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та МВД России, 2007. – С. 22.

Д.И. Леньшин добавляет, что «выявление непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности представля-ет определенные трудности, поскольку, посягая на разные интересы, они не имеют единого родового и видового объекта»¹.

Однако мы не поддерживаем такую позицию, так как родовой и видовой объект преступлений экстремистской направленности определены в разделах и главах УК РТ.

К.Х. Солиев отмечает, что важно правильно определить отраслевой (родовой) и видовой объект преступления, поскольку структура Особенной части УК строится по отраслевому принципу, и многие схожие преступления различаются по отраслевому объекту. Например, убийство предусмотрено не только в главе 16 (Преступления против жизни и здоровья), но и в главах 21 (Преступления против общественной безопасности), 29 (Преступления против основ конституционного строя и государственной безопасности), 34 (Преступления против мира и безопасности человечества)².

Точно так же, как и преступления террористического характера, вне зависимости от их общих террористических признаков, установлены в разных разделах и главах УК РТ. Однако этот факт не является основанием для отрицания их видового и родового объекта.

В научной литературе преступления экстремистской направленности называются многообъектными преступлениями. Многообъектность преступлений экстремистской направленности выражается в том, что большое количество из них посягает или угрожает посягательством сразу на несколько объектов. Поэтому одним из самых сложных этапов определения объекта преступлений экстремистской направленности является установление их основного непосредственно и дополнительного объектов.

Как было отмечено выше, основным непосредственным объектом экстремизма являются общественные отношения, защищающие от нарушения конституционных прав и свобод человека и гра-

¹ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 55.

² Солиев К.Х. Состав преступления: учебное пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: «Ирфон», 2014. – С. 32-33.

жданина от преступлений экстремистской направленности и обеспечивающие хорошие добрососедские межличностные отношения.

Безусловно, любое преступление экстремистской направленности, наряду с вышеназванным основным объектом, нарушает и иные общественные отношения (в зависимости от их расположения в соответствующих статьях Особенной части УК РТ), которые признаются в качестве обязательных (первичных или вторичных) либо их дополнительных объектов¹.

На наш взгляд, основным непосредственным объектом преступлений экстремистской направленности, таких, например, как статьи 143, 157, 158, 160 УК РТ, представленных в главе 19 УК (Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина) являются общественные отношения, защищающие от преступных посягательств экстремистской направленности конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающие добрососедские отношения между людьми, поскольку государство, гарантируя соблюдение и защиту личных и политических конституционных прав граждан, через свои уполномоченные органы лиц, посягающих на равноправие граждан (ст. 143 УК) или оказывающих воспрепятствование деятельности религиозных объединений (ст. 157 УК), политических партий и общественных объединений (ст. 158 УК), заведомо препятствующих или нарушающих порядок организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий (ст. 160 УК), привлекают к уголовной ответственности.

Совершение этих деяний признаются преступлениями экстремистской направленности только в том случае, если они совершаются по политическим, религиозным, национальным или местническим мотивам. В противном случае, подобные действия проявлениями экстремистской направленности признаны не будут. С этой точки зрения можно сказать, что положения статей 143, 157, 158 и 160 УК РТ могут совершаться как по экстремистским мотивам, так и без таковых.

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С.16.

Анализ текстов диспозиций вышеперечисленных статей показывает, что в составе статей 143, 157 и 158 УК РТ присутствуют элементы экстремистской направленности. Так, если ст. 143 УК предусматривает совершение деяний экстремистской направленности, таких, как превосходство граждан по признаку пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, личного положения, имущественного или служебного положения, места жительства, вероисповедания, убеждений, принадлежность к политическим партиям, общественным объединениям и т.д., то по ст. 157 УК деяния совершаются зачастую по религиозным, а по ст. 158 УК РТ в основном по политическим мотивам. Следует отметить, что в деяниях, предусмотренных в статьях 157 и 158 УК РТ, могут иметь место и экстремистские мотивы смешанного характера (религиозно-политический и т.д.).

Несмотря на то, что на законодательном уровне ст. 160 УК РТ признана преступлением экстремистской направленности, однако, экстремистские проявления в ее составе в качестве обязательных признаков не установлены. В связи с этим, включение в качестве отягчающего обстоятельства данного преступного деяния экстремистских мотивов является необходимым шагом на пути устранения недостатков законодательства.

В качестве непосредственного объекта преступлений экстремистской направленности, таких статей, как 237 (Хулиганство); 237¹ (Вандализм); 242 (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры); и ст. 243 (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения), размещенных в главе 25 УК РТ (Преступления против общественного порядка и нравственности), выступают общественные отношения, обеспечивающие стабильное состояние общественного порядка* и нравственности.

* Общественный порядок представляет собой устойчивый механизм обеспечения спокойствия, правопорядка, неприкосновенности личности, целостности собственности, который способствует стабильному функционированию государственных органов и общественных институтов. Хулиганство в свою очередь, наравне с насилием над общественным порядком, спокойствием, неприкосновенностью личности и целостности собственности, разрушает устойчивый механизм стабильного функционирования государственных и общественных институтов. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 460.

Однако с учетом вышеизложенных научных воззрений, в качестве дополнительного непосредственного объекта этих преступлений целесообразно признать охрану общественных отношений по предупреждению нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также поддержание нормальных межличностных отношений.

То есть, исходя из местоположения соответствующих статей в Особенной части УК РТ, в одном случае, основной непосредственный объект преступлений экстремистской направленности приобретает статус первостепенности, в другом же случае – выступает в качестве основного дополнительного объекта.

Так, например, Хулиганство (ст. 237 УК РТ) и Вандализм (ст. 237¹ УК РТ) выступают в качестве именно таких преступлений. Если данные деяния, основанные на экстремистских мотивах, связаны с проявлениями хулиганства, в таком случае, в качестве основного непосредственного объекта выступают общественные отношения, связанные с обеспечением общественного порядка, при этом основным непосредственным дополнительным объектом являются равноправие либо честь и достоинство человека. В качестве основного факультативного объекта в хулиганстве выступают здоровье человека либо имущество.

По нашему мнению, отличительным характером объекта хулиганства по экстремистским мотивам является насилие в отношении общественного порядка и причинение вреда (либо непосредственная угроза его использования) различным общественным отношениям (права и свободы человека, здоровье, имущество и т.д.). Насилие в отношении человека либо имущества в качестве средства такого, являясь основным непосредственным объектом хулиганства (общественный порядок), признается в качестве основного дополнительного объекта.

Другие же преступления экстремистской направленности, являясь более опасными, посягают на общественную безопасность, основы конституционного строя и государственную безопасность, жизнь и здоровье граждан.

Статья 189 УК РТ, находящаяся в главе 21 (Преступления против общественной безопасности) раздела VIII (Преступления против общественной безопасности и здоровья населения), преду-

смачивает уголовную ответственность за разжигание социальной, расовой, национальной, местнической или религиозной вражды, или унижение национального достоинства, а также пропаганда исключительности и превосходства граждан по признаку их отношения к религиозной, расовой, национальной или местнической принадлежности. Поэтому, его родовым объектом является общественная безопасность и здоровье населения, видовым же объектом выступает общественная безопасность.

Основным непосредственным объектом данного преступления является общественная безопасность, а основным дополнительным объектом, как и в других преступлениях экстремистской направленности, выступают общественные отношения, охраняющие конституционные права и свободы человека, социальный плюрализм и нормальные общечеловеческие отношения, так как в республике запрещается пропаганда и агитация, разжигающие социальную, расовую, национальную, религиозную и языковую вражду и неприязнь (ст. 30 Конституции РТ).

По нашему мнению, несмотря на то, что состав преступления, предусмотренного статьей 188 УК РТ в качестве обязательных признаков не предусматривает экстремистских мотивов, однако его основной непосредственный и дополнительный объекты идентичны ст. 189 УК РТ. Это связано с тем, что на протяжении долгого исторического периода данное преступление ассоциировалось с национальной, расовой, местнической или религиозной ненавистью и враждой и не случайно, в диспозиции ст. 307² УК, это деяние признано преступлением экстремистской направленности. Следует отметить, что данное действие происходит только на пике экстремистской активности.

В XIII разделе (Преступления против государственной власти) и главе 29 УК РТ помещены четыре статьи (307, 307¹, 307² и 307³), которые практически полностью аналогичны статьям 280, 282¹ и 282² УК РФ. В данный раздел УК РТ, в соответствии с Законом РТ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 2 августа 2011 года, за № 750 включена новая статья под названием «Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера» (ст. 307⁴ УК РТ).

Подобной нормы ни в одном из уголовных законодательств государств-участников СНГ еще не имеется.

Основным объектом этой статьи являются основы конституционного строя, так как именно путем завуалированного внушения религиозно-экстремистской идеологии с 90-х годов прошлого века и по настоящее время экстремисты-вербовщики, развращая мышление несовершеннолетних и молодежи, вовлекают их в экстремистско-террористические группировки, которые в будущем будут привлекаться к преступной деятельности с целью насильственного изменения основ конституционного строя.

В связи с тем, что основной непосредственный и дополнительный объекты ст. 307 УК (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан) и ст. 307¹ УК РТ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма) весьма схожи, мы посчитали необходимым изучить также и объект ст. 307¹ УК РТ (аналогичная ст. 280 УК РФ).

По мнению исследователей, основным непосредственным объектом ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ), являются общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны конституционного строя и безопасности государства, а дополнительным непосредственным объектом выступает нормальное функционирование общественной жизни¹.

Такой же точки зрения относительно основного непосредственного и дополнительного объектов ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ) в своих исследованиях придерживаются также В.А. Бурковская² и Б.А. Мыльников³. Б.В. Ясиленко непосредственным объектом данного преступления считает внутреннюю безопасность

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 187.

² Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Бурковская. – М., 2007. – С. 239.

³ Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.А. Мыльников. – М., 2005. – С. 116.

государства¹, А.Е. Беляева же утверждает, что таким объектом признаются конституционные основы политической системы общества². По мнению отечественных ученых Дж.З. Маджидзода и Н. Назарова, непосредственным объектом преступления являются охраняемые уголовным законом общественные отношения по поводу охраны конституционного строя, которым в ходе совершения преступления причиняется вред или создается угроза его причинения³.

Д.И. Леньшин же утверждает, что точное определение непосредственного объекта статей 280, 282¹ и 282² УК РФ (аналогичных статьям 307¹, 307² и 307³ УК РТ) невозможно⁴.

Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что в качестве непосредственного объекта ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ) уместно признание общественной безопасности⁵. Безусловно, что между основами конституционного строя и государственной и общественной безопасностью существует неразрывная связь. Однако ст. 307¹ УК РТ (аналогичная ст. 280 УК РФ) расположена в главе 21 УК РТ (Преступления против общественной безопасности). В связи с тем, что структура Особенной части УК РТ и РФ с учетом упорядочения различных родовых и видовых объектов, общественная безопасность объектом статьи 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ) может быть признана лишь условно.

Основным непосредственным объектом образования экстремистского сообщества (ст. 307² УК РТ) и организации деятельности

¹ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. – М.: «Юрист». 2014. – С. 440.

² Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. В.И. Радченко. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2004. – С. 454.

³ Маджидзода Дж.З., Назаров Н. Организованная и транснациональная преступность: учебно-методическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: «Дакики», 2014. – С. 94-95.

⁴ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 60.

⁵ Кашепов В. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. – М.: АНО «Юридические программы», – 2007. – № 3. – С. 32; Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Скудин. – М., 2011. – С. 94.

экстремистской организации (ст. 307³ УК РФ) признаются общественные отношения, обеспечивающие основу конституционного строя путем запрещения деятельности объединений, деятельность которых направлена на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной и местнической ненависти.

По мнению А.Г. Хлебушкина, непосредственным объектом организации экстремистского сообщества являются «конституционные основы межличностных отношений»¹.

На наш взгляд, «конституционная основа обеспечения нормальных межличностных отношений» является основным дополнительным объектом этих преступлений, так как их прямым непосредственным объектом выступает охрана конституционного строя и обеспечение нормального функционирования государственной власти.

С.Н. Фридинский под непосредственным объектом организации экстремистского сообщества признает «общественные отношения, обеспечивающие безопасность и стабильность, целостность и неприкосновенность государства, а также укрепление государственной власти»².

По мнению С.В. Борисова, признавать основным объектом организации экстремистского сообщества основы конституционного строя и безопасности государства является нецелесообразным, так как, являясь двумя самостоятельными объектами, они выступают лишь видовым объектом данного преступления³. Ученый пишет, что второй обязательный непосредственный альтернативный объект организации экстремистского сообщества определяется в зависимости от того, для каких видов преступлений экстремистской направленности данное сообщество было организовано⁴. В качестве альтернативного объекта могут выступать жизнь либо здо-

¹ Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. – С. 69-70.

² Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. – Ростов-н/Д, 2003. – С. 67.

³ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 190.

⁴ Борисов С.В. Указ. работа. – С. 190.

ровье, общественный порядок, общественная нравственность, общественная безопасность и др. Следует отметить, что организация или участие в экстремистском сообществе не наносит прямого ущерба этим объектам, но существует реальная угроза причинения такого ущерба.

Если в ходе деятельности экстремистского сообщества будут совершены конкретные преступления экстремистской направленности, то состояние охраны этих ценностей не пострадает, однако уже будет нанесен прямой ущерб общественным отношениям в этой сфере. Поэтому, преступное деяние требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям экстремистской направленности.

Основной и дополнительный непосредственный объект организации деятельности экстремистской организации (ст. 307³ УК РТ) имеют сходство со ст. 307² УК РТ (Организация экстремистского сообщества).

По мнению С.В. Борисова, «Экстремистское сообщество – это организованная группа, созданная с целью совершения преступлений экстремистской направленности»¹.

На наш взгляд, экстремистское сообщество представляет собой разновидность преступного объединения, целью организации которого является разжигание национальной, расовой, политической, религиозной или местнической вражды либо публичные призывы к насильственному изменению основ конституционного строя, захвату государственной власти и нарушение международных отношений, деятельность которых включает организацию одного или нескольких организованных преступных формирований или групп, финансирование их деятельности, разработку планов и (или) создание иных условий для совершения различных категорий преступлений экстремистской направленности.

По мнению С.В. Борисова, экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которой в установленном законодательством по-

¹ Борисов С.В. Указ. работа. – С. 371.

рядке судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или прекращении деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности либо о создании условий для такой деятельности¹. То есть, такие объединения и организации считаются экстремистскими в том случае, если они занимаются экстремистской деятельностью после ликвидации или запрета на основании решения суда.

Соотношение этих понятий свидетельствует о том, что экстремистская организация может заниматься любым видом экстремистской деятельности до вынесения судебного решения о прекращении ее деятельности.

Однако организация деятельности экстремистского объединения, общественная опасность которой меньше, чем образование экстремистского сообщества, согласно С.В. Борисову, направлены на совершение административных правонарушений либо преступлений экстремистской направленности небольшой или средней тяжести. Поэтому он высказывает мнение о том, что совершение тяжких или особо тяжких преступлений при организации деятельности экстремистских организаций должно квалифицироваться в соответствии со статьей 282¹ УК РФ (аналогичной ст. 307² УК РТ) как приготовление к совершению тяжких или особо тяжких преступлений экстремистской направленности².

Ввиду неоднозначности и слабой выраженности признаков состава данных преступлений и того, что на практике возникают значительные трудности при их реализации, исследователь предлагает исключить из УК РФ ст. 282² (аналогичную ст. 307³ УК РТ)³.

На наш взгляд, сегодня возникла необходимость определения в рамках данной статьи уголовно-правового понятия «преступления экстремистской направленности» на законодательном уровне и признания экстремистским явлением любого

¹ Борисов С.В. Указ. работа. – С. 23.

² Борисов С.В. Указ. работа. – С. 71.

³ Борисов С.В. Указ. работа. – С. 71-72.

преступления, совершенного по экстремистским мотивам. Так, ранее в диспозиции ст. 282¹ УК РФ (Организация экстремистского сообщества) перечень преступлений экстремистской направленности по подобию ст. 307² УК РФ (Организация экстремистского сообщества) был представлен ограниченный список этих преступлений. Однако, как было отмечено выше, с введением в пункт 2 примечания к статье 282¹ УК РФ уголовно-правового понятия «преступлений экстремистской направленности», в котором собраны все уголовные деяния, совершаемые по экстремистским мотивам.

Анализ состава преступлений экстремистской направленности показывает, что их объективная сторона обычно находит свое отражение в активном поведении (действиях) правонарушителей. В их мышлении присутствует идея о разжигании ненависти и вражды к определенным социальным группам, соответственно, они активно пытаются осуществлять эти противоправные действия. Этот процесс неизбежно приводит к выбору способа, места и условий совершения экстремистских действий, которые в большей степени направлены на возбуждение ненависти и вражды среди населения. Некоторые составы преступлений экстремистской направленности носят материальный характер и предусматривают такие преступные последствия, как смерть потерпевшего, причинение различной степени вреда здоровью, уничтожение или повреждение предметов либо имущества¹.

С.В. Борисов отмечает, что разграничить между собой экстремистские преступления очень сложно и этот процесс должен основываться на объективных признаках, так как их субъект и субъективная сторона, за исключением некоторых случаев, полностью совпадают².

Д.И. Леншин также отмечает, что «ввиду схожести преступлений экстремистской направленности, выявить их отличительные

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 181.

² Борисов С.В. Указ. работа. – С. 352.

признаки можно только путем сопоставления признаков объективной стороны этих преступлений»¹.

В связи с этим, для дальнейшего и ясного выявления уголовно-правовой природы деяний экстремистской направленности необходимо проведение более широкого сравнительного анализа их отличительных признаков.

2.2. Проблемы разграничения преступлений экстремистской направленности

Как видно из исследования, проведенного нами в предыдущем параграфе, с преступлениями экстремистской направленности связано большое количество преступных деяний, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Однако при их квалификации основные проблемы связаны с признаками составов новых в этой сфере преступлений, введенных в УК в соответствии с Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» 17 мая 2004 года, № 35 (например, статьи 307¹, 307², 307³ УК РТ)².

Наше социологическое исследование показало, что 25-27 % практических сотрудников, не видя различий между этими деяниями, считают их взаимосвязанными, 26-29 % ответить затрудняются, 27,6 % высказывают мнение о том, что ст. 307¹ УК РТ включает в себя ст. 307 УК, 34,8 % же опрошенных придерживаются мнения о том, что объективная сторона ст. 307² УК РТ включает в себя признаки объективной стороны ст. 307³ УК РТ.

Д.И. Леньшин, принимая это во внимание, настаивает на том, что одним из основных факторов, свидетельствующих о сложности квалификации преступлений экстремистской направленности, яв-

¹ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 70.

² Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 17 мая 2004 г., № 35 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004, № 5, ст. 346, № 7, ст. 452, ст. 453.

ляется наличие в уголовном законе большого количества однородных составов преступлений, которые на практике, как правило, создают проблему по их разделению¹.

Необходимо отметить, что уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ) была введена Федеральным законом РФ 25 июля 2002 г., за № 112-ЗФ². В Республике Таджикистан же ст. 307¹ была введена Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 17 мая 2004 г., за № 35³.

В своей первоначальной редакции эта статья в УК РФ носила название «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации» (аналогична ст. 307 УК РТ). Предыдущая диспозиция ч. 1 ст. 280 УК РФ, как и диспозиция действующей ч. 1 ст. 307 УК РТ, включала в себя не только публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, но также еще и насильственный захват и удержание власти.

Как добавляет Е.П. Сергун, «в связи с вступлением в силу нового Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 г. за № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», радикально изменилась уголовно-правовая природа ст. 280 УК РФ и диспозиция ч. 1 ст. 280 УК РФ (аналогичной ч. 1 ст. 307 УК РТ), приобретя бланкетный характер»⁴. Таким образом, название ст. 280 УК РФ (аналогичной ч. 1 ст. 307 УК РТ) приобрело новое звучание как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с его составляющими признаками вместо пре-

¹ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 119.

² Сергун, Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 146.

³ Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 17 мая 2004 г., № 35 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004, № 5, ст. 346, № 7, ст. 452, ст. 453.

⁴ Сергун Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 147.

жде действующей нормы уголовного закона России («Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации»)*.

По причине слишком широкого определения понятия «экстремистская деятельность» в антиэкстремистском законодательстве, Е.П. Сергун выступает против использования этого термина в соответствующих статьях Уголовного кодекса. Далее он добавляет, что только в пределах уголовного права должны затрагиваться конкретные уголовные формы экстремизма, но никак не в нормах административного либо гражданского права. Так, в статье 15 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г., за № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», это понятие включает в себя как уголовные, так и административные и гражданские деяния¹.

Ученый также выступает противником изменения названия и содержания этого преступления (ст. 280 УК РФ) в «публичные призывы к совершению преступлений экстремистской направленности», так как, по его мнению, в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ экстремистские мотивы совершения любого преступления экстремистской направленности определены в качествеотягчающего обстоятельства. Далее он добавляет, что в демократических странах степень опасности преступлений экстремистской направленности должна определяться не основным непосредственным объектом (основами конституционного строя), а дополнительным непосредственным объектом (жизнь, здоровье и т.п.). По мнению ученого, публичные призывы к совершению преступления – это «склонение к неоконченному преступлению»².

Мы не поддерживаем данную позицию ученого, так как теория уголовного права для преступных деяний с высокой степенью общественной опасности предусматривает также формальную и сокращенную уголовные составляющие, что определяет в этих со-

* Данная норма по сей день является действующей в Уголовном кодексе Республики Таджикистан (См.: ст. 307 УК РТ).

¹ Сергун Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 153.

² Сергун Е.П. Указ. работа. – С. 153-154.

ставах условия криминализации преступных деяний в момент приготовления к совершению преступления.

Кроме того, как вытекает из сведений, полученных в ходе изученной литературы¹, в процессе «демократизации общества» спецслужбы отдельных государств отслеживают и поддерживают деятельность международных экстремистских организаций, в том числе, через транснациональные сети Интернет*, занимаются публичными призывами к совершению преступлений экстремистской направленности. Такой процесс напрямую угрожает самим основам конституционного строя и безопасности отдельных государств.

Например, гражданин Г. через социальную сеть «Одноклассники» познакомился с гражданином Н., находившимся в Сирии, и через последнего познакомился с идеями и целями «Исламского государства». Гражданин Г., поддерживая экстремистские идеи о «вооруженном джихаде» в связи с тем, что якобы «неверные» в этой стране убивают мусульман, принял предложение Н. о вступлении в ряды этого движения².

Или другой пример, гражданин А. в целях трудовой миграции выехал в Санкт-Петербург Российской Федерации, где начал активно просматривать соответствующие ролики на сайте «YouTube», социальных сетях «Одноклассники», «Facebook», слушать интернет-радио «Zello», программу «Путеводитель по Ислам-

¹ Джалилов К. Исламский фактор и внешняя политика Таджикистана // Вестник Таджикистан и современный мир, – 2007. – № 2 (15). – С. 56; Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века: монография. – М.: «Политиздат», 1989. – С. 169; Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма: монография. – М.: Издво «Щит-М», 1999, – С. 26; Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / под общ. ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – С.357-362; Богданов О.В. Курс международного права. В 6-ти томах. Т. 5. / гл. ред. Ф.И. Кожевников. – М.: Наука, 1969. – С. 430; Терехов В.Д. Международный терроризм и борьба с ним // Новое время, – 1974. – № 11. – С. 20-22.

* В 2015-2017 годах более 80 % участников военных действий за пределами государства (от общего количества в 1086 человек) были вовлечены в экстремистско-террористические организации именно через сети Интернета. См.: Сафаров Х.С., Хафиззода Ш.Х. Предотвращение вовлечения молодежи в экстремистские организации: методическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: Академия МВД Республики Таджикистан, 2017. – С. 20-21.

² Уголовное дело № 83017 Т. 1. № 1-434 // Судебный архив р. Шохмансур г. Душанбе за 2015 год.

скому государству», знакомясь с идеями экстремистско-террористической организации «Исламское государство», принимая и поддерживая их, сознательно вступил в ряды организации в этой стране¹. Напомним, что подобные случаи не редки, встречаясь также и в других, изученных нами уголовных делах².

Поэтому наличие в уголовном законодательстве составов преступления с формальной или сокращенной конструкцией на уровне подготовки или покушения на такие преступления имеет объективную реальность и социально-правовую необходимость.

В то же время, мы поддерживаем позицию Е.П. Сергуна относительно правовых проблем, связанных с термином «экстремистская деятельность», но не согласимся с мнением ученого по поводу неэффективности изменения названия и смысла признаков состава ч. 1 ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ) на правовое выражение «публичные призывы к совершению преступлений экстремистской направленности», так как в последние годы в уголовном праве появились достаточно сильные научные теории³ по определению перечня и уголовно-правового понятия «преступлений экстремистской направленности», связанные с практикой действующего уголовного законодательства России и Таджикистана в борьбе с терроризмом, когда существующие проблемы в этой сфере были практически устранены именно за счет уточнения перечня и общих признаков преступлений террористического характера.

Например, сейчас ст. 179³ УК РТ (Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера) предусмат-

¹ Уголовное дело № 1-102/16 // Судебный архив р. Сино г. Душанбе за 2016 год.

² Уголовные дела № 22-213-15 и № 22-229/15 // Судебный архив г. Душанбе за 2015 год.

³ Хлебущкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Хлебущкин. – Санкт-Петербург, 2016 – С. 28; Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 28-30; Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Зубалова. – М., 2017. – С. 16-23; Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Ш. Курбонзода. – Душанбе, 2017. – С. 8.

ривает уголовную ответственность за публичные призывы к совершению преступлений, предусмотренных статьями 179, 179¹, 179², 181, 182, 184, 184¹, 184², 184³, 184⁴, 185, 193, 194, 194¹, 194², 194³, 194⁴, 194⁵, 310 и 402 УК РТ.

Следует отметить, что перечень этих преступлений основан на общеправовом понятии «терроризм». С учетом авторитетного научного мнения известных юристов (Ю.М. Антонян, В.С. Верешетин, А.Э. Жалинский, М.П. Киреев, С.Г. Келина, В.С. Комиссаров, В.В. Лунеев, К.Ф. Шеремет)¹ и изучения большого количества научных исследований², можно представить следующее общеправовое определение «терроризма»: «Терроризм – это совершение или угроза совершения взрыва, пожара или иного действия, представляющего общественную опасность, которое может повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия, а также устрашение населения в целях принуждения государства, международной организации, физического, юридического лица или группы лиц совершать или воздерживаться от каких-либо действий»³. То есть, любое преступление террористического характера обладает общими объединяющими его чертами:

- совершаемое открыто, с целью демонстрации силы насилия, носящее ультимативный характер;
- совершенное в целях возбуждения страха, беспомощности, растерянности и нестабильности в обществе, нарушения нормальной жизнедеятельности граждан, общественных объединений и государственной власти;
- представляющее опасность для неопределенного круга лиц и создающее прямую угрозу жизни граждан, причиняя значительный материальный и физический ущерб или иные тяжкие последствия;

¹ Терроризм: психологические корни и правовые оценки: материалы круглого стола // Государство и право, – 1995. – № 4. – С. 20–43.

² Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его упреждения: (криминологическое исследование): монография. – ПАН Украины. Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого. – К.: НБУВ, 1998. – С. 51.

³ Сафаров Х.С. Актуальные проблемы законодательного регулирования и квалификация терроризма (на материалах Республики Таджикистан и стран СНГ): монография. – Душанбе, 2006. – С. 69.

– направленное на принуждение государства, международной организации, физического, юридического лица или группы лиц к совершению или воздержанию от каких-либо действий¹.

Таким образом, мы выступаем против использования в УК РТ криминологического термина «экстремистская деятельность» и поддерживаем введение научно обоснованного термина «преступления экстремистской направленности». Несмотря на многообразие уголовно-правовой природы деяний экстремистской направленности, их объединяющим признаком целесообразно признать экстремистские мотивы.

Как отмечалось выше, Е.П. Сергун является противником новой редакции статьи 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и выступает за более раннюю версию нормы российского уголовного законодательства под названием «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации». Свою позицию он обосновывает тем, что, во-первых, понятие «экстремистская деятельность» раскрывается только Федеральным законом Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Во-вторых, содержание ч. 2 ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства) (аналогичная ст. 189 УК РТ) находится в жесткой конкуренции с законом, т.к. в соответствии с ним, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти считается «экстремистской деятельностью». Также ученый добавляет, что «в диспозиции ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ) не ясно, призывы к каким именно уголовным деяниям экстремистской направленности влекут за собой уголовную ответственность».

Социологический опрос, проведенный нами среди 250 практических сотрудников правоохранительных органов доказал, что более 50% респондентов являются сторонниками совершенствования законодательства в области названия и диспозиции ст. 307¹ УК РТ.

¹ Имомов А.Х. Терроризм – форма организованной преступности: монография. – Душанбе: «Санадвора», 2003. – С. 18-19.

Е.П. Сергун логически правильно отметил, что ч. 2 ст. 280 УК РФ (аналогичная ч. 2 ст. 307¹ УК РТ) соответствует статьям 205² УК РФ (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма) (аналогичной ст. 179³ УК РТ), ч. 3 ст. 212 УК РФ (Общественные беспорядки) (аналогичной ч. 2 ст. 188 УК РТ) при наличии условий, предусмотренных в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (соотв. п. «е» ч. 2 ст. 62 УК РТ) и ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства) (соотв. ст. 189 УК РТ) в качестве общей нормы, поскольку содержание «экстремистской деятельности» включает в себя большое количество преступлений экстремистской направленности¹.

В соответствии с ч. 4 ст. 20 УК РТ, «Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме». То есть, в случае конкуренции норм ст. 307¹ УК РТ с нормами статей 307 и 189 УК РТ, предпочтение отдается специальной норме.

По мнению отечественных ученых К.Х. Солиева, Ш.Х. Хафиззода и Х.С. Сафарзода, основное отличие признаков состава ст. 307 УК РТ от ст. 307¹ УК РТ заключается в том, что это преступное деяние совершается лишь по политическим мотивам против политической системы Республики Таджикистан, тогда как ст. 307¹ УК РТ, наряду с политическими целями, включает в себя также и религиозные, национальные и местнические цели². То есть, если преступное деяние совершается лишь по политическим мотивам против основ конституционного строя, оно должно квалифицироваться по ст. 307 УК РТ, так как эта статья в отличии от ст. 307¹ УК РТ выступает в качестве специальной нормы.

Так, например, гражданин И., насмотревшись видеороликов на сайте «Одноклассники» и наслушавшись выступлений членов и

¹ Сергун Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 156.

² Хафиззода Ш.Х., Солиев К.Х., Сафаров Х.С., Хайдарзода М.П., Оев Т.Ю. Уголовно-правовая характеристика экстремизма и тактика допроса подозреваемых: научно-практическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2018. – С. 22.

лидеров «Группы 24», призывающих народ к насильственному захвату власти и изменению конституционного строя, приняв их за истину, записал все просмотренное и прослушанное на диски (150 шт. в три этапа) и стал активно их распространять. В ходе расследования выяснилось, что, не являясь членом «Группы 24», единственной целью гражданина И. было получение прибыли. Суд расценил его действия как публичные призывы к экстремистской деятельности, публичные или скрытые призывы к насильственному захвату государственной власти, ее насильственному удержанию, изменению конституционного строя Республики Таджикистан и насильственному нарушению территориальной целостности Республики Таджикистан, квалифицировав данные действия в соответствии с пунктом «а» ч. 2 ст. 307 УК РТ.

Гражданин И. частично признав себя виновным по предъявленному обвинению, обратился однако в вышестоящий суд с апелляцией, утверждая, что, не являясь членом «Группы 24», лично никого не призывал к насильственному захвату власти или удержанию ее силой, изменению конституционного строя Республики Таджикистан, единственной целью которого являлось получение выгоды (денежной), было сделано впервые, в силу неграмотности, неосведомленности и молодости, поэтому просил вышестоящий суд переqualифицировать его действия с п. «а» ч. 2 ст. 307 УК РТ на ч. 2 ст. 307¹ УК РТ. Суд кассационной инстанции, рассмотрев эти основания, обоснованно отклонил их, признав квалификацию правильной, оставил приговор суда первой инстанции без изменения¹.

На наш взгляд, в связи с неоднозначным определением термина «экстремистская деятельность» в действующем законодательстве, действия гражданина И. должны были квалифицироваться в соответствии с ч. 2 м. 307¹ УК РТ, так как в соответствии с требованиями статьи 11¹ УК РТ, любая двусмысленность должна толковаться в пользу виновного лица.

Приведем один, аналогичный предыдущему, практический пример, который может пояснить нашу позицию. Так, гражданин Н. во время своего пребывания в городе Москва Российской Федерации, в здании Миграционной службы Таджикистана познако-

¹ Уголовное дело № 1-486/15 // Судебный архив г. Душанбе за 2015 г.

мился с главой и активистами экстремистской группировки «Группа 24», в целях осуществления экстремистской деятельности через социальную сеть «Zello», на каналах «Новый Таджикистан - 2», «Созандагон», «Дар лаби джуй», «Халид ибн аль-Валид», учредителями и руководителями которых была «Группа 24», присвоив себе псевдоним, присягнув на верность, дал клятву притворять в жизнь корыстные намерения лидеров этой экстремистской организации. С этой целью неоднократно встречался с активистами этой организации, принимая активное участие в митингах лидеров организации и призывах ее членов в связи с захватом власти в Республике Таджикистан.

21 сентября 2014 г. Н. прибыл в город Душанбе и при тесном сотрудничестве с руководителями и членами организации, в том числе, гражданином Б., принял участие в разработке плана проведения незаконных митингов на окраинах Душанбе с помощью прихожан после пятничной молитвы, подстрекая к беспорядкам, захвату власти, организации незаконных вооруженных формирований и осуществлению террористической деятельности на территории Республики Таджикистан, через социальную сеть «Zello» выступил с публичным обращением, вел переговоры с представителями группы «Холид-ибн-ал Валид» о приобретении огнестрельного оружия и боеприпасов с целью создания незаконных вооруженных формирований за счет своих сторонников для использования их в последующем в ходе проведения незаконных митингов в г. Душанбе, предложил увеличить количество оружия и боеприпасов за счет захвата одного из городских отделов внутренних дел МВД РТ Душанбе. Однако, не успев достигнуть своих преступных целей, был задержан правоохранительными органами республики. Суд расценил его деятельность как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичном оправдании экстремизма, квалифицировав данные деяния по ч. 2 ст. 307¹ УК РТ.

На наш взгляд, в действиях этих лиц налицо признаки состава преступления, предусмотренного ст. 307 УК РТ, но как было сказано выше, в силу двусмысленности законодательства, данным деяниям дана квалификация лишь по ч. 2 ст. 307¹ УК РТ.

Напомним, что если политические мотивы смешиваются с религиозными, национальными или местническими мотивами, то

представляется целесообразной квалификация таких деяний по ст. 307¹ УК РТ, так как такие преступные деяния полностью подпадают под действие положений данной статьи. Однако такое положение облегчает для виновного размер уголовного наказания, что, на наш взгляд, свидетельствует о несовершенстве законодательства в данной сфере.

Например, граждане К., Ф. и другие, по религиозно-политическим мотивам в 2007 году с целью осуществления «джихада» по своему желанию прибыли в г. Вазиристан Исламской Республики Пакистан, примкнув к экстремистской организации «Ал-Каида», пройдя там достаточно авантюрную религиозную и военную подготовку, для сокрытия своей преступной деятельности, взяли себе псевдонимы. При возвращении на Родину, для того, чтобы сотрудники правоохранительных органов не узнали об их намерениях, договорились о временном прекращении на территории республики общения между собой. Таким образом, встретившись через 20 дней, выбрав гражданина А. своим руководителем и встревожившись тем, что организация не дает им никаких специальных поручений, с целью получения инструкций к действию, направляют граждан А. и М. в город Вазиристан Пакистана. Через месяц, гражданин А., вернувшийся в республику, был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Гражданин М. остался в Вазиристане. Проанализировав обстоятельства дела суд квалифицировал действия вышеуказанных лиц по ст. 307¹ УК РТ¹.

Как видим, в действиях вышеуказанных лиц, наряду с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 307¹ УК РТ), совершенные по религиозно-политическим мотивам, усматриваются также действия, доказывающие их участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 307² УК РТ) или участие в деятельности политических партий, общественных или религиозных объединений либо иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ч. 2 ст. 307³ УК РТ), кото-

¹ Уголовное дело № 2-36/10 // Судебный архив г. Душанбе за 2010 г.

рые при квалификации судебными и следственными органами были проигнорированы.

Как отмечает А.Г. Хлебушкин, «при квалификации действий экстремистской направленности, должны быть выявлены экстремистские мотивы совершения таких преступлений. Это необходимо сделать в силу того, что анализ судебно-следственной практики доказывает, что экстремистские движения обычно бывают двух видов:

а) публичные призывы с целью возбуждения расовой, национальной и религиозной вражды и ненависти;

б) публичные призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и захвату власти»¹.

По его словам, термин «публичные призывы» включает в себя выражение идей в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, общедоступных информационных и телекоммуникационных сетей, в том числе, сети Интернет), направленные на подстрекательство других лиц к осуществлению экстремистской деятельности (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г., за № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности»)².

По словам П.В. Агапова, «Осознание экстремистской направленности своей деятельности означает, что человек чувствует общественно опасный характер своих действий в подстрекательстве других к совершению нежелательных действий. При этом правоприменители, руководствуясь принципом субъективного вменения, должны доказать, какие формы экстремистских призывов имели место быть и какое негативное влияние они оказали на мышление и психику людей»³.

¹ Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Хлебушкин. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 167.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011 г., № 8.

³ Агапов П.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право, – 2007. – № 1. – С. 4-5.

В научной литературе отмечается, что обращения к родственникам и близким друзьям не следует воспринимать как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в связи с их незначительной общественной опасностью¹. Однако мы выступаем противниками такой позиции, так как судебно-следственный опыт Таджикистана доказывает, что большая часть лиц, осуществляющих такие призывы вовлекают в экстремистские организации сначала своих близких родственников и друзей, а уж потом знакомых людей. Так, например, гражданин И., принимавший участие в вооруженных столкновениях за границей, регулярно выходил на связь со своим близким другом К., призывая последнего приехать и участвовать в «джихаде». Более того, внушал мысль о том, чтобы И. уговорил своего брата, находящегося на военной службе, сбежать из армии для участия в этом «джихаде». Далее К., с целью распространения идеи своего друга И., собирался провести подобные призывы среди других своих знакомых, но был задержан сотрудниками правоохранительных органов².

В связи с этим Л.В. Иногамова-Хегай отмечает, что «призывы виновного к ограниченному числу граждан содержания публичного обращения не отрицает»³.

С.Н. Фридинский добавляет, что признаком публичности деяние обладает в том случае, когда имеют место призывы в отношении двух или более лиц⁴.

На наш взгляд, публичные призывы как преступное деяние имеет место в случае, когда действия виновного могут привести к ненависти и вражде между определенными социальными группами.

¹ Быков В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности»: научный комментарий // Право и политика, – 2011. – № 9. – С. 1478.

² Уголовное дело № 1-535/16 // Судебный архив р. Фирдавс г. Душанбе за 2016 год.

³ Иногамова-Хегай Л.В. Публичные призывы в системе Особенной части УК РФ // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», – 2007. – С. 158.

⁴ Фридинский С.Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юристь-Правоведь, – 2008. – № 4. – С. 68.

На основании взглядов вышеназванных ученых можно сделать вывод, что основное отличие состава преступления ст. 189 УК РТ от ст. 307 УК РТ заключается прежде всего в том, что в ст. 189 обязательными признаками субъективной стороны преступления являются национальный, местнический, расовый либо религиозный мотивы, тогда как в ст. 307 мотивом и целью преступления является только политический уклон (насильственный захват власти)¹.

По нашему мнению, при конкуренции признаков состава ст. 307¹ УК РТ со статьями 189 и 307 УК РТ (в совокупности), если в преступных действиях наблюдается взаимосвязь между политическими мотивами (призывы к насильственному изменению конституционного строя) и преступными деяниями по возбуждению ненависти и вражды по религиозным, национальным или местническим мотивам, данные действия необходимо квалифицировать по ст. 307¹ УК РТ, так как такие преступные деяния полностью охватываются этой статьей.

В теории уголовного права существуют множество различных видов конкуренции уголовно-правовых норм. В.Н. Кудрявцев выделяет два основных вида конкуренции таких норм: конкуренцию общих и специальных норм; конкуренцию части и целого, имеет место также интеграция конкуренции этих видов норм².

На наш взгляд, признаки состава статей 189 и 307 УК РТ (в совокупности) в конкуренции со ст. 307¹ УК РТ, выступая как части, вместе образуют признаки состава ст. 307¹ УК РТ (целого), так как когда деяние предусмотрено двумя и более нормами, одна из которых охватывает совершенное деяние полностью, а другая только его часть, преступление квалифицируется по норме, относительно полно охватывающую все его признаки. В теории уголовного

¹ Хафиззода Ш.Х., Солиев К.Х., Сафаров Х.С., Хайдарзода М.П., Оев Т.Ю. Уголовно-правовая характеристика экстремизма и тактика допроса подозреваемых: научно-практическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2018. – С. 22.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебное пособие. – М.: «Юрист», 1999. – С. 210-211.

права это правило называется правилом квалификации преступления при конкуренции части и целого¹.

Конкуренция части и целого возможна по объекту, объективной и субъективной стороне либо по совокупности признаков, которые характеризуют составные элементы преступления².

Проблема заключается в том, что уголовная ответственность в виде лишения свободы в соответствии с ч. 1 ст. 307¹ УК РТ составляет от трех до пяти лет, а по ч. 2 этой статьи (совершение этого деяния с использованием средств массовой информации или сети Интернет) – от пяти до десяти лет. Однако, за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 307 УК РТ предусмотрено наказание в виде лишения свободы от трех до восьми лет, а по ч. 1 ст. 189 УК на срок от двух до пяти лет. В ч. 2 ст. 307 УК определены сроки от восьми до пятнадцати лет, соответственно по ч. 2 ст. 189 УК – от пяти до десяти лет.

В ч. 3 ст. 307¹ УК предусмотрена ответственность на срок от восьми до двенадцати лет, по ч. 3 ст. 307 – от пятнадцати до двадцати и по ч. 3 ст. 189 УК от восьми до двенадцати лет лишения свободы. Отсюда можно сделать вывод о том, что в статьях 307 и 189 УК РТ дифференциация уголовной ответственности в зависимости от степени опасности экстремистских деяний, построена последовательно и логически правильно. Именно в силу этого, в большинстве случаев сотрудники судебных и следственных органов квалифицируют такие действия по статьям 189 и 307 УК РТ.

Например, гражданин И., приговоренный судом Узбекистана к 11 годам лишения свободы, не сделав для себя соответствующих выводов, в местах лишения свободы сошелся с активными членами экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир», с их подачи более детально ознакомившись и приняв идеи и замыслы этой организации, основной целью которой было насильственное установление на территории Республики Таджикистан и других республиках региона исламского государства по типу «Халифат», для осуществления задуманного осознанно стал приобретать у членов организации знания по

¹ Бободжонов И.Х. Актуальные проблемы квалификации преступлений (в теории и на практике): учебно-практическое пособие (на тадж. яз.). В 3-х частях. Ч. 1. – Душанбе: «Эр-граф», 2012. – С. 71.

² Бободжонов И.Х. Указ. работа. – С. 71.

скорейшему усвоению таких идей. Овладев достаточным запасом знаний в этой области, внутри исправительного учреждения стал активно внедрять идеи этой организации для разжигания ненависти и религиозного конфликта против неисламских религий, а также пропаганду превосходства идей и замыслов экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир» путем воздействия на сознание заключенных с точки зрения их отношения к религии, распространения мысли об изучении деятельности этой организации, конечной целью которой является насильственный захват власти в светских демократических странах, в том числе, в Таджикистане и установление «исламского халифата», присягнув этой организации на верность, стал ее активным членом. Отбыв срок наказания и выйдя на свободу, из Республики Узбекистан он переехал в Таджикистан, встретившись в г. Турсунзаде с активным представителем организации, гражданином Дж., они вступили в преступный сговор. С целью повышения своих знаний, И. взял у Дж. 10-15 уроков, почерпнутых из запрещенной литературы, выпущенной «Хизб-ут-Тахрир» и по поручению Дж., перешел в подчинение одного из активистов организации Р., которому в знак своей преданности несколько раз выплатил определенную денежную сумму в качестве членских взносов. В это же время, во взаимодействии с другими членами, в целях более широкого распространения идей и замыслов организации среди населения, в центре г. Турсунзаде стал проводить активную пропагандистскую работу путем распространения листовок экстремистского содержания. Рассмотрев все обстоятельства уголовного дела, действия гражданин И. суд квалифицировал их по п. «г» ч. 2 ст. 189 и ч. 1 ст. 307 УК РТ¹. Подобная же квалификация осуществлялась и по другим уголовным делам этой категории².

¹ Уголовное дело № 2-34/12 // Судебный архив г. Душанбе за 2012 г.

² Например, Уголовное дело № 2-43/10 // Судебный архив г. Душанбе за 2010 г.; Уголовное дело № 2-39/10 // Судебный архив г. Душанбе за 2010 г.; Уголовное дело № 2-27/10 // Судебный архив г. Душанбе за 2010 г.; Уголовное дело № 25410 // Судебный архив г. Душанбе за 2010 г.; Уголовное дело № 1-284/11 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе за 2011 г.; Уголовное дело № 2-67/11 // Судебный архив г. Душанбе за 2011 г.; Уголовное дело № 2-20/12 // Судебный архив г. Душанбе за 2012 г.; Уголовное дело № 57804 // Судебный архив г. Душанбе за 2012 г.; Уголовное дело № 2-34/12 // Судебный архив г. Душанбе за 2012 г.; Уголовное дело № 2-13/13 // Судебный архив г. Душанбе за 2013 г.; Уголовное дело № 2-16/13 // Судебный архив г. Душанбе за 2013 г.

Как видим, действия виновного суд оценивает только по статьям 189 и 307 УК РТ, часть же 2 ст. 307³ УК, предусматривающая уголовную ответственность за участие в деятельности политических партий, общественных или религиозных объединений либо иных организациях, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, к сведению принята не была. Однако в некоторых других случаях, аналогичных вышеизложенным, суд все же, дополнил статьи 189 и 307 УК и частью 2 статьи 307³ УК.

Например, гражданин А. за активное членство и участие в экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир», конечной целью которой являлось насильственное установление на территории Республики Таджикистан государственного строя по типу «Халифат», 15 января 2001 года Верховным Судом Республики Таджикистан в соответствии с п. «д» ч. 2 ст. 189 УК РТ был приговорен к 6 годам лишения свободы, однако, не вынеся для себя соответствующих выводов, освободившись из мест лишения свободы, на рынке Коровон города Душанбе, встретившись с одним из членов организации, гражданином А., вступил с последним в преступный сговор с целью активизации своей преступной деятельности в рядах этой организации. Чтобы отточить свои знания, он попросил А. примерно раз в неделю давать ему уроки по экстремистской книге «Хизб-ут-Тахрир» под названием «Основы исламской сущности» и «Экономическая система в исламе». При этом, осуществляя свою экстремистскую деятельность в рядах этой организации, неоднократно отчитывался о проделанной работе и исправно платил членские взносы на развитие экстремистской организации. Рассмотрев дело по существу, суд квалифицировал действия гражданина А. в соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 189, ч. 2 ст. 307 и ч. 2 ст. 307³ УК РТ¹. Напомним, что подобная квалификация встречается и по другим уголовным делам².

¹ Уголовное дело № 1-119/11 // Судебный архив г. Душанбе за 2011 г.

² Например, Уголовное дело № 2-12/14 // Судебный архив г. Душанбе за 2014 г.; Уголовное дело № 2-25/14 // Судебный архив г. Душанбе за 2014 г.

Как видим, два схожих обстоятельства суд квалифицировал двумя различными способами. Следует отметить, что такие случаи весьма распространены в судебной практике, что, на наш взгляд, свидетельствует о смещении и двоякости норм экстремистской направленности в УК РТ. В связи с этим нами был проведен социологический опрос среди судей Верховного Суда, следователей Генеральной прокуратуры, Следственного управления МВД и ГКНБ по г. Душанбе, а также других сотрудников правоохранительных органов, в ходе которого выяснилось, что более чем у 54% опрошенных вызывает озабоченность смешанность преступлений экстремистской направленности на законодательном уровне. При конкуренции составных и простых преступлений, являющиеся его элементом, предпочтенье необходимо отдавать составным преступлениям¹. Это правило применяется при наличии следующих условий:

1. Частично полные нормы не должны быть мягче по сравнению с частично неполными нормами.

2. Нормативная конкуренция частично полной и частично неполной норм, которая в ходе квалификации становится частично полной, может иметь место лишь в том случае, если все элементы и признаки состава преступления, предусмотренные в частично неполных нормах, «войдут» в элементы и признаки состава преступления, предусмотренные в частично полной норме. Если хотя бы один элемент или признак любого состава не охвачен в частично полной норме, то деяние представляет собой совокупность преступлений*.

¹ Погребняк И.Г. Квалификация составных преступлений // Советская юстиция, – 1970. – № 13. – С. 24; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: монография. – М.: «Юридическая литература», 1972. – С. 262; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебник. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: «Юрист», 2001. – С. 228.

* В связи с этим, вызывает сомнение утверждение о том, что «не существует устойчивого правила выбора нормы, когда по одному «более полному» признаку существует одна норма, а при других признаках - другая» (См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: монография. – М.: «Юридическая литература», 1972. – С. 268; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебник. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: «Юрист», 2001. – С. 233), также, как неправильно говорить, что при затруднениях в определении того, какая из двух

3. При применении одной из частично полных норм процессуальный порядок расследования уголовного дела не нарушается¹.

4. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 20 УК РТ одно деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного двумя или более статьями Уголовного кодекса, признается совокупностью преступлений, частью 3 же этой статьи устанавливается, что при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части Уголовного кодекса.

Исходя из требований этих норм, нет необходимости в отдельной квалификации преступных деяний по ст. 307¹ УК РТ. То есть, обязательные признаки объективной и субъективной стороны «экстремистской деятельности» полностью охвачены в статьях 189 и 307 УК РТ и в случае возбуждения вражды и ненависти на почве религиозной (конфессиональной), национальной или местнической почве либо насильственного изменения конституционного строя без применения статьи 307¹ УК РТ за данные преступные деяния и так предусмотрены более строгие меры уголовной ответственности. Кроме того, в этих статьях дается более полное и четкое определение отягчающих и особо отягчающих обстоятельств. Именно поэтому, некоторые исследователи предполагают, что ст. 307¹ УК РТ (аналогичная ст. 280 УК РФ), кроме создания правовых проблем и нарушения требований принципа законности в борьбе с экстремизмом, пользы не принесла.

По мнению Д.И. Леньшина, в составе ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), криминализована одна из форм соучастия в преступлении, а точнее – подстрекательство. Ученый добавляет, что публичные призывы к экстремистской деятельности должны признаваться как под-

норм является более полной, признать ту, которая «в зависимости от содержания более полна, насыщена и более ограничена по объему» (См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: монография. – М.: «Юридическая литература», 1972. – С. 270; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебник. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: «Юрист», 2001. – С. 235.

¹ Бободжонов И.Х. Актуальные проблемы квалификации преступлений: учебно-практическое пособие (на тадж. яз.). В 3-х частях. Ч. 1. – Душанбе: «Эр-граф», 2012. – С. 74.

стрекательство, так как сами виновные еще не совершили тех действий, к которым их призывают. Однако криминализировать действия подстрекателей в качестве признаков самостоятельной уголовно-правовой нормы в силу большой общественной опасности и непоправимых последствий содеянного является реальной необходимостью¹.

Для объективной стороны этого преступления наличие публичного характера преступного деяния является обязательным. Однако характер публичности экстремистских движений иногда проявляется в разнообразных и сложных формах, что приводит к возникновению проблемы при квалификации данного преступления. Например, сейчас такие деяния совершаются при помощи листовок, SMS-сообщений, электронной почты и сети Интернет.

По мнению некоторых ученых, обмен идеями и информацией любого содержания, даже экстремистского, между двумя лицами не запрещается, а если они становятся доступными третьему лицу независимо от желания передающего, это не должно иметь последствий, предусмотренных статьей 280 УК РФ, в силу того, что передающий старался соблюдать все правила конфиденциальности такой информации. Однако если будет установлено, что целью передачи информации является склонение другого лица к осуществлению каких-либо экстремистских действий, то здесь налицо признаки преступления, например, давать указания, что делать и кого склонять к осуществлению экстремистской деятельности и т. д.².

Как добавляет С.А. Денисов, «чрезмерная дифференциация уголовно-правовых норм приводит к возникновению «мертвых норм»³.

Нарушение принципа разумности уголовной ответственности может стать причиной различных нежелательных последствий:

- а) необоснованная конкуренция норм;
- б) проблемы при квалификации;

¹ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 79-80.

² Леньшин Д.И. Указ. работа. – С. 80.

³ Денисов С.А. Десять лет действия Уголовного кодекса России // 10 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: материалы научно-практического семинара. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, – 2006. – С. 5.

- в) неприменение отдельных норм;
- г) появление «псевдопреступлений»¹;
- д) в отдельных сложных случаях - коллизия норм, а также нарушение требований законодательства.

Все эти факторы снижают эффективность уголовно-правового регулирования и создают трудности на пути исполнения задач уголовного закона.

По мнению Д.И. Леньшина, экстремистская деятельность может осуществляться с помощью экстремистских материалов (ст. 280 УК РФ). Под такими материалами понимаются документы или информация, призывающие к экстремистской деятельности или обосновывающие, либо оправдывающие необходимость такой деятельности. По утверждению ученого, в последнее время для применения ст. 282 УК РФ суды своими приговорами об использовании информации виновными всех информационно-технических средств, с помощью которых экстремистская информация приобретает характер публичности, доказывают таким образом наличие объективной стороны преступления.

Например, 20 января 2010 года один из районных судов города Чебоксары предъявил обвинение уроженцу Чувашии - гражданину Г. по ст. 282 УК РФ за публичное распространение оскорбительных SMS-сообщений, порочащих и унижающих чувашскую национальность².

Уголовная ответственность за разжигание вражды и ненависти, а также унижение чести и достоинства личности предусмотрена в рамках ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) (в редакции Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 г., за № 162-ФЗ)³.

¹ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: материалы научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Красикова А.Н. (25-26 апреля 2002 года) / отв. ред. Б.Т. Разгильдиев. – Саратов: СГАП, – 2002. – С. 9.

² Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 75.

³ Сергун Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 166.

В своей первоначальной редакции данная статья Уголовного кодекса имела название «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни» (аналогичной ст. 189 УК РФ). Диспозиция ч. 1 ст. 189 УК РФ (Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиональной) вражды или розни) гласит, что «Действия, направленные на разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиональной) вражды или розни, унижение расового, национального, религиозного (конфессионального) или местного достоинства, а также пропаганда исключительности и превосходства граждан по признаку их отношения к религиозной (конфессиональной), языковой, расовой, национальной или местнической принадлежности, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, или сетей электрической связи, в том числе интернет, в течении года после применения административного наказания за такие же правонарушения». По нашему мнению, под дефиницией «разжигание вражды или розни», необходимо понимать, прежде всего, усилия отдельных лиц по разделению граждан и созданию условий для разжигания конфликтов между ними. Одним из способов создания таких условий является унижение чести и достоинства других народов и национальностей, определенных социальных групп по признаку их отношения к религии, языку, политическим взглядам, культуре и обычаям и так далее. Почти такой же точки зрения придерживается и М.Б. Катышев¹.

Вторая часть этой статьи предусматривает совершение указанных деяний при следующихотягчающих обстоятельствах:

- а) повторно;
- б) с применением насилия или угрозой его применения;
- в) с использованием служебного положения;
- г) группой лиц или группой лиц по предварительному сговору.

¹ См.: Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» № 27-19-99 от 29.06.99 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.migimo.ru/razdel/137/> (дата обращения: 17.06.2018).

Третья же часть устанавливает следующие квалифицирующие условия:

- а) совершенные организованной группой;
- б) повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;
- в) повлекшие насильственное выдворение гражданина с постоянного места жительства;
- г) совершенные при опасном или особо опасном рецидиве.

Например, граждане С. и К. совместно с другими единомышленниками, являясь последователями религиозного направления «Салафия», занимаясь распространением своих идей в мечетях и других общественных местах, ставя их выше ханафитских и других направлений, считая при этом верования и обряды других религий неправильными, призывали верующих принять учения и обряды салафитского толка. В это же время С. в своих проповедях на свадьбах и религиозных церемониях публично выступал за превосходство граждан по религиозным признакам, резко осуждал инаковерующих, отмечая, что молиться в мечетях за имамом неправильно, брак тех, кто занимается продажей алкоголя, считается недействительным, а сами они умирают как «неверные». В 2008 году С. со своими сторонниками в священный месяц Рамадан в общественном месте и в присутствии приверженцев Ханафитской школы ислама, признанной в Республике Таджикистан в качестве официального мазхаба, во время таробех-намаза*, вопреки принятым в это мазхабе двадцати ракаатам** совершили восемь. Также С., считая верным способ молитвы, когда ноги широко расставлены, соприкасался плечами со своими единомышленниками, а перед совершением «рафъ ул-ядайн», т.е. поднятием

* Намаз Таробех – желательный намаз, который совершается в месяц Рамадан после обязательной ночной молитвы. Таробех - множественное число от арабского слова «тарвиха», что означает «отдых». Молитва называется так потому, что после каждых её четырёх ракаатов молящиеся отдыхают, восхваляя Всевышнего или слушая назидания имама. Молитва Таробех совершается в 20 ракаатов (10 молитв по 2 ракаата или 5 молитв по 4 ракаата).

** Ракаат – последовательность действий, совершаемым мусульманином во время богослужения, состоящая из четырех положений: прямостоящего (Кыйям), склоненного (Руку), простертого с колен (Саджда), сидячего (Джалса).

рук, донося их к ушам, но не прикасаясь к ним, громко произнес слово «аминь», противопоставляя таким образом, учение салафитов учению ханафитского мазхаба, призывая других придерживаться именно такого способа молитвы, действия которых в итоге привели к конфликтам и разжиганию ненависти, переросшие затем в религиозную вражду. Исходя из вышеизложенного, рассмотрев действия, совершенные гражданином С., суд признал его виновным, и привлек к уголовной ответственности по пунктам «а» и «г», а действия же его единомышленников были квалифицированы лишь по пункту «г» ч. 2 ст. 189 УК РТ¹.

После принятия Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г., за № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», также радикально изменилось название и признаки состава ст. 282 УК РФ. Произошло это в силу того, что экстремистской деятельностью закон признал не только возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти, но и пропаганду превосходства или несовершенства человека по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности².

Сейчас статья 282 УК РФ носит название «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», диспозиция которой звучит следующим образом: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (ч. 1 ст. 282 УК РФ)³.

¹ Уголовное дело № 12372 из 3 томов. Т. 3 // Судебный архив г. Душанбе за 2010 г.

² Сергун. Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 166-167.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019): // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.04.2018 г.).

Несмотря на то, что статья 282 УК РФ подверглась критике со стороны М.В. Кроз, А.Р. Ратинова и Н.А. Ратинова за свою сложность в изложении объективной стороны, по нашему мнению, диспозиция этой нормы, как и ст. 189 УК РТ в противодействии экстремистским проявлениям куда более конкретны и понятны.

Во многих случаях для определения состава признаков преступления ст. 282 УК РФ (аналогичной ст. 189 УК РТ), связанных с «Возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства», для определения экстремистских мотивов, практически сотрудникам приходилось назначать религиозные, культурологические, графологические и другие виды экспертиз, потому, что только опытный специалист может определить, содержит ли конкретный текст информацию, возбуждающую ненависть и вражду по отношению к другим социальным группам по религиозным, национальным, местническим, расистским и политическим мотивам или нет, имеют ли место публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя. Ведь для определения содержания информации экстремистского характера во многих случаях необходимы глубокие политические, культурно-религиозные, историко-политические и другие знания.

Как отмечает А.Г. Хлебушкин, на практике во многих случаях, когда с целью возбуждения ненависти мнения выражаются публично (листовки, видеоролики и т. д.), они воплощают в себе информацию о необходимости применения силы в отношении отдельных социальных групп. Такое положение создает трудности в разграничении признаков составов статей 282 и 280 УК РФ (аналогичных статей 189 и 307¹ УК РТ)¹. Другие ученые также выразили озабоченность по поводу этой проблемы².

По данному вопросу Пленум Верховного Суда Российской Федерации представил следующие разъяснения: «В статье 280 УК РФ предусматривается уголовная ответственность лишь за публич-

¹ Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Хлебушкин. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 222-224.

² Иванов А. Вопросы квалификации убийства, совершенного по экстремистскому мотиву (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право, – 2015. – № 3. – С. 45.

ное подстрекательство к осуществлению экстремистской деятельности. Публичное распространение информации, в которой речь идет о совершении противоправных действий в отношении других социальных групп по признаку расы, национальности, религии и т.п. или информация, оправдывающая такие действия, подлежит квалификации по статье 282 УК РФ»¹. Однако на практике разделение таких действий крайне сложно.

На наш взгляд, если общественные призывы касаются только обращений в обоснованности совершения противоправных действий в отношении других лиц по расовым, национальным, религиозным и местническим мотивам или в оправдании таких действий и целью правонарушителя является лишь возбуждение ненависти или вражды по отношению к представителям вышеуказанных социальных групп, то квалифицировать эти действия необходимо по ст. 282 УК РФ (аналогичной ст. 189 УК РТ). Если же возбуждение ненависти используется в качестве средства побуждения других лиц к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности, то в этом случае действия квалифицируются по ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ).

Таким образом, распространение литературы, видео и другой информации, обладающих экстремистским характером, провоз и распространение которых в Таджикистане запрещен, является уголовным преступлением, предусмотренным статьей 189 УК РТ.

В связи с тем, что почти 90% молодых людей, причастных к экстремистско-террористическим организациям, вовлекаются в такие группы посредством информационно-телекоммуникационных сетей Интернет, Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 14 ноября 2016 г., за № 1359², в статьях 307¹, 307³ УК к лицам, распространяющим экстремистскую информацию с использованием средств массовой информации или сети Интернет, приме-

¹ Рагоз А.И., Бимбинов А.А. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. – Москва: Проспект, 2016. – С. 295.

² Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 14 ноября 2016 г., № 1359 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

няются более жесткие меры уголовного наказания. В этой связи необходимо отметить, что одной из непростых проблем законодательств Республики Таджикистан и Российской Федерации является различия в признаках состава ст. 282¹ УК РФ (аналогичной ст. 307² УК РТ) и ст. 282² УК РФ (аналогичной ст. 307³ УК РТ), которые в теории уголовного права вызывают серьезные научные споры. Так, А.А. Можегова отмечает, что «Основной проблемой, связанной с составом преступлений, предусмотренных статьями 282¹ и 282² УК РФ, является определение понятий «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация». В юридической литературе до сих пор нет общепринятого взгляда на понятие преступного сообщества»¹.

Аналогичная ситуация происходит и в республике, что доказывается проведенным нами опросом 250 сотрудников правоохранительных органов, в котором 20,4% затруднились ответить, 27,2% не увидели особого различия между ними, а 51,2% отметили большую общественную опасность экстремистского сообщества, нежели чем экстремистской организации.

Проблема заключается в том, что один состав преступления по признакам объективной стороны закреплен сразу в двух статьях. Эта точка зрения подтверждается проведенным социологическим опросом, в котором 43,8% опрошиваемых утверждают, что объективная сторона ст. 307² УК РТ включает в себя признаки объективной стороны ст. 307³ УК РТ.

Исходя из положения Закона Республики Таджикистан «Об общественных объединениях» от 12 мая 2007 г., за № 258, запрещается создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расизм, национализм, вражду, социальную и религиозную ненависть либо призывающих к насильственному свержению конституционного строя и созданию вооруженных формирований².

¹ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М., 2015. – С. 123.

² Закон Республики Таджикистан «Об общественных объединениях» от 12 мая 2007 г., № 258 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2007 г., № 5, ст. 363 (Законы РТ от 02.01.2019 г., № 1575; от 25.06.2021 г., № 1801).

В Законе РТ «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г., за № 1655 закреплено положение о том, что экстремистская организация, организованная группа лиц, политические партии, общественные объединения, религиозная или иная организация, в отношении которых вступило в силу решение суда о ликвидации или запрещении ее деятельности в связи с экстремистской деятельностью.

Объективная сторона ст. 307² УК РТ заключается в создании экстремистского сообщества, руководстве таким сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей такого сообщества (в целях разработки устава, подготовки программы, организации принятия присяги, планирования, подготовки и совершения деяний экстремистской направленности и т.д.)¹.

Как вытекает из вышесказанного, признаки экстремистского сообщества выражаются в его организованности и устойчивости, т. е., в наличии устава, лидера (предводителя) или руководящего ядра, в наличии определенной структуры, например, центральных и региональных подразделений, эмблемы, строгой дисциплины, основанной на нормах поведения такой организации и так далее.

Как отмечает Д.И. Леньшин, «Отличительной чертой этого преступления является то, что его объективная сторона всегда связана с коллективными действиями. Даже ответственность по ч. 2 ст. 282¹ УК РФ, предусматривающей участие лица в экстремистском сообществе, наступает только в случае совместной деятельности лиц»².

Вышеупомянутые действия только тогда будут иметь состав преступления, предусмотренного ст. 307² УК РТ, если будут направлены на подготовку или совершение преступлений экстремистской направленности (статьи 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237¹, 242 и 243 УК РТ)³.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 681.

² Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 82.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 681.

Это преступление совершается по мотивам вражды или идеологической, политической, расовой, национальной, местнической, религиозной и иной ненависти. Выявление хотя бы одного из этих признаков является обязательным. Цель преступления выражается в разработке планов или создании условий для совершения преступлений экстремистской направленности¹.

В соответствии со ст. 8 Конституции Республики Таджикистан и требованиями Закона РТ «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 года, в Таджикистане запрещается организация и деятельность организованных групп лиц, политических партий, общественных объединений, религиозных объединений или иных организаций, имеющих своей целью осуществление экстремистской деятельности.

Объективной же стороной ст. 307³ УК РТ является организация деятельности экстремистской организации, выражающейся в организации деятельности политических партий, общественного или религиозного объединения либо иной организации, имеющих экстремистскую направленность.

В соответствии с диспозицией этой статьи, такое действие будет считаться преступлением лишь в том случае, если в отношении организации судом будет принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете ее деятельности в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности. Таким образом, в статье речь идет об умышленном неисполнении решения суда и продолжении незаконной деятельности запрещенной организации.

Следует отметить, что, если лицо не создавало экстремистского объединения или деятельности экстремистской организации, запрещенной решением суда, но с согласия организаторов или иных членов организации присоединилось и осуществляет такую деятельность, то в этом случае его действия должны квалифицироваться не по ч. 1, а по ч. 2 ст. 307² или ст. 307³ УК РТ.

Так, гражданин Х. предположительно в январе 2011 года от И. (личность которого следствием установлено не было), через сеть Интернет получил сведения об экстремистском религиозном тече-

¹ Там же. – С. 681-682.

нии «Салафия», которая в соответствии с решением Верховного Суда Республики Таджикистан от 8 декабря 2014 года была признана экстремистской и деятельность которой на территории Республики Таджикистан была запрещена, признав идеи этой организации, стал ее активным последователем, изменив свой внешний вид и безоговорочно приняв манеру совершать молитвы членов этого экстремистского толка. Продолжая такую деятельность вплоть до 2014 года, когда через некоего Н. (следствием данное лицо установлено не было), через социальное приложение WhatsApp присоединился в интернет-группе «Хикмат-14», посредством голосовых и письменных сообщений продолжив обучение экстремистскому религиозному течению «Салафия», стал вести активную пропаганду по пополнению рядов приверженцев этого течения. Изучив действия Х., суд квалифицировал их по ч. 2 ст. 307³ УК РТ¹. Такой вид квалификации вытекает из содержания других, изученных нами уголовных дел².

Что касается общественно опасных последствий статей 307² УК и 307³ УК РТ, то следует отметить, что по своей структуре состав обеих статей является формальным и наступление общественно опасных последствий в форме нанесения вреда человеку, обществу или государству не обязателен.

По справедливому замечанию Д.И. Леньшина, «на практике эти преступления никогда не совершаются «чистыми». С точки зрения правоохранительных органов, экстремистские организации обнаруживаются только в тех случаях, когда они обычно совершают действия, уже причинившие обществу определенный вред. Эти преступления обычно квалифицируются по совокупности с другими конкретными статьями Уголовного кодекса. Даже в обвинительном заключении по таким преступлениям вред, причиненный конкретным субъектам, незначителен. Поэтому на практике уголовная ответственность по статьям 282¹ и 282² УК РФ (аналогичных статье-

¹ Уголовное дело № 1-221/16 // Судебный архив г. Душанбе за 2016 г.

² Например, Уголовное дело № 1-255/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе за 2016 г.; Уголовное дело № 1-603/15 // Судебный архив р. Сино г. Душанбе за 2015 г.; Уголовное дело № 1-235/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе за 2016 г.; Уголовное дело № 1-390/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе за 2016 г.

ям 307² и 307³ УК РТ) наступает при наличии общественно опасных последствий, не включающих объективную сторону этих преступлений»¹.

Квалификация преступлений в случае, когда в нем присутствуют признаки как экстремистского сообщества, так и экстремистской организации, было изучено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в котором отмечается, что для признания экстремистского сообщества, наличие решения суда о ее ликвидации или запрете не обязательно². Однако для признания экстремистской организации, наличие такого судебного решения является обязательным условием. В данном случае проблема заключается в том, что при признании судом экстремистского сообщества экстремистской организацией, четко разграничить правовую природу такой организации в рамках статей 282¹ и 282² УК РФ (аналогичных статьям 307² и 307³ УК РТ) становится невозможным. Эта проблема в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан всесторонне не рассматривалась, что в итоге может также привести к разногласиям во взглядах на эту проблему практических сотрудников республики.

Поэтому для более точного освещения правовой природы данных деяний считаем важным провести сравнительный анализ преступлений экстремистской направленности с другими схожими составами преступлений, что будет предметом нашего дальнейшего исследования.

2.3. Отличие преступлений экстремистской направленности от других, схожих с ними составов преступлений

Анализ уголовного законодательства Республики Таджикистан и его судебной практики показывает, что проблема разграничения преступлений экстремистской направленности заключается не только в процессе квалификации между собой, но и в ходе раз-

¹ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 85-86.

² Рарог А.И., Бимбинов А.А. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. – Москва: Проспект, 2016. – С. 298-299.

деления их от смежных преступлений. Поэтому, в представленном параграфе исследования мы постараемся подвергнуть изучению особенности и отличительные признаки целого ряда преступлений экстремистской направленности, в частности, таких, как: Массовые беспорядки (ст. 188 УК РТ), Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиальной) вражды или розни (ст. 189 УК РТ), Хулиганство (ст. 237 УК РТ), Вандализм (ст. 237¹ УК РТ), Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 242 УК РТ), Надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 243 УК РТ), Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307¹ УК РТ), Организация экстремистского сообщества (ст. 307² УК РТ) и некоторых других, т.к. в составе перечисленных преступлений имеется достаточно большое количество схожих с другими составами преступлениями границ.

В силу вышесказанного начнем с рассмотрения отличий таких преступлений, как Массовые беспорядки (ст. 188 УК РТ) и Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной (конфессиальной) вражды или розни (ст. 189 УК РТ) от преступлений против жизни и здоровья, совершающихся по экстремистским мотивам.

При разграничении этих преступлений, прежде всего, необходимо отделить мотивы преступлений, совершаемых на почве идеологической, политической, расовой, национальной, местнической или религиозной ненависти либо вражды от мотивов преступлений, совершенных на почве личной неприязни. Для определения этого критерия практические сотрудники должны обратить пристальное внимание на продолжительность личных отношений обвиняемого с потерпевшим, наличие между ними неприязни, не связанной с национальной, религиозной ненавистью, расизмом, политикой. Таким образом, если лицо, совершившее убийство, или причинившее другому лицу умышленный вред здоровью либо подвергшее его истязаниям по национальной, расовой, религиозной, местнической ненависти или вражды либо мести, если в его действиях не обнаружится иного прямого умысла, связанного с организацией массовых беспорядков и разжиганием национальной, расо-

вой, местнической или религиозной ненависти, то его действия должны квалифицироваться по пункту «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» ч. 2 ст. 110, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РТ.

Лицо, публично или через средства массовой информации совершившее действия, направленные на возбуждение ненависти или национального, расового, местнического или религиозного конфликта либо на унижение национального достоинства, а равно пропаганду превосходства граждан с точки зрения их отношения к религии, принадлежности к нации, расе или местности и не повлекшее за собой убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью или истязаний, привлекается к уголовной ответственности лишь по ч. 1 ст. 189 УК РТ.

На практике, в ходе проведения различий между квалифицирующими признаками насилия или угрозы его применения, предусмотренными в п. «б» ч. 2 ст. 189 УК РТ от признака ненависти или вражды по национальному, расовому, религиозному, местническому мотивам, о которых говорится в п. «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» 2 ст. 110, п. «е» ч. 2 ст. 111 и п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РТ, возникают значительные трудности. Поэтому, при квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 189 УК РТ пристальное внимание необходимо уделить не только мотивам ненависти по отношению к потерпевшему, но и на достижение конкретной цели - разжиганию ненависти или национального, расового, местнического или религиозного конфликта, либо унижению национального достоинства, а равно пропаганда превосходства граждан с точки зрения их отношения к религии, национальности, расе или региону проживания, например, применение насилия в отношении потерпевшего по признаку расовой или национальной принадлежности, выражающегося в проявлениях расизма или национализма на публике в присутствии других лиц.

Действия лица, совершившего убийство с целью организации общественных беспорядков и возбуждения национальной, расовой, местнической или религиозной вражды, умышленно причинившее тяжкий вред здоровью или истязания (ч. 1 ст. 188, п. «б» ч. 2 ст. 189 и соответственно по п. «м» ч. 2 ст. 104, п. «м» ч. 2 ст. 110, п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РТ), должны квалифицироваться по совокупности преступлений.

Необходимо отметить, что применение насилия, предусмотренное в п. «б» ч. 2 ст. 189 УК РТ включает в себя побои или причинение легкого, или средней тяжести вреда здоровью. Поэтому данное деяние не требует квалификации по совокупности преступлений, и юридическая оценка дается лишь по пункту «б» ч. 2 ст. 189 УК РТ. Эта мысль также поддерживается российским ученым С.В. Борисовым¹ и отечественным ученым К.Х. Солиевым².

Если в ходе применения насилия (толкание, удары) в преступлении по возбуждению национальной, расовой, местнической или религиозной вражды потерпевший по неосторожности был убит, то в этом случае, уголовная ответственность наступает лишь по п. «б» ч. 3 ст. 189 УК РТ и не требует дополнительной квалификации по ст. 108 и п. «в» ч. 3 ст. 110 УК РТ.

Следует отметить, что угроза применения насилия при совершении преступления по возбуждению национальной, расовой, местнической или религиозной вражды может выражаться в запугивании потерпевшего применением любых форм насилия, вплоть до угрозы смертью и должно квалифицироваться по п. «б» ч. 2 ст. 189 УК РТ.

Если угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью применяется без цели возбуждения национальной, расовой, местнической или религиозной ненависти, но по мотивам национальной, расовой, местнической, религиозной ненависти или вражды, то действия лица необходимо квалифицировать по ст. 120 и п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ.

Наряду с этим, состав преступления Массовые беспорядки (ст. 188 УК РТ) и Разжигание социальной, расовой, национальной, местнической, религиозной вражды или розни, предусмотренные ст. 189 УК РТ необходимо отличать от геноцида (ст. 398 УК РТ). На первый взгляд кажется, что эти преступления никак не связаны друг с другом. Однако при сопоставлении их объективных и субъек-

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 358.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 367.

ективных сторон возникают проблемы, решение которых требует научно обоснованного подхода.

Эти преступления объединяет, прежде всего, дополнительный признак субъективной стороны, то есть, мотив преступления, так как преступления, предусмотренные статьями 188, 189 и 398 УК РФ вольно-невольно совершаются по национальным, расовым, религиозным или местническим мотивам. Более того, все эти преступления также имеют сходство по субъекту, которым может быть только вменяемое лицо, достигшие 16-летнего возраста, за исключением п. «в» ч. 2 ст. 189 УК РФ. При массовых же беспорядках к уголовной ответственности привлекаются как организаторы, так и участники таких беспорядков.

Если в качестве основного непосредственного объекта массовых беспорядков и разжигания национальной, расовой, местнической или религиозной вражды либо розни выступает общественная безопасность, то для геноцида в качестве такового признается мир и безопасность человечества (жизнь и здоровье национальной, этнической, расовой или религиозной группы). Принимая это во внимание, Э.В. Кабурнеев отмечает, что «...правомерно отнесение геноцида к преступлениям против жизни и безопасности человечества, поскольку лицо, совершающее геноцид, совершает посягательство не только против отдельного лица, но и группы лиц определенной национальности, этнической принадлежности, расы или религии, умышленно полностью или частично их истребляя»¹. Однако эти преступления близки также и по дополнительному непосредственному объекту, выступающему в большинстве случаев в качестве жизни и здоровья других лиц.

Массовые беспорядки и разжигание национальной, расовой, местнической или религиозной вражды либо розни отличается от геноцида по объективной стороне преступления. Так, если массовые беспорядки связаны с совершением противоправных действий большой группой лиц с нарушением общественной безопасности, с насилием в отношении людей, вандализмом, поджогами, уничтожением или повреждением имущества, применением огне-

¹ Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Э.В. Кабурнеев. – М, 2007. – С. 22.

стрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также с сопротивлением либо демонстрацией неподчинения представителям власти, то действия, направленные на разжигание ненависти или национального, расового, местнического или религиозного конфликта либо унижения национального достоинства, а также пропаганда превосходства граждан с точки зрения их отношения к религии, принадлежности к нации, расе или региону, если таковые совершены публично либо с использованием средств массовой информации, признаются преступлением, предусмотренным ст. 189 УК РТ.

Геноцид же представляет собой совершение действий, направленных на полное или частичное истребление национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем их полного или частичного уничтожения, насильственного воспрепятствования деторождению либо передачи детей от одной группы лиц в другую, причинение тяжкого вреда здоровью или создание условий, направленных на физическое уничтожение членов этой группы.

Из вышеприведенного анализа можно сделать вывод о том, что если геноцид и возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной ненависти направлены в отношении нации, расы, региона или представителей определенной религии (конфессии), то для массовых беспорядков это не характерно, так как они могут совершаться вообще не против конкретных личностей, и исполнители могут завершать свои действия лишь путем погромов, поджогов, уничтожением или повреждением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Основное отличие преступления, предусмотренного ст. 398 УК РТ от ст. 189 УК РТ заключается в том, что в первом случае (геноциде), действия лица направлены на полное или частичное уничтожение (истребление) национальной, этнической, расовой либо религиозной группы, во втором же случае, действия лица направлены на разжигание ненависти или национального, расового, местнического либо религиозного конфликта, а равно на унижение национального достоинства. То есть, если при геноциде полностью или частично уничтожается (истребляется) какая-либо группа на основе национальной, этнической, расовой или религиозной не-

приязни, то в преступлении по возбуждению национальной, расовой, местнической или религиозной ненависти по этим мотивам - разжигание ненависти и вражды между людьми. Однако главным условием для признания действия преступлением, предусмотренным ст. 189 УК РТ (Возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды) должно быть его продолжение публично либо с использованием средств массовой информации. Таким образом, если преступление, предусмотренное ст. 189 УК РТ совершается путем возбуждения ненависти между большими группами людей по национальному, расовому, местническому или религиозному мотиву, то геноцид совершается на почве ненависти и приводит к полному или частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

Как выяснилось, деяния, предусмотренные ст. 189 УК РТ совершаются по национальным, расовым, местническим или религиозным мотивам, вызывающим чувство ненависти и вражды между большими группами лиц, поэтому мы полагаем, что такие действия могут перерасти также и в геноцид, так как ненависть и вражда в мышлении по отношению к какой-либо нации, расе, региону или представителям какой-либо религии (конфессии) неизбежно приводит к физическому насилию над ними, конечным результатом которого являются массовые беспорядки либо ликвидация представителей каких-либо национальных, этнических, расовых или религиозных групп.

Несмотря на то, что, например, С.В. Борисов¹, А.А. Можегова² и другие ученые такое преступление, как хулиганство (ст. 237 УК РТ) не признают в качестве деяния экстремистской направленности, однако в уголовном законодательстве Республики Таджикистан оно признано таковым, но при этом мотивы экстремистского направления не представлены, что приводит к множеству недоразумений в судебной и следственной практике. Именно в си-

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 359.

² Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М., 2015. – С. 74-92.

лу этого, нами принято решение о рассмотрении характерных черт хулиганства, отличающих его от других, схожих с ним преступных деяний, таких, например, как: Убийство (п.п. «к» и «м» ч. 2 ст. 104 УК РТ), Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п.п. «к» и «м» ч. 2 ст. 110 УК РТ), Умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РТ), Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 112 УК РТ), побои (ст. 116 УК РТ), Истязание (п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РТ), Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 120 УК РТ) и Умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 255 УК РТ).

По нашему мнению, хулиганство, сопряженное с побоями либо причинением вреда здоровью средней тяжести полностью охватываются ст. 237 УК РТ. Этой же точка зрения придерживаются С.В. Борисов¹ и А.Г. Холиков², по причине того, что экстремистские мотивы в ст. 237 УК не указаны, при квалификации также учитывается положение пункта «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ.

Если хулиганство совершается с угрозой причинения тяжкого вреда здоровью и будет включать также и экстремистские мотивы, то такое деяние будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 237 и п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ. В этом случае, дополнительной квалификации по ст. 120 УК РТ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) не требуется, т.к. ч. 1 ст. 237 УК РТ предусматривает уголовную ответственность за использование насилия или угрозу его применения.

Если при совершении хулиганства по экстремистским мотивам потерпевшему причинен вред здоровью средней тяжести, то действия виновного лица квалифицируются не по совокупности преступлений, а только по п. «а» ч. 2 ст. 237 УК РТ и п. «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ. В этом случае дополнительной квалификации по п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РТ не требуется.

Если при совершении хулиганских действий по экстремистским мотивам потерпевшему умышленно причинен тяжкий вред здоровью либо наступила смерть, действия виновного лица по со-

¹ Борисов С.В. Указ. работа. – С. 359.

² Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 490.

вокупности преступлений подлежат квалификации соответственно по п.п. «к» и «м» ч. 2 ст. 110 или п.п. «к» и «м» ч. 2 ст. 104 и ст. 237 УК РТ.

На наш взгляд, систематические побои либо применение иных актов насилия, совершаемые по одному и тому же мотиву, при делящемся хулиганстве дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 117 УК РТ (истязания) не требуют, так как в этом случае лицо, не имея целью применять истязания, таким образом хочет лишь продолжить свои хулиганские действия.

В случае совершения хулиганства по экстремистским мотивам, когда в действиях лица присутствуют явно выраженные признаки части второй ст. 117 УК РТ, уголовная ответственность должна наступить по совокупности преступлений.

Далее необходимо отграничить хулиганство от умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 255 УК РТ), так как в составе преступления хулиганства наряду с грубым нарушением общественного порядка, выражающегося в неуважении к обществу и совершаемому с применением насилия в отношении к гражданам или с угрозой применения насилия, практически всегда сопряжено с уничтожением или повреждением чужого имущества. Как вытекает из содержания диспозиции ст. 237 УК РТ, умышленное уничтожение или повреждение имущества, являясь отдельным преступлением, помимо этого считается также одним из признаков объективной стороны хулиганства.

Прежде всего, эти деяния можно разделить по их основному непосредственному объекту. Если основным непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок, то основным непосредственным объектом умышленного уничтожения или повреждения имущества выступает имущество другого лица (имущественные отношения).

Напомним, что уничтожение или повреждение имущества только тогда будет считаться хулиганством, если оно, находясь в причинной связи, будет совершаться с грубым нарушением общественного порядка. Отсюда следует, что если грубое нарушение общественного порядка совершено без применения насилия или без угрозы применения такого, либо без уничтожения или повреждения чужого имущества, то такое нарушение общественного

порядка состава преступления, предусмотренного с. 237 УК РТ не содержит¹.

Если в результате грубого нарушения общественного порядка, выразившегося в неуважении к обществу, имущество других лиц умышленно подверглось уничтожению, в том числе, общественно опасными способами, такими, как например, поджог, взрыв, то в таком случае, квалификация деяния осуществляться по совокупности преступлений соответственно по ст. 237 и ст. 255 УК РТ².

Если в действиях лица, совершившего умышленное уничтожение или повреждение имущества, не содержится признаков грубого нарушения общественного порядка, выразившегося в неуважении к обществу, но при этом его действия причинили тяжкий вред, то его действия должно квалифицироваться по ст. 255 УК РТ.

Из содержания этой нормы видно, что основным условием преступления, предусмотренного ст. 255 УК РТ является причинение серьёзного вреда чужому имуществу. Однако в действующем уголовном законодательстве точного размера причиненного ущерба личному имуществу гражданина не указано. Содержание размера ущерба носит оценочный характер и определение размера ущерба является исключительной прерогативой суда. Для определения величины ущерба, связанного с умышленным уничтожением или повреждением имущества необходимо учитывать не только само уничтоженное или поврежденное имущество, но и материальное состояние собственника имущества, его заработную плату, уровень доходов гражданина, ценность и значимость для потерпевшего уничтоженного либо поврежденного имущества, количество лиц, находящихся на его попечении и т. д.³.

Вандализм (ст. 237¹ УК РТ), Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 242 УК РТ), Надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 243 УК РТ) не-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 490-491.

² Комментарий к отдельным статьям Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Под ред. А.А. Каххарова. – Душанбе, 2011. – С. 307.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 511.

обходимо отличать от преступных деяний, связанных с уничтожением или повреждением имущества (ст. 255 УК РТ). Эти деяния отличаются прежде всего, по их основному непосредственному объекту. Например, если основным непосредственным объектом вандализма (ст. 237¹ УК РТ), уничтожения или повреждения памятников истории и культуры (ст. 242 УК РТ), надругательства над телами умерших и местами их захоронения (ст. 243 УК РТ) является общественный порядок и нравственность, то основным непосредственным объектом ст. 255 УК РТ выступает имущество других лиц (чужого имущества).

Мы считаем, что имущественные отношения между этими преступлениями носят как разграничивающий, так и объединяющий характер. Выше мы отмечали отграничивающий характер преступления, отметив, что ст. 255 УК РТ отличается от других, связанных с ним преступлений своим основным непосредственным объектом (имуществом). Объединяющий характер наличия имущественных отношений между данными преступлениями заключается в том, что если имущественные отношения являются основным непосредственным объектом уголовного деяния, предусмотренного ст. 255 УК РТ, то он же выступает в качестве дополнительного непосредственного объекта в преступлениях, предусмотренных статьями 237¹, 242 и 243 УК РТ.

С.В. Борисов, подробно изучив данный вопрос, указывал именно на объединяющий характер этих деяний. Развивая свою мысль, он отмечает, что если имущественные отношения выступают дополнительным непосредственным объектом в составе преступления хулиганства (ч. 2 ст. 214 УК РФ) (аналогичной ст. 237 УК РТ), то в преступлении по умышленному уничтожению или повреждению имущества (ст. 167 УК РФ) (аналогичная ст. 255 УК РТ), он же выступает уже в качестве основного непосредственного объекта. В преступлении же по ст. 243 УК РФ (аналогичной ст. 242 УК РТ) имущественные отношения могут выступать в качестве основного второстепенного объекта¹.

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 378.

Если умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 255 УК РТ) сравнить с другими отмеченными выше преступлениями по основному непосредственному объекту, тогда такие деяния, как вандализм (ст. 237¹ УК РТ), уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 242 УК РТ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 243 УК РТ) будут отличаться между собой по предмету преступления. Так, если в качестве предмета вандализма будут выступать здания, сооружения, имущество, находящееся в общественном транспорте и в общественных местах (например, сиденья в автобусах или вагонах поездов, их двери и стены, всевозможное оборудование, сиденья в кинотеатрах, парках и т. д.), то предметом преступления, предусмотренного ст. 242 УК РТ выступают памятники истории, культуры, природные комплексы, объекты и документы, представляющие историко-культурную ценность, а также объекты, охраняемые государством. Предметом преступления же, предусмотренного ст. 243 УК РТ выступают тела умерших и их могилы, сооружения на могилах или надгробные сооружения, предназначенные для захоронения или мемориала, а также статуи или архитектурные сооружения, посвященные борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо кладбища участников борьбы с фашизмом.

Таким образом, если лицо по экстремистским мотивам совершило действия, связанные с вандализмом зданий и иных сооружений, причинило ущерб имуществу в общественном транспорте и в иных общественных местах, и если такое деяние было совершено им в течение года после наложения административного взыскания, то его действия следует квалифицировать по ст. 237¹ УК РТ. В связи с тем, что в составе этой статьи не содержится экстремистских мотивов (национальных, расовых, религиозных и др.), при представлении правовой оценки учитывать пункт «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ (обстоятельства, отягчающие наказание) не обязательно.

В случае, если в процессе преступных действий вандализма лицом подверглось уничтожению либо повреждению имущество, вследствие чего потерпевшему был нанесен крупный ущерб, такие действия должны быть квалифицированы по

совокупности преступлений, предусмотренных статьями 237¹ и 255 УК РТ¹.

Уничтожение или повреждение памятников истории, культуры, природных комплексов и объектов, находящихся под охраной государства, квалифицируются по ст. 242 УК РТ. Если лицом совершено хищение предметов или документов, представляющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, результатом которого стало уничтожение, порча или разрушение вышеуказанных предметов или документов, то его действия будут квалифицироваться не по ст. 242 УК РТ (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры), а по п. «в» ч. 2 ст. 251 УК РТ (Хищение предметов или документов, имеющих особую ценность). Если в этих действиях имеют место мотивы экстремистской направленности, то при квалификации принятие во внимание пункта «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ является обязательным.

Уничтожение или снос мавзолея (бюста, его украшения и др.), являющихся объектами историко-культурного значения и признанных в соответствующих государственных документах памятниками истории и национальной культуры, не должно квалифицироваться по ст. 243 УК РТ (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения), так как такие действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 242 УК РТ. Если лицо совершает такие действия в отношении могил либо надмогильных сооружений, не являющихся объектами историко-культурного значения по экстремистским мотивам, то его действия квалифицируются в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 243 УК РТ.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307¹ УК РТ) необходимо отличать от публичных призывов к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности (ст. 179³ УК РТ). Если в ст. 179³ УК РТ речь идет исключительно лишь о террористической деятельности, то в ст. 307¹ УК РТ - о широком понятии экстремистской деятельности. Напомним, что во многих на-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 494.

учных исследованиях высказывается мнение о сходстве рассматриваемых преступлений. Ряд исследователей даже рассматривают террористическую деятельность как часть экстремистской деятельности¹, предлагая разделить вышеназванные нормы на общие и специальные², при этом разрешают конкуренцию в пользу публичного подстрекательства к совершению преступлений террористического характера и (или) публичного оправдания террористической деятельности.

Например, С.В. Борисов, разделяя эти нормы на общие и специальные, предлагает в случае конкуренции, отдать предпочтение ст. 205² УК РТ (аналогичной ст. 179³ УК РТ). Обосновывая свою позицию, автор подчеркивает, что за действия, предусмотренные ст. 205² УК РТ (аналогичной ст. 179³ УК РТ), являясь одним из видов экстремистской деятельности, меры наказания не столь высоки, как за действия, предусмотренные по ст. 280 УК РФ (аналогичной ст. 307¹ УК РТ), при том, что порядок расследования таких уголовных дел не упрощается³.

В реальности, некоторая часть экстремистской деятельности иногда перерастает в террористическую (терроризм) и связанные с ним преступления. Однако это не означает, что при совершении преступлений, связанных с экстремистской или террористической деятельностью, предпочтение отдается одной из них. В таких случаях мы должны определить признаки составов этих преступлений, сопоставить их с совершенными действиями, определить рамки, охватывающие эти нормы, дав правильную квалификацию действиям лица.

¹ Марлухина Е.О., Рождествина А.А. Комментарий к федеральному закону № 35-ФЗ от 26 февраля 2006 года «О противодействии терроризму» (Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 15 января 2007 года) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kurganobl.ru/assets/files/terrorism/kommentariikzakonurf2006-03-06_35-fz.pdf (дата обращения: 16.06.2018 г.).

² См.: абзац 2 пункта 5 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля; Борисов С.В. Указ. работа. – С. 379.

³ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 379.

Поэтому, мы не можем поддержать мнение исследователей, разделяющих эти нормы на общие (ст. 307¹ УК РТ) и особые (ст. 179³ УК РТ), отдавая при этом предпочтение так называемым «особым нормам», так как в УК РТ отличительные признаки этих деяний указаны практически полностью.

Эти преступления отличаются, прежде всего, по основному непосредственному объекту. Например, если основной непосредственный объект публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности образует основы конституционного строя и общественной безопасности, то в качестве основного непосредственного объекта публичных призывов к совершению преступлений террористического характера выступает общественная безопасность, при том, что, если публичные призывы к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности (ст. 179³ УК РТ) имеют место быть при совершении преступлений, предусмотренных статьями 179, 179¹, 179², 181, 182, 184, 184¹, 184², 184³, 184⁴, 185, 193, 194, 194¹, 194², 194³, 194⁴, 194⁵, 310 и 402 УК РТ, тогда как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307¹ УК РТ) происходят при совершении преступлений, предусмотренных статьями 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237¹, 242, 243, 307, 307², 307³, 307⁴ и 398 УК РТ.

Считаем необходимым отметить, что законодатель включил перечень преступлений террористического характера в текст диспозиции ст. 179³ УК РТ. В тексте же диспозиции ст. 307¹ УК РТ перечень преступлений экстремистской направленности не включен, но он вытекает из содержания ст. 307² УК РТ и смысла ст. 3 Закона РТ «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г., за № 1655.

Как вытекает из смысла перечня указанных выше преступлений, ст. 185 УК РТ представляет собой как преступление террористического характера, так и экстремистской направленности, что создает двойственность в тексте УК РТ. Поэтому, в предыдущих параграфах нашего исследования мы предложили исключить ее из перечня преступлений экстремистской направленности, поскольку состав данного преступления носит скорее террористический характер, тогда как нами высказывалось обоснованное мнение о

включении преступлений, предусмотренных статьями 143, 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴ и 398 УК РТ в перечень преступлений экстремистской направленности, так как они обладают всеми признаками данного вида преступления.

Еще одним отличием этих норм является то, что в составе публичных призывов к совершению преступлений террористического характера лицо публично призывает граждан к совершению взрывов, поджогов, стрельбы из огнестрельного оружия или иного деяния, создающего опасность для жизни людей, причиняющего большой ущерб имуществу, призывает к иным опасным для общества последствиям или считает идеологию и практику терроризма правильными, публично пропагандирует и побуждает общественность к подражанию и поддержке действий террористического характера.

В преступлении же по публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности и публичном оправдании экстремизма (ст. 307¹ УК РТ), виновный публично призывает граждан к идеологической, политической, расовой, национальной, местнической либо религиозной ненависти или вражде, или ненависти или вражде по отношению к какой-либо социальной группе, либо, признавая правильность идеологии и практики экстремизма, публично призывая к его подражанию и поддержке.

Несмотря на то, что цель в анализируемых преступлениях не выступает в качестве основного признака, ее доказывание при квалификации и дифференциации является обязательным, так как эти преступления возможно отличить по цели их совершения. Так, если преступление, предусмотренное ст. 179³ УК РТ совершается с целью нарушения общественной безопасности, деятельности органов государственной власти и военных структур, запугивания населения или влияние на принятие решений органами государственной власти, а также угрозы совершения таких действий либо публичное оправдание указанных действий, то деяния, предусмотренные ст. 307¹ УК РТ совершаются с целью посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, нарушения прав и свобод человека и гражданина, возбуждения ненависти и вражды в отношении какой-либо нации, расы, местности или представителя какой-либо религии (конфессии), а равно публичной пропаганде оправдания идеологии и практики экстремизма, призывов к его

подражанию и поддержке. То есть, если в преступлении террористического характера выделяется пробуждение в сознании людей страха, то в деяниях экстремистской направленности – пробуждение в сознании ненависти в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии (конфессии) и др., поэтому, действия лица, публично призывающего к осуществлению экстремистской деятельности или публично признающего правильность идеологии и практики экстремизма либо публично призывающего к его подражанию и поддержке, должны квалифицироваться по ст. 307¹ УК РТ. Если эти действия совершаются с использованием средств массовой информации или сети Интернет, уголовная ответственность наступает по ч. 2 ст. 307¹ УК РТ. При этом, если указанные деяния совершаются повторно либо при опасном или особо опасном рецидиве, уголовная ответственность наступает по части третьей настоящей статьи.

Напомним, что подготовка, размножение и хранение материалов с целью их дальнейшего использования в пропаганде экстремистских идей как подготовка к преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 307¹ УК РТ уголовной ответственности не подлежит, так как в соответствии с ч. 2 ст. 32 УК РТ, уголовной ответственности подлежит лишь подготовка к тяжкому либо особо тяжкому преступлению. Тяжким преступлением является умышленное деяние, за которое максимальное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом, не превышает двенадцати лет лишения свободы (ч. 4 ст. 18 УК РТ). К особо тяжким преступлениям относятся умышленные действия, за совершение которых Уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет или смертной казни (ч. 5 ст. 18 УК РТ). Для деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 307¹ УК РТ законодателем предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет, которые в соответствии с ч. 3 ст. 18 УК РТ отнесены к преступлениям средней тяжести, а уголовной ответственности за подготовку к совершению преступления средней тяжести не предусмотрено.

Если лицо ведет подготовку к совершению преступления, предусмотренного ст. 307¹ УК РТ по отягчающим обстоятельствам, т.е., с использованием средств массовой информации или сети Интернет (ч. 2 ст. 307¹ УК РТ) или повторно, либо при опасном или особо

опасном рецидиве (ч. 3 ст. 307¹ УК РТ), то уголовная ответственность наступает в соответствии с ч. 2 ст. 32 УК РТ, т.к. для ч. 2 ст. 307¹ УК РТ законодатель предусмотрел уголовную ответственность в виде лишения свободы от пяти до десяти лет, а по ч. 3 этой статьи – от восьми до двенадцати лет, что в соответствии с ч. 4 ст. 18 УК РТ является тяжким преступлением. Если публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности привели к общественным беспорядкам либо вооруженному противостоянию, то действия виновного будут квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 307¹ и 188 или 313 УК РТ¹.

По нашему мнению, действия лица, осуществляющего из чувства ненависти или национальной, расовой, местнической либо религиозной вражды публичное подстрекательство к совершению преступлений террористического характера и (или) публичного оправдания террористической деятельности должны квалифицироваться по ст. 179³ УК РТ. В таких случаях квалификация по ст. 307¹ УК РТ либо по совокупности преступлений (ст. 179³ и ст. 307¹ УК РТ) недопустима, так как, учитывая, что в составе ст. 179³ УК РТ не предусмотрено совершение этого преступления на почве ненависти или национальной, расовой, местнической либо религиозной вражды, принятие во внимание пункта «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ является обязательным.

Подчеркнем, что на практике, при квалификации преступных деяний по организации экстремистского сообщества (экстремистской организации) или связанных с экстремистской организацией возникают проблемы, приводящие даже к смешению двух понятий - экстремистского сообщества и преступного сообщества (преступной организации) и практически схожие между собой уголовные деяния квалифицируют по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 187 и ст. 307² УК РТ, нарушая тем самым, принципы уголовного закона и уголовной ответственности. Учитывая это, А.А. Можегова добавляет, что «...организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации и организация преступного сообщества (преступной организации)

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) // Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – С. 679.

либо участие в ней имеют схожую структуру, поскольку их четкие разграничительные нормы до сих пор не разработаны»¹.

Поэтому, нам необходимо рассмотреть отличия Организации экстремистского сообщества (ст. 307² УК РТ) от Организации преступного сообщества (преступной организации) (ст. 187 УК РТ). Эти преступления различаются, прежде всего, по своему основному непосредственному объекту. Так, если в качестве основного непосредственного объекта организации экстремистского сообщества (ст. 307² УК РТ) выступает нормальное функционирование общественных институтов и основ конституционного строя государства, отношение граждан к реализации своих прав и свобод на создание общественных объединений и религиозных организаций², то основным непосредственным объектом организации преступного сообщества (преступной организации) (ст. 187 УК РТ) является общественная безопасность.

Однако данные преступления имеют сходство по объективной стороне. Как указывает Б.Ш. Курбонзода, на объективную сторону этих преступлений (ст. 307² и ст. 187 УК РТ) законодатель имеет схожую точку зрения³. Видя разницу в этих преступлениях в цели их организации, исследователь подчеркивает, что если организация преступного сообщества (преступной организации) создается с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений, то организация экстремистского сообщества осуществляется для совершения преступлений экстремистской направленности различных категорий⁴.

¹ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М., 2015. – С. 123.

² Хафиззода Ш.Х., Солиев К.Х., Сафаров Х.С., Хайдарзода М.П., Оев Т.Ю. Уголовно-правовая характеристика экстремизма и тактика допроса подозреваемых: научно-практическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2018. – С. 26-27.

³ Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Ш. Курбонзода. – Душанбе, 2017. – С. 176.

⁴ Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: монография / отв. ред. к.ю.н. доцент Сафарзода А.И. – Душанбе: «Эр-граф», 2018. – С. 196.

На наш взгляд, различать эти преступления можно главным образом на основании дополнительных признаков их субъективной стороны (цель и мотив), которые выступают в них в качестве основного признака. Так, если организация преступного сообщества (преступной организации) происходит только с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений, то организация экстремистского сообщества - лишь для совершения преступлений экстремистской направленности, предусмотренных в диспозиции ст. 307² УК РТ (хотя она и не полная) либо по идеологическим, политическим, расовым, национальным, местническим или религиозным мотивам.

Т.В. Якушева также считает, что «... с точки зрения субъективной стороны, образование экстремистского сообщества отличается специальной целью, которой является совершение преступлений экстремистской направленности (в которых имеют место также и преступления средней тяжести). Особенностью этого состава является также мотив преступления (идеологический, политический, расовый, национальный, местнический либо религиозный)»¹.

По мнению С.Н. Фридинского, отличие между экстремистским сообществом и преступным сообществом (преступной организацией) заключается в следующих действиях:

1. Если преступное сообщество (преступная организация) создается с целью совершения общих уголовных преступлений, то экстремистское сообщество – с целью совершения преступлений экстремистской направленности, а также в целях разработки планов и (или) создания условий для совершения таких преступлений.

2. Если преступное сообщество (преступная организация) совершает преступления по различным мотивам, то экстремистское сообщество – только с целью подготовки к совершению преступлений экстремистской направленности по мотивам ненависти или идеологической, политической, расовой, национальной, местнической либо религиозной

¹ Якушева Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.В. Якушева. – М., 2016. – С. 139.

вражды, а также из-за ненависти либо вражды к какой-либо социальной группе¹.

З.М. Бешукова же, выделив следующие признаки преступного сообщества (преступной организации) и экстремистского сообщества, тем самым разграничила их между собой:

1. Если организованная преступная группа или преступное сообщество действует под единым руководящим началом, то экстремистское сообщество – это организованная группа лиц, объединение организаторов, руководителей или иных представителей единицы или подразделения сообщества.

2. Если главной целью создания преступного сообщества (преступной организации) является совершение общеуголовных преступлений для косвенно или прямого извлечения финансовой либо материальной выгоды, то основной целью организации экстремистского сообщества является подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности, разработка планов и (или) создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

3. Если организация преступного сообщества (преступной организации) направлена на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, то организация экстремистского сообщества – на совершение преступлений небольшой тяжести, средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений.

4. Если для организации преступного сообщества необходимо совершение одного или нескольких преступлений, то для организации экстремистского сообщества – количество совершенных преступлений будет составлять не менее двух².

По мнению Б.Ш. Курбонзода, данную позицию автора возможно усмотреть из содержания ч. 4 ст. 39 и ст. 307² УК РТ³.

¹ Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально – правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. – М., 2011. – С. 162.

² Бешукова З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / З.М. Бешукова. – Краснодар, 2011. – С. 169.

³ Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Ш. Курбонзода. – Душанбе, 2017. – С. 171-172.

Исследуя эту проблему, Д.И. Леньшин и Т.В. Якушева пришли к выводу о том, что понятие «преступное сообщество», которое имеется в особенной части УК противоречит понятию «экстремистское сообщество», имеющее место в этой же части УК, поскольку преступное сообщество (преступная организация) представляет собой совокупность двух и более организованных групп, направленных на совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Экстремистское сообщество же, наряду с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, совершает также и менее тяжкие и преступления средней тяжести. Поэтому авторы предлагают понятие «преступное сообщество» (преступная организация), закрепленное в ч. 4 ст. 36 УК РФ (аналогичной ч. 4 ст. 39 УК РТ) привести в соответствие с понятием «экстремистское сообщество», предусмотренное в ст. 282¹ УК РФ (аналогичной ст. 307² УК РТ). Ученые утверждают, что наличие такой двойственности в УК не дают возможности квалифицировать деяния по ст. 282¹ УК РФ (аналогичной ст. 307² УК РТ). Поэтому, они считают, что «...к преступлениям, для совершения которых создается экстремистское сообщество, необходимо причислять лишь тяжкие либо особо тяжкие преступления экстремистской направленности»¹.

Проанализировав диспозицию и санкцию преступления организации экстремистского сообщества, Е.П. Сергун пришел к выводу о том, что в диспозиции речь идет об устойчивой группе лиц, заранее объединившихся для совершения нескольких менее тяжких и преступлений средней тяжести, предусмотренных в пункте «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (аналогичной пункту «е» ч. 1 ст. 62 УК РТ). Иными словами, новизна заключается в том, что законодателем установлена уголовная ответственность за приготовление к совершению менее тяжких или средней тяжести преступлений, если эти деяния совершены организованной группой. В таком случае, единственным основанием для привлечения к ответственности членов этой группы является

¹ Леньшин Д.И. Указ. работа. – С. 86; Якушева Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.В. Якушева. – М., 2016. – С. 126.

составление ими плана совершения этих преступлений исходя из конкретных мотивов¹.

По мнению А.В. Ростокинского и А.А. Можеговой, «...организация преступного сообщества (преступной организации) отличается от организации экстремистского сообщества только целью их совершения. Если преступная группа преследует целью совершение уголовных преступлений вообще, то экстремистское сообщество стремится только к совершению преступлений экстремистской направленности»².

Обращая внимание на эту проблему, Д.И. Леньшин совершенно справедливо отмечает, что при квалификации преступления организации преступного сообщества (преступной организации) необходимо отличать его от организации экстремистского сообщества. Ученый подчеркивает, что, если основной целью организации преступного сообщества (преступной организации) является совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, то целью организации экстремистской организации является совершение преступлений экстремистской направленности, не все из которых являются тяжкими или особо тяжкими. Например, если преступное сообщество создается для совершения убийства, при квалификации следует обратить внимание на его мотив. Если преступление изначально включает в себя корыстный, хулиганский или иной неэкстремистский мотив, деяние должно квалифицироваться по статье, включающей организацию преступного сообщества. В таких случаях, не смотря на наличие потерпевших другой национальности, вероисповедания, языка, политических взглядов не свидетельствует о том, что организация создана для совершения преступлений экстремистской направленности, следовательно, квалификация по статье, предусматривающей организацию экстремистского сообщества невозможна. Далее исследователь

¹ Сергун Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 257-258.

² Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Ростокинский. – М., 2008. – С. 229-260; Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М., 2015. – С. 127.

пишет, что составы преступлений организация преступного сообщества (преступной организации) и организация экстремистского сообщества являются основным и в обоих случаях считаются оконченными с момента образования такого сообщества. При этом он отметил конструктивную схожесть их структуры, которая предусматривает ответственность за организацию и управление, а также за участие в нем¹.

Проведя тщательный анализ между организацией экстремистского сообщества от других, схожих с ним преступлений, Б.Ш. Курбонзода пришел к выводу о том, что такое сообщество, являясь одной из разновидностей преступного сообщества (преступной организации) и имея схожесть по своей объективной стороне, различается по цели создания (организации). Он добавляет, что если целью создания преступного сообщества является совершение тяжких и особо тяжких преступлений, то целью экстремистского сообщества - совершение преступлений экстремистской направленности различных категорий. При этом он отмечает, что мотивация для преступного сообщества (преступной организации) имеет второстепенное значение, а ее целью является получение прямой либо косвенной финансовой или материальной выгоды. Для экстремистского же сообщества мотив, свидетельствующий об уголовной наказуемости действий экстремистской направленности, имеет особое значение².

Как видим, большинство ученых, несмотря на различные подходы, основные отличия преступлений по организации преступного сообщества (преступной организации) и организации экстремистского сообщества видят в целях и мотивах их совершения, что нашло отражение в уголовном законодательстве Республики Таджикистан (статьи 187 и 307² УК РТ).

В то же время ряд ученых, проводивших исследования в этой области, считают экстремистское сообщество одним из видов орга-

¹ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 120-121.

² Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Ш. Курбонзода. – Душанбе, 2017. – С. 176-177.

низованной группы¹. Так, С.В. Борисов охарактеризовал экстремистское сообщество как разновидность организованной группы, выделив их по ряду отличительных признаков:

1. Экстремистское сообщество должно иметь признак стабильности, но не составной, который характерен преступному сообществу (преступной организации).

2. Экстремистское сообщество организуется для совершения различных преступлений экстремистской направленности, когда как преступные сообщества (преступные организации) создаются для совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

3. Для привлечения виновных к уголовной ответственности за действия экстремистской направленности мотив преступлений, подготавливаемых и совершаемых экстремистским сообществом имеет решающее значение. Для преступного сообщества (преступной организации), если целью такого сообщества (преступной организации) является получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды такие мотивы носят факультативное значение².

Однако с утверждением о том, что экстремистское сообщество является одной из разновидностей организованной группы мы согласиться не можем, и, поддерживая мнение Б.Ш. Курбонзода, считаем экстремистское сообщество разновидностью пре-

¹ Тюнин В. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право, – 2006. – № 3. – С. 52-54; Агапов П.В. Нужна ли в Уголовном кодексе РФ ответственность за создание организованной преступной группы? // Российская юстиция, – 2006. – № 3. – С. 14-15; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Бурковская. – М., – С. 299; Степанов Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Степашин. – М., 2003. – С. 76; Бородин С.В. Курс российского уголовного права: Особенная часть: учебник для высшей школы / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2002. – С. 822; Уголовное право: Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко [и др.]. – М., 1998. – С. 586; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1999. – С. 718; Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 379-380.

² Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 379-380.

ступного сообщества (преступной организации). Этой же точки зрения придерживаются и другие ученые¹.

В то же время, если ч. 1 ст. 187 УК РТ (Организация преступного сообщества (преступной организации)) относится к категории особо тяжких преступлений, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет с конфискацией имущества либо без таковой, то ч. 1 ст. 307² УК РТ (Организация экстремистского сообщества) входя в категорию тяжких преступлений, наказывается лишением свободы на срок от 8 до 12 лет с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок от 2 до 5 лет.

Если за участие в преступном сообществе (преступной организации) без квалифицирующих обстоятельств назначается наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой, то за участие в экстремистском сообществе наказание назначается в виде лишения свободы сроком от четырех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

В связи с этим, С.В. Борисов подчеркивает, что законодатель с самого начала признал экстремистское сообщество менее опасным для общества, чем преступное сообщество (преступная организация)².

Следует отметить, что в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении

¹ Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. – М., 2011. – С. 164; Бычков В.В. Отграничение преступлений экстремистской направленности от смежных составов // Из-во: Тульского гос. ун-та. Экон. и юрид. науки, – 2013. – № 2-2. – С. 110-116; Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Ростокинский. – М., 2008. – С. 229-264; Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Можегова. – М., 2015. – С. 132.

² Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 380.

законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности» от 12 июня 2014 года говорится, что если экстремистское сообщество образуется в результате объединения двух и более организованных групп, то действия виновных должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 187 и 307² УК РТ¹.

Однако мы не поддерживаем такое разъяснение постановления Пленума, поскольку одним из признаков самого сообщества является объединение двух и более организованных групп. Поэтому, считаем, что приведенное в постановлении Пленума Верховного Суда РТ основание того, что экстремистское сообщество образуется в результате объединения двух и более организованных групп и поэтому квалификация должна осуществляться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 187 и 307² УК РТ, является недостаточным.

По нашему мнению, при квалификации по совокупности преступлений ст. 187 и 307² УК РТ мы не должны брать за основу признак слияния двух или более организованных групп потому, что, как уже указывалось выше, одним из признаков самого сообщества, будь то экстремистское сообщество, либо преступное сообщество (преступная организация), является объединение двух или более организованных групп. В этом случае нам может помочь только определение цели такого сообщества.

В связи с этим, если экстремистское сообщество, образуясь в результате слияния двух или более организованных групп, имеет своей конечной целью совершение только преступлений экстремистской направленности, то такие деяния должны квалифицироваться только по ст. 307² УК РТ. Однако, если в результате слияния двух или нескольких организованных групп в экстремистское сообщество наряду с преступными деяниями экстремистской направленности совершаются также и тяжкие и особо тяжкие преступления, то в таком случае, квалификация должна производиться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 187 и 307² УК РТ.

¹ См.: Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности» от 12 июня 2012 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы деятельность экстремистских и террористических организаций беспокоит не только отдельные регионы, но и все международное сообщество, а их идеология и действия нарушают границы отдельных государств, становясь причиной совершения сотен особо тяжких преступлений и препятствием в налаживании стабильных международных отношений. Транснациональный характер и системность совершения преступлений экстремистской направленности создал новые проблемы на пути противодействия этим негативным явлениям, требующим совершенствования нормативной правовой базы.

Поэтому, опираясь на авторитетные мнения ученых в данной области, изучив большой объем юридических документов, проведя тщательный анализ судебно-следственной практики, проведя социологический опрос, глубоко проанализировав криминальную статистику и т.д., мы попытались полностью и достаточно однозначно раскрыть правовую и уголовную природу экстремизма, обозначив существующие проблемы во внутригосударственных, региональных и международных правовых актах и, самое главное, представили вполне на наш взгляд, убедительные доказательства для их решения.

В частности, в контексте нашего исследования мы комплексно рассмотрели проблемы применения норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности, условия квалификации таких деяний для привлечения виновных к уголовной ответственности, обсудили соотношение между «экстремизмом», «экстремистской деятельностью» и другими, связанными с ними терминами в сравнении с предыдущим законом Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», обозначив свою позицию по достоинствам и недостаткам нового закона.

В частности, мы отметили, что в новом законе понятие «экстремизм» было расширено и приобрело общеправовой характер, включающий как уголовно-правовые, так и административно-правовые аспекты. При этом мы акцентировали внимание на соотношении терминов «экстремистская деятельность» и «деятель-

ность, признанная экстремистской в Республике Таджикистан», отметив, что в новом законодательстве в этой сфере имеются существенные противоречия, которые могут создать новые проблемы в процессе правоприменения.

Наряду с этим, на основе рассмотренных в данном исследовании теоретических и практических материалов были также сделаны следующие научные выводы:

1. Понятие «экстремизм» по своему историческому происхождению развивалось в контексте понятия «радикализм», его религиозные мотивы берут свое начало от понятия «радикализм». Националистические мотивы экстремизма производны от понятия «национализм», а его расистские - происходят от понятия «расизм», местнические мотивы в современном понятии экстремизма характерны для национального законодательства Таджикистана. Таким образом, действующее законодательство устанавливает политические, религиозные (конфессиональные), расистские, националистические и местнические мотивы в качестве основных признаков преступлений экстремистской направленности, которые в научной литературе признаются в качестве основных критериев деления экстремизма на виды.

2. Экстремизм как общественно-политическое и уголовно-правовое явление связан с искажением религиозных, конфессиональных, политических, расистских, национальных и местнических взглядов, а экстремисты систематически допускают использование такой идеологии и актов насилия в отношении своих оппонентов. Применяя тайно либо открыто насилие по политическим, социальным, национальным, религиозным, расовым или местническим мотивам, экстремисты никогда не выражают волю здоровых сил общества.

3. Экстремизм, как опасное политическое и преступное явление, имеет две формы проявления (насильственную и ненасильственную), наиболее распространенные формы которых развиваются в контексте понятий «радикализм», «национализм», «фундаментализм» и «расизм», а основными критериями деления современного экстремизма на виды являются политические, расистские, национальные, религиозные и местнические мотивы. Экстремистские деяния могут совершаться в совокупности нескольких мотивов (ре-

лигиозно-политических, национально-политических и т. д.), но они заключаются не в удовлетворении узко ограниченных бытовых интересов, а в привлечении большего количества «сторонников и союзников» среди различных слоев общества.

4. Деяния экстремистской направленности носят уголовно-правовой и административно-правовой характер и совершаются по национальным, расовым, политическим, религиозным и местническим мотивам. По степени опасности эти преступления имеют две формы проявления: «преступления экстремистской направленности, составные признаки которых связаны с идеологией и насильственными действиями» и «действия экстремистской направленности, включающие в себя составные признаки нетерпимости к оппонентам, применяющие идеологию и насильственные действия в отношении отдельных социальных групп».

5. С 90-х годов прошлого века по настоящее время в Республике Таджикистан в связи с гражданской войной, упадком социально-экономической, культурной и религиозной жизни общества и беспрецедентным развитием разведывательных служб отдельных государств в целях защиты своих геополитических интересов задействовано более десятка экстремистско-террористических организаций со своей экстремистской идеологией и ужасающей деятельностью, среди которых выделяется преступная деятельность таких запрещенных на территории Республики Таджикистан экстремистско-террористических партий и движений, как «Исламская партия возрождения», «Хизб-ут-Тахрир», «Салафия», «Исламское государство» и другие, до сих пор посягающих на основы конституционного строя, безопасность и стабильность региона.

6. Двойное и нечеткое размещение терминов «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» и иных, основанных на них понятий в антиэкстремистском законодательстве Республики Таджикистан создает проблемы в судебной-следственной и законотворческой практике, мешая эффективному противодействию экстремизму. Поэтому в исследовании нами предложены современные понятия «экстремизм», «преступления экстремистской направленности», «административные правонарушения экстремистской направленности», «экстремизм»

стское сообщество» и «экстремистская деятельность», которые являются преимущественно авторскими.

7. Под экстремизмом понимается «скрытая или открытая деятельность физических, юридических лиц и преступных сообществ в целях возбуждения национальной, расовой, политической, религиозной (конфессиональной) и межнациональной розни, дискредитации или ограничения прав и свобод человека на основе вышеуказанных мотивов или реализации публичных призывов к насильственному изменению основ конституционного строя и захвату государственной власти».

8. Преступлениями экстремистской направленности признаются общественно опасные деяния, основанные на национальных, расовых, политических, религиозных (конфессиональных) и местных мотивах с целью нарушения прав и свобод человека и гражданина, порядка общественной безопасности, основ конституционного строя, мира и международной безопасности, выраженных в совершении одного или нескольких преступлений, предусмотренных статьями 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237¹, 242, 243, 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴ и 398 УК РТ.

9. Административными правонарушениями экстремистской направленности признаются противоправные действия, совершаемые по национальным, расовым, политическим, религиозным (конфессиональным) и местническим мотивам, направленные на нарушение прав и свобод человека и гражданина, унижение чести и достоинства личности по вышеперечисленным мотивам, которые предусмотрены в соответствующих статьях Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан.

10. Экстремистское сообщество является одним из видов преступной группы, преследующее целью разжигание национальной, расовой, политической, религиозной (конфессиональной) или местнической вражды либо публичные призывы к насильственному изменению основ конституционного строя, захвату государственной власти, нарушение международных отношений, а ее деятельность направлена на создание одной или нескольких организованных преступных частей или групп, финансирование их деятельности, разработку планов и (или) создание иных условий для совер-

шения преступлений экстремистской направленности различных категорий.

11. Под экстремистской деятельностью понимается противоправная деятельность юридических, физических лиц или экстремистских объединений, направленная на возбуждение национальной, расовой, политической, религиозной и местнической розни либо на публичные призывы к насильственному изменению основ конституционного строя, захвату государственной власти и подрыву международных отношений, направленная на совершение преступлений и иных правонарушений экстремистской направленности. Такая деятельность включает в себя финансирование, публичное оправдание экстремизма, вовлечение граждан в экстремистские группы, их склонение к участию в вооруженных конфликтах за рубежом, создание иных условий для совершения преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности.

12. Чрезвычайно широкое понятие «экстремистская деятельность» все границы, отделяющие ее от понятия «террористическая деятельность» в действующем антиэкстремистском законодательстве, еще более размывает. При отсутствии в УК Республики Таджикистан полного перечня преступлений экстремистской направленности, порождая научные и практические споры, определить точных признаков экстремизма (экстремистской деятельности) в диспозициях статей 307¹, 307² и 307³ УК Республики Таджикистан весьма сложно. Не дав определения в примечаниях этих статей понятию «преступление экстремистской направленности», вместо этого в ч. 1 ст. 307² УК Республики Таджикистан законодатель включил перечень деяний, относящихся к преступлениям экстремистской направленности. В этот перечень входят статьи 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237¹, 242 и 243 УК Республики Таджикистан. Эти преступления считаются экстремистскими только в том случае, если они совершаются по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной неприязни. К сожалению, в этот перечень вошла статья 185 УК Республики Таджикистан, которая в соответствии с действующим законодательством признана в качестве преступления террористического характера, а статьи 143, 307, 307¹, 307³, 307⁴ и 398 УК Республики Таджикистан, которые совершаются по экстремистским мотивам и целям

и именно их законодатель включил с целью активизации борьбы с экстремизмом, в этот перечень не вошли.

В связи с этим, нами предложено статью 185 УК Республики Таджикистан из перечня преступлений экстремистской направленности, включенную в диспозицию статьи 307² УК Республики Таджикистан исключить, так как в статьях 179, 179¹, 179³ УК РТ, а также в пунктах 12 и 14 статьи 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» она признана в качестве преступления террористического характера. Далее, статьи 143, 307, 307¹, 307³, 307⁴ и 398 УК Республики Таджикистан, которые совершаются по политическим, национальным, религиозным, расовым и местническим мотивам, включить в перечень преступлений экстремистской направленности, предусмотренный в диспозиции статьи 307² УК РТ. Одновременно с этим, в части 2 статей 160, 188, 237, 237¹ и 242 УК РТ в качестве отягчающих обстоятельств уголовной ответственности ввести «совершение деяний по национальным, расовым, политическим, религиозным (конфессиональным) и местническим мотивам», так как в составе данных преступлений их экстремистские признаки не определены.

13. Общеправовое понятие «экстремистская деятельность», которое определено в новом Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», не включает определения смысла «финансирование экстремизма» и «публичное оправдание экстремизма», наоборот, включен термин «оборонеспособность государства», которое охватывается признаками преступлений, предусмотренных статьями 305, 308 и 309 УК РТ и в рамках научных теорий в качестве проявлений экстремизма не признается. В связи с этим, нами предложено во вновь принятом понятии «экстремистская деятельность» включить термины «финансирование экстремизма» и «публичное оправдание экстремизма», одновременно исключив из его содержания термин «оборонеспособность государства», а в статье 3 нового Закона РТ «О противодействии экстремизму» закрепить признаки деяний экстремистской направленности, например, статьи 160, 237, 237¹, 242, 243 УК Республики Таджикистан, которые вместе с другими преступлениями экстремистской направленности отражены в статье 307² УК РТ.

14. На основании признанных научных теорий и анализа международных и региональных нормативных правовых актов, с целью приведения в соответствие понятия «экстремистская деятельность» с подлинным его смыслом и устранения противоречий в действующем антитеррористическом и антиэкстремистском законодательстве, предложено из содержания статьи 3 Закона РТ «О противодействии экстремизму» исключить пункт 5 под названием «организация незаконных вооруженных групп и участие в них».

15. В международных нормативно-правовых актах нет общепринятого определения «экстремизма», его смысл определяется в рамках терминов «дискриминация», «ксенофобия», «национализм», «расизм», «антисемитизм», «нетерпимость» и ряда других терминов, которые не всегда синонимичны ему. В связи с этим, есть необходимость выработки универсального международно-правового понятия, поскольку требуется конкретизация признаков этого явления как «универсального средства» для комплексного воздействия на него.

16. Несмотря на то, что противодействие экстремистским проявлениям на международном уровне берет свое начало с 1948 года, когда была принята Всеобщая декларация прав человека, однако термин «экстремизм» вплоть до 1990 года ни в одном международном нормативно-правовом акте не использовался, заменяясь зачастую терминами, отмеченными в предыдущем пункте и раскрывающие лишь некоторые стороны экстремизма, однако в отдельности не могут представить полного значения термина «экстремизм». Начиная с 1990 и по 2014 год в ряде резолюций ООН использовался лишь термин «экстремизм», а с 2014 года наряду с ним уже активно используется термин «насильственный экстремизм», но ни в одном международно-правовом документе эти определения не закреплены, что привело к появлению в этом направлении еще одной проблемы. Даже специалистам в данной области чрезвычайно сложно, а порой, практически невозможно определить грань между «экстремизмом» и «насильственным экстремизмом». Поскольку разница между этими терминами в международных документах не представлена, для выявления различия между ними становится необходимым проведение анализа схожих терминов.

По нашему мнению, использующийся в вышеуказанных международных нормативных правовых актах термин «экстремизм» имеет более широкое значение и включает в себя как насильственную, так и ненасильственную формы экстремистской деятельности. К сожалению, в последние годы при подготовке международных нормативно-правовых актов используется лишь термин «насильственный экстремизм», который является одной из форм экстремизма, что более присуще уголовному праву. С этой точки зрения, использование термина «насильственный экстремизм» в международно-правовых актах, не решая комплексных проблем в этой сфере, напротив, становится основой для появления новых проблем, так как в этом случае игнорируются идеологические аспекты экстремизма, которые могут быть совершены без применения насилия, зачастую характерные для законодательства об административных правонарушениях. Поэтому, назрела необходимость в использовании в международных нормативно-правовых актах термина «экстремизм», который при наличии как насильственной, так и ненасильственной форм, представляет собой экстремистские деяния.

17. Как известно, одной из основополагающих норм международного права в борьбе против экстремизма признана Всеобщая декларация прав человека (статьи 1, 2, 7, 18, 19), положения которой закреплены в статьях 5, 8, 17, 26, 27, 28, 29, 30 Конституции Республики Таджикистан, логическим продолжением которых стали статьи 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237¹, 242, 243, 307, 307¹, 307², 307³, 307⁴, 398 УК РТ и соответствующие статьи Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан.

18. Конвенция «О защите прав человека и основных свободах» от 4 ноября 1950 года, Международная конвенция «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» от 21 декабря 1965 года, Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года за № 36/55 «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», «Душанбинская декларация ООН» от 25 сентября – 1 октября 2018 года за № А/73/884 и другие международные нормы обязуют государства пресекать все действия, направленные на

одобрение политической, национальной, расовой или религиозной ненависти, призывающие к дискриминации, вражде и насилию.

19. Определение «экстремизм», представленное в Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», не может выступать в качестве общепризнанного, так как основной акцент в ней сделан на один из видов экстремизма, обладающего признаками насилия (насильственное изменение основ конституционного строя государства и захват государственной власти), не отражены другие уголовно-правовые стороны экстремизма (возбуждение вражды и ненависти по национальным, расовым, религиозным (конфессиональным), местническим мотивам), а также его административно-правовая природа. В Конвенции ШОС «О противодействии экстремизму» это несовершенство частично устранено, понятие «экстремизм» в общем, охватывают насильственный и ненасильственные формы экстремизма.

В Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС, принятой в целях совершенствования этого и других нормативно-правовых актов, понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» не представлено, однако отражены актуальные вопросы различных сфер, таких, например, как политика, безопасность, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, международная информационная безопасность и т.д. В соответствии с этим документом, ключевую роль своих компетентных органов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, государства-члены считают важным активизировать совместные усилия по предотвращению распространения этой идеологии, в этом контексте отмечая недопустимость вмешательства во внутренние дела государств под предлогом противодействия терроризму и экстремизму, а также неприемлемость использования террористических, экстремистских и радикальных группировок в корыстных целях, наращивать усилия по борьбе с распространением экстремистских и сепаратистских идей, особенно среди молодежи, вести работу по профилактике религиозной нетерпимости, агрессивного национализма, этнической и расовой дискриминации, ксенофобии, идей фашизма и шовинизма.

В этом плане важное значение в унификации законодательства государств СНГ приобретает Модельный закон «О противодействии экстремизму», который был принят 14 мая 2009 года. Однако в этом

законе точного места по разграничению понятий «экстремистская деятельность» и «экстремизм» не отражено, ошибочно понятие «экстремистская деятельность» включает перечень преступлений террористического характера, которое чрезвычайно широкое определение «экстремистской деятельности» смешало с понятием «террористическая деятельность», что привело к противоречиям в антиэкстремистском законодательстве государств-участников СНГ. В Модельном же Уголовном кодексе отсутствует как понятие «экстремизм», так и «экстремистская деятельность». Единственной уголовно-правовой нормой, которая в общих чертах охватывает наиболее распространенные формы экстремизма, выступает ст. 187 (Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды). В силу этого, в своем исследовании мы высказали мнение о поддержке разработки и принятии комплексного понятия «экстремизма» и определения общепризнанной стратегии противодействия действиям экстремистской направленности, так как разработка общей точки зрения относительно понятия «экстремизм» в международном праве и его последующее закрепление в региональных нормативных правовых актах позволит оживить борьбу с этим проявлением, обеспечит основу деятельности правоохранительных органов отдельных государств в объединении усилий по единому практическому применению права.

20. Для правоприменителей желательное использование лишь таких правовых терминов, которые закреплены в уголовном законодательстве, так как одной из гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина является соблюдение принципа законности, в соответствии с которым, преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом (ст. 4 УК РТ). Поэтому, невозможна квалификация опасного для общества деяния, для которого уголовным законом ответственность не предусмотрена, а применение уголовного закона по аналогии запрещено.

21. Квалификация преступлений экстремистской направленности, таких, как статьи 307¹, 307², 307³ УК РТ, признанные современной теорией уголовного права бланкетными, в судебной и следственной практике породили существенные проблемы, так как практические сотрудники вынуждены спорный смысл понятий «экстремистская деятельность», «экстремистское сообщество» и

«экстремистская организация» искать в Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» или в других областях права. Так, из смысла ст. 307² УК РТ вытекает, что к преступлениям экстремистской направленности принадлежат статьи 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237¹, 242 и 243 УК РТ. То есть, за организацию экстремистского сообщества лицо будет привлекаться к уголовной ответственности лишь в том случае, если целью экстремистского сообщества будет совершение вышеперечисленных преступлений. Однако, если виновное лицо будет осуществлять подготовку, покушение или совершит преступление экстремистской направленности, предусмотренные такими статьями, как 143, 307, 307¹, 307³, 307⁴ и 398 УК РТ, то будет привлечено к ответственности по ст. 307² УК РТ, так как перечень преступлений экстремистской направленности, предусмотренный в ст. 307² УК РТ в силу своей двусмысленности и несовершенства при применении нормы уголовного закона ее толкование (интерпретация) должно осуществляться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного). В силу этого, нами было предложено включение вышеперечисленных статей в диспозицию ст. 307² УК Республики Таджикистан.

22. В качестве основного непосредственного объекта экстремизма выступают общественные отношения, защищающие конституционные права и свободы человека и гражданина от преступлений экстремистской направленности и обеспечивающие добрососедские межличностные отношения. Однако, в зависимости от их расположения в соответствующих статьях Особенной части УК Республики Таджикистан, любое преступление экстремистской направленности в одном случае может выступать в качестве основного непосредственного объекта, а в другом - признается как основной дополнительный объект. Так, основным непосредственным объектом преступлений экстремистской направленности (статьи 143, 157, 158, 160 УК РТ) признаются общественные отношения, охраняющие конституционные права и свободы человека и гражданина от преступлений экстремистской направленности и обеспечивающие добрососедские межличностные отношения. Однако этот же объект в статьях 307, 307¹, 307², 307³ и 307⁴ УК Республики Таджикистан, выступая в качестве основного дополнительного объекта,

основным непосредственным объектом признаются общественные отношения, регулирующие основы конституционного строя и безопасности государства.

23. Экстремистские мотивы являются основным критерием при определении признаков субъективной стороны преступлений экстремистской направленности, играя ключевую роль в раскрытии признаков объекта и объективной стороны таких преступлений.

24. Признаки составов преступлений, предусмотренных в статьях 307 и 189 УК Республики Таджикистан находятся в жесткой конкуренции со статьей 307¹ УК РТ, так как преступление, предусмотренное ст. 307 УК совершается только по политическим мотивам, тогда как ст. 307¹ УК РТ наряду с политическими мотивами предусматривает также и совершение преступления также по национальным, религиозным, расовым, конфессиональным и местническим мотивам, так как в соответствии с положениями Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти либо вражды, а также на основе политических мотивов публичные призывы к насильственному изменению основ конституционного строя признаны одним из видов «экстремистской деятельности». Основным отличием ст. 189 УК от ст. 307 УК РТ является, прежде всего, то, что в ст. 189 УК мотивы национального, местнического, расового либо религиозного характера определены в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления, а в ст. 307 УК мотив и цель преступления имеют только политический уклон.

25. Публичные призывы к экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма как самостоятельный состав преступления, включает в себя совокупность преступлений экстремистской направленности, способы совершения которых связаны с осуществлением публичных призывов и при квалификации которых происходит конкуренция норм части и целого. В соответствии с этим, статья 307¹ в конкуренции со статьями 189 и 307 УК РТ выступает в качестве целого, охватывающее совокупность деяний экстремисткой направленности, потому как публичные призывы по национальным, расовым, политическим, религиозным (конфессиональным) и местническим мотивам и их осуществление в целях насильственного изменения основ конституционного строя и захвата государственной власти признаны в

качестве распространенного вида экстремистской деятельности. Несмотря на это, уголовная ответственность, предусмотренная в этой статье по сравнению со статьями 189 и 307 УК РТ (в совокупности), более мягкая и в соответствии с статьей 11¹ УК РТ будет разрешаться в пользу виновного, что неминуемо приведет к нарушению принципа дифференциации уголовной ответственности, так как при конкуренции составного (ст. 307¹ УК РТ) и простого преступления, выступающего в качестве его элемента (статьи 189, 307 УК РТ), преимущество должно отдаваться составному преступлению, однако мера наказания в частично полных нормах (ст. 307¹ УК РТ) по отношению к частично неполным нормам не должны быть более мягкими. В связи с этим, в своем исследовании мы предложили ужесточить меру уголовной ответственности по данной статье.

26. Использование в УК Республики Таджикистан криминологического определения «экстремистская деятельность» нежелательно, однако целесообразно введение научно обоснованного термина «преступления экстремистской направленности», так как лишь в рамках уголовного права должны затрагиваться конкретные уголовные формы экстремизма, но никак не в нормах административного либо гражданского права. В связи с этим, мы предлагаем изложить статью 307¹ УК РТ в следующей редакции:

«Статья 307¹. Публичные призывы к совершению преступлений экстремистской направленности и (или) публичное оправдание экстремизма

1. Публичные призывы к совершению преступлений, предусмотренных статьями 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237¹, 242, 243, 307, 307², 307³, 307⁴, 398 данного Кодекса и публичное оправдание преступлений экстремистской направленности, - наказываются...

2. Те же деяния, совершенные:

а) повторно;

б) с использованием средств массовой информации или сети Интернет;

в) с использованием служебного положения;

г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) при опасном либо особо опасном рецидиве, - наказываются...».

27. Дифференциация составных признаков статей 307² и 307³ УК Республики Таджикистан стало причиной научных споров и значительных трудностей в судебной и следственной практике, так как в юридической литературе до сих пор не существует общепринятой точки зрения относительно понятий «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация» и в ходе признания судом «экстремистского сообщества» «экстремистской организацией» точно различить уголовно-правовую природу таких организаций в рамках статей 307² и 307³ УК РТ не представляется возможным, что наводит на мысль о необходимости исключения статьи 307³ из УК РТ.

28. В ходе различения преступлений общественные беспорядки (ст. 188 УК РТ) и разжигание национальной, расовой, местнической или религиозной вражды (ст. 189 УК РТ) от преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по экстремистским мотивам, основное внимание необходимо уделить на мотивы преступлений, совершенных из неприязненных или ненавистнических идеологических, политических, расовых, национальных, местнических либо религиозных побуждений, совершенных по преступным мотивам личной неприязни, так как в ходе определения различий квалифицирующих признаков насилия либо угрозы его применения, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 189 УК РТ от признаков национальной, расовой, религиозной, местнической ненависти либо вражды, указанных в пункте «м» ч. 2 ст. 104, пункте «м» ч. 2 ст. 110, пункте «е» ч. 2 ст. 111 и пункте «ж» ч. 2 ст. 117 УК РТ, возникают существенные проблемы. В связи с этим, при квалификации по пункту «б» ч. 2 ст. 189 УК РТ, всестороннее внимание необходимо уделить не только мотивам ненависти в отношении конкретного лица, но и на достижение окончательной цели.

29. Отличие преступления публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307¹ УК РТ) от публичных призывов к совершению преступлений террористического характера и (или) публичного оправдания терроризма (ст. 179¹ УК РТ) заключается в том, что основным непосредственным объектом ст. 307¹ УК РТ являются основы конституционного строя, а ст. 179³ УК РТ – обеспечение общественной безопасности. Более того, перечень преступлений террористического характера, представленный в диспозиции ст. 179³

четко определен, перечень же преступлений экстремистской направленности, представленный в диспозиции ст. 307¹ УК РТ не полон и весьма спорен. Несмотря на то, что экстремистские цели, указанные в диспозиции ст. 307¹ УК РТ и террористические цели диспозиции ст. 179³ УК РТ в качестве основных признаков не закреплены, их доказательство при квалификации и различении между этими преступлениями является обязательным, так как именно по этим признакам возможно определение разницы между преступлениями.

30. В теории уголовного права и на практике существуют противоречия относительно разграничения ст. 187 УК РТ - Организация преступного сообщества (преступной организации) и Организации экстремистского сообщества ст. 307² УК РТ. Эти преступления отличаются друг от друга по своим основным непосредственным объектам и дополнительным признакам субъективной стороны (целям и мотивам), которые выступают в качестве основного признака. Если преступное сообщество (ст. 187 УК РТ) организовывается с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений, то экстремистское сообщество (ст. 307² УК РТ) – с целью совершения преступлений экстремистской направленности различных категорий, предусмотренных в диспозиции данной статьи (хотя она и не полная). Более того, мотив для преступного сообщества имеет второстепенное значение, тогда как для экстремистского сообщества он обладает особым значением.

Таким образом, все полученные в ходе исследования результаты, подкрепленные надежной доказательственной теоретической и практической базой, часть из которых, такая, как понятие «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности», «административные правонарушения экстремистской направленности» и др. уже вошли в Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», другая же часть находится на стадии изучения, и мы надеемся, что в ближайшее время они найдут свое место в антиэкстремистском законодательстве Республики Таджикистан с целью его совершенствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты и другие официальные документы

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями от 26.09.1999, 22.06.2003 и 22.05.2016 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmkt.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC.

2. Всеобщая декларация прав человека, Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

3. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: Принята на Десятом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10-17 апреля 2000 г. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml.

4. Декларация о расе и расовых предрассудках. Принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее двадцатой сессии 27 ноября 1978 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/racism.shtml.

5. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений Принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/relintol.shtml>.

6. Декларация принципов терпимости: Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/toleranc.shtml>.

7. Душанбинская декларация Организации Объединенных Наций от 25 сентября – 1 октября 2018 года, № А/73/884 // [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.tj/index.php/tj/masoili-mubram/20072-e-lomiyai-dushanbe>.

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) ETS N 005. С изменениями и дополнениями от: 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г., 13 мая 2004 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4vNZC9CGv>.

9. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/racesconv.shtml>.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/pactpol.shtml>.

11. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1967 г., № 2331 (XXII): «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система «ГАРАНТ»: <http://base.garant.ru/2540394/#ixzz4vNhApTX1>.

12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г. «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168279>.

13. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. N 55/59 «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2565102/#ixzz4vNcYaQvI>.

14. Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4385-м заседании 28 сентября 2001 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/8_186999_rezolyutsiya-soveta-bezopasno-sti-oon---ot--sent-ya-brya--g.html.

15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г., № 58/174 «Права человека и терроризм» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система «ГАРАНТ»: <http://base.garant.ru/2564532/#ixzz4vO5c7Aba>.

16. Резолюция ПАСЕ № 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе». Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Совета Европы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/t/r/parliamentaryassembly/>.

17. Резолюция Комиссии ООН по правам человека 2004/16 от 16 апреля 2004 года «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901933670>.

18. Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5261-м заседании 14 сентября 2005 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1624\(2005\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1624(2005)).

19. Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420241189>.

20. Резолюция 1142 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7533-м заседании, 13 октября 2015 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2242\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2242(2015)).

21. Резолюция 2354 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7949-м заседании, 24 мая 2017 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2354\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2354(2017)).

22. Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании, 21 декабря 2017 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/>.

23. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.referent.ru/1/10927>.

24. Конвенция Шанхайской Организации Сотрудничества «О противодействии экстремизму» от 9 июня 2017 года // Централизованная база правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан, Версия 7.0.

25. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС, принятая 17 сентября 2021 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/news/20210917/779142.html>.

26. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников СНГ: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566472/>.

27. Модельный закон о противодействии экстремизму: принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 14 мая 2009 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/16872152/14355262/>.

28. Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане (Москва, 27 июня 1997 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tajikistan.turkestan.ru/tj/konflikt/documents/o.html>.

29. Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 года, № 455 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2008 г., № 12, ч. 1, ст. 989, ст. 990 (Закон РТ от 17.12.2020 г., № 1727).

30. Уголовный процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г., № 564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 г., № 12, ст. 815, ст. 816 (Закон РТ от 2.01.2019 г., № 1556).

31. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 574 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., № 9, ст. 68, ст. 69, № 22, ст. 306 (Закон РТ от 20.04.2021 г., № 1776).

32. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

33. Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г., № 203-З // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kodeksy-by.com>.

34. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г., № 31 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parlam.kz>.

35. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/ips/>.

36. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16 ноября 1999 г., № 845 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1999 г., № 11, ст. 275; 2005 г., № 3, ст. 116; 2007 г., № 5, ст. 355; 2008 г., № 10, ст. 802; 2012 г., № 8, ст. 816; 2013 г., № 6, ст. 407; 2014, № 11, ст. 647, ст. 648; 2015, № 12, ч. 1, ст. 1112 (утратил силу).

37. Закон Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» от 23 декабря 2021 г., № 1808 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://mmk.tj/content/>.

38. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2003 г., № 12, ст. 697; 2007 г., № 3, ст. 158, 2014 г., № 11, ст. 655 (утратил силу).

39. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г., № 1655 // Джумхурият: официальное издание Республики Таджикистан // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jumhuriyat.tj/index.php?art_id=39276.

40. Закон Республики Таджикистан «О политических партиях» от 13 ноября 1998 г., № 680 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., № 22, ст. 300 (Закон РТ от 19.07.2019 г., № 1643).

41. Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 19 марта 2013 г., № 961 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2013 г., № 3, ст. 201, 2016 г., № 5 ст. 365 (Закон РТ от 24.02.2017, № 1407).

42. Закон Республики Таджикистан «Об общественных организациях» от 12 мая 2007 г., № 258 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2007 г., № 5, ст. 363 (Закон РТ от 25.06.2021 г., № 1801).

43. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» от 30 мая 2017 г., № 1414 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017 г., № 5, ч. 1, ст. 271 (Закон РТ от 19.07.2019 г., № 1632).

44. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 17

мая 2004 г., № 35 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004 г., № 5, ст. 346, № 7, ст. 452, ст. 453.

45. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 2 августа 2011 г., № 750 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2011 г., № 3, ст. 161, № 7-8, ст. 605.

46. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 26 июля 2014 г., № 1088 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2014 г., № 3, ст. 141, № 7, ч. 1, ст. 385, ст. 386.

47. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 14 ноября 2016 с., № 1359 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

48. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан «О политических партиях» от 08 августа 2015 г., № 1209 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

49. Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» от 9 сентября 1991 г., за № 392 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан, 1991 г., № 18, ст. 239.

50. Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г., № 492 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

51. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг. от 6 февраля 2018 г., № 1005 // Централизованный информационный правовой банк данных «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

52. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы от

12 ноября 2016 г., № 776 // Централизованный банк правовой информации «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

53. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2025 гг. от 1 июня 2021 г., № 187 // Централизованный информационный правовой банк данных «ADLIA» Министерства юстиции Республики Таджикистан. Версия 7.0.

2. Материалы судебной практики

54. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности» от 12 июня 2014 г., № 1 // Бюллетень Верховного Суда Республики Таджикистан. – 2014. – № 2. – С.7-8.

55. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г., № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

56. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 8 января 2009 г. «О признании незаконной деятельности религиозного направления «Салафия» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www //sudioli.tj/ru/ glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html).

57. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 11 марта 2008 г. «О признании экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [www//sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html).

58. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 апреля 2015 г. «О признании экстремистско-террористической организацией организаций «Исламское государство» («Давлати исломи Ироку Шом») и «Джабхату-н-Нусра» («Джабхат ан Нусра») // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www//sudioli.tj/ru/ glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html).

59. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 19 апреля 2001 г. «О признании незаконной деятельности «Хизб-ут

Тахрир» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www//sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html).

60. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 29 сентября 2015 г. «О признании ПИВТ экстремистской и террористической организацией» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tj/ru/node/215519>, <http://www.sudioli.tj/tj/>.

61. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 3 мая 2012 г. «О признании террористическо-экстремистской организацией Объединение «Ансоруллох» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www//sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html).

62. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 8 декабря 2014 г. «О признании экстремистским сообществом религиозного течения «Салафия» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www //sudioli.tj/ru /glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html).

63. Решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 9 октября 2014 г. «О признании экстремистской организацией общественного движения «Группа 24» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www //sudioli.tj/ru/ glavnoe/33-9-10-2015.html](http://www.sudioli.tj/ru/glavnoe/33-9-10-2015.html).

64. Уголовное дело № 1-102/16 // Судебный архив р. Сино г. Душанбе от 2016 года.

65. Уголовное дело № 1-284/11 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2011 года.

66. Уголовное дело № 1-119/11 // Судебный архив г. Душанбе от 2011 года.

67. Уголовное дело № 1-35/15 // Судебный архив р. Сино г. Душанбе от 2015 года.

68. Уголовное дело № 1-113/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2016 года.

69. Уголовное дело № 1-15/16 // Судебный архив г. Душанбе от 2016 года.

70. Уголовное дело № 1-221/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2016 года.

71. Уголовное дело № 1-235/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2016 года.

72. Уголовное дело № 1-255/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2016 года.

73. Уголовное дело № 1-390/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2016 года.
74. Уголовное дело № 1-434/15 // Судебный архив р. Шохмансур г. Душанбе от 2015 года.
75. Уголовное дело № 1-486/15 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2015 года.
76. Уголовное дело № 1-535/16 // Судебный архив р. Фирдавси г. Душанбе от 2016 года.
77. Уголовное дело № 1-603/15 // Судебный архив р. Сино г. Душанбе от 2015 года.
78. Уголовное дело № 2-12/14 // Судебный архив г. Душанбе от 2014 года.
79. Уголовное дело № 2-13/13 // Судебный архив г. Душанбе от 2013 года.
80. Уголовное дело № 2-14/13 // Судебный архив г. Душанбе от 2013 года.
81. Уголовное дело № 2-15/13 // Судебный архив г. Душанбе от 2013 года.
82. Уголовное дело № 2-16/13 // Судебный архив г. Душанбе от 2013 года.
83. Уголовное дело № 2-17/15 // Судебный архив г. Душанбе от 2015 года.
84. Уголовное дело № 2-20/12 // Судебный архив г. Душанбе от 2012 года.
85. Уголовное дело № 22-229/15 // Судебный архив г. Душанбе от 2015 года.
86. Уголовное дело № 2-24/13 // Судебный архив г. Душанбе от 2013 года.
87. Уголовное дело № 2-25/14 // Судебный архив г. Душанбе от 2014 года.
88. Уголовное дело № 2-27/10 // Судебный архив г. Душанбе от 2010 года.
89. Уголовное дело № 22-82/10 и № 22-115/10 из 3 томов. Т. 3 // Судебный архив г. Душанбе от 2010 года.
90. Уголовное дело № 2-34/12 // Судебный архив г. Душанбе от 2012 года.

91. Уголовное дело № 2-34/12 // Судебный архив г. Душанбе от 2012 года.
92. Уголовное дело № 2-36/10 // Судебный архив г. Душанбе от 2010 года.
93. Уголовное дело № 2-38/13 // Судебный архив г. Душанбе от 2013 года.
94. Уголовное дело № 2-39/10 // Судебный архив г. Душанбе от 2010 года.
95. Уголовное дело № 2-43/10 // Судебный архив г. Душанбе от 2010 года.
96. Уголовное дело № 25410 // Судебный архив г. Душанбе от 2010 года.
97. Уголовное дело № 2-67/11 // Судебный архив г. Душанбе от 2011 года.
98. Уголовное дело № 57804 или № 1-133/12 // Судебный архив г. Душанбе от 2012 года.

3. Научная и учебная литература

99. Абдухамитов, В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы (на материалах Республики Таджикистан): монография / В.А. Абдухамитов / под общ. ред. Л.Ч. Сыдыковой. – Бишкек: «Belprint», 2015. – 260 с.
100. Алиев, Н.Б. Повторность и рецидив преступлений по советскому уголовному праву: учебное пособие / Н.Б. Алиев. – Махачкала: Изд-во Даг. гос. ун-та, 1978. – 118 с.
101. Антипенко, В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его предупреждения: криминологическое исследование: монография / В.Ф. Антипенко. ПАН Украины. Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого. – К.: НБУВ, 1998. – 190 с.
102. Антонян, Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование: монография / Ю.М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
103. Антонян, Ю.М., Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения: учебное пособие / Ю.М. Антонян, М.Д. Давитадзе. – М.: Изд.-во ЩИТ-М. Московский университет МВД России, 2004. – 368 с.

104. Бободжонов, И.Х. Актуальные проблемы квалификации преступлений (в теории и на практике): учебно-практическое пособие (на тадж. яз). В 3-х частях. Часть 1 / И.Х. Бободжонов. – Душанбе: «Эр-граф», 2012. – 152 с.

105. Богданов, О.В. Курс международного права: Основные институты и отрасли современного международного права: учебник. В 6-ти томах. Т. 5. / О.В. Богданов, В.В. Гладышев, М.И. Лазарев [и др.]. АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1969. – 445 с.

106. Борисов, С.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко / отв. ред. и предисл. – засл. деят. науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Ветров. – М.: Волтерс Кулвер, 2011. – 304 с.

107. Бородин, С.В. Квалификация преступлений против жизни: монография / С.В. Бородин. – М.: Юридическая литература, 1977. – 239 с.

108. Бородин, С.В. Курс российского уголовного права. Особенная часть: учебник для высшей школы / С.В. Бородин, О.Л. Дубовик [и др.] / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: «Спарк», 2002. – 1040 с.

109. Верховский, А. Политический экстремизм в России: общественно-политическая литература / А. Верховский, А. Папп, В. Прибыловский. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. – 356 с.

110. Ветров, Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Н.И. Ветров. – М.: «Юнити-Дана», 2002. – 535 с.

111. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / отв. ред. В.С. Комиссаров, науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. – М.: «Городец», 2009. – 288 с.

112. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика: монография / Л.Д. Гаухман. – М.: Изд-во «ЮрИнфоР», 2005. – 455 с.

113. Долгова, А.И. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики: монография / А.И. Долгова [и др.]. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. – 244 с.

114. Емельянов, В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование: монография / В.П. Емельянов. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 291 с.

115. Емельянов, В.П. Терроризм и преступления террористической направленности: монография / В.П. Емельянов. – Харьков: «Рубикон», 1997. – 176 с.

116. Жданов, Н.В. Ислам на пороге XXI века: монография / Н.В. Жданов, А.А. Игнатенко. – М.: «Политиздат», 1989. – 384 с.

117. Жукова, О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: монография / О.С. Жукова [и др.]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2008. – 214 с.

118. Иванова, В.В. Преступное насилие: учебное пособие для ВУЗов / В.В. Иванова. – М.: ЮИ МВД РФ, 2002. – 83 с.

119. Имомов, А.Х. Терроризм – форма организованной преступности: монография / А.Х. Имомов. – Душанбе: «Санавора», 2003. – 199 с.

120. Каган, М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа): монография / М.С. Каган. – М.: «Политиздат», 1974. – 328 с.

121. Комментарий к отдельным статьям Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / под ред. А.А. Каххарова. – Душанбе, 2011. – 695 с.

122. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / Отв. ред. Х.Х. Шарипов. – Душанбе: «Глобус», 2006. – 880 с.

123. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1999. – 824 с.

124. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С.В. Дьяков и Н.Г. Кадникова. – М., 2008. – 872 с.

125. Кондрашова, Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности: монография / Т.В. Кондрашов. – Екатеринбург: Изд-во гуманитарный университет, 2000. – 348 с.

126. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений: монография / В.Н. Кудрявцев. – М.: «Юридическая литература», 1972. – 352 с.

127. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебник / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрист», 2001. – 301 с.
128. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебное пособие / В.Н. Кудрявцев. – М.: «Юрист», 1999. – 863 с.
129. Курбонзода, Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: монография / Б.Ш. Курбонзода / отв. ред. к.ю.н. доцент А.И. Сафарзода. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 232 с.
130. Левин, З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? опыт системного и социокультурного исследования: монография / З.И. Левин. – М.: Из-во Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2005. – 240 с.
131. Маджидзода, Дж.З. Организованная и транснациональная преступность: учебно-методическое пособие (на тадж. яз.) / Дж.З. Маджидзода, Н. Назаров. – Душанбе: «Дакики», 2014. – 268 с.
132. Маджидзода, Дж.З. Противодействие терроризму и экстремизму: курс лекций / Дж.З. Маджидзода. – Душанбе: «Мубориз», 2016. – 252 с.
133. Мухаббатов, К.М. Реакционная политика «Хизб-ут-Тахрир»: монография / К.М. Мухаббатов. – Душанбе, 2010. – 192 с.
134. Назаров, Д.Н. Проблемы терроризма и религиозного экстремизма в условиях глобализации. Ч. 2: монография / Д.Н. Назаров / отв. ред. академик М.Д. Диноршоев. – Душанбе: «Ирфон», 2009. – 328 с.
135. Наумов, А.В. Мотивы убийств: учебное пособие / А.В. Наумов / под ред. М.А. Огурцова. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1969. – 135 с.
136. Рарог, А.И. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам / А.И. Рарог, А.А. Бимбинов. – М.: Проспект, 2016. – 680 с.
137. Ратинов, А.Р. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика: монография / А.Р. Ратинов [и др.] / под ред. А.Р. Ратинов. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 256 с.
138. Рахимзода, Р.Х. Нормативные правовые акты и судебные акты о деятельности террористическо-экстремистских организа-

ций, партий и движений (на тадж. яз.) / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: «Ирфон», 2015. – 232 с.

139. Рубан, Л.С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность: учебное пособие / Л.С. Рубан. – М.: Московское бюро по правам человека, ДА-ИАМП, МосУ МВД России, 2007. – 368 с.

140. Салимов, К.Н. Современные проблемы терроризма: монография / К.Н. Салимов. – М.: Изд-во «Щит-М», 1999. – 216 с.

141. Сафаров, Х.С. Актуальные проблемы законодательного регулирования и квалификация терроризма (на материалах Республики Таджикистан и стран СНГ): монография / Х.С. Сафаров. – Душанбе, 2006. – 116 с.

142. Сафаров, Х.С. Основы антитеррористической деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан: монография / Х.С. Сафаров. – Душанбе: «Ирфон», 2010. – 256 с.

143. Сафаров, Х.С. Предотвращение вовлечения молодежи в экстремистские организации: методическое пособие (на тадж. яз.) / Х.С. Сафаров, Ш.Х. Хафиззода. – Душанбе: Академия МВД Республики Таджикистан, 2017. – 31 с.

144. Сергун, Е.П. Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие / Е.П. Сергун / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 100 с.

145. Солиев, К.Х. Состав преступления: учебное пособие (на тадж. яз.) / К.Х. Солиев. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – 40 с.

146. Трайнин, А.Н. Защита мира и уголовный закон: избранные произведения / А.Н. Трайнин / под общ. ред. Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – 456 с.

147. Трайнин, А.Н. Общее учение о составе преступления: монография / А.Н. Трайнин. – М.: «Госюриздат», 1957. – 364 с.

148. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.П. Ревина. – М.: «Юридическая литература», 2000. – 813 с.

149. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева [и др.]. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006. – 540 с.

150. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. – М.: «Юристъ», 2014. – 461 с.

151. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Р.Р. Галиакбарова. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграрн. ун-та, 1999. – 280 с.

152. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Р.Р. Галиакбарова. – Саратов: Саратовская государственная академия права; Саратовская высшая школа МВД РФ, 1997. – 432 с.

153. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. В.И. Радченко. – М.: «ЗАО Юстицинформ», 2004. – 704 с.

154. Уголовное право: Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я Козаченко [и др.]. – М., 1998. – 1008 с.

155. Филимонов, Э.Г. Христианское сектантство и проблемы атеистической работы: монография / Э.Г. Филимонов. – К.: Политиздат Украины, 1981. – 183 с.

156. Фридинский, С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография / С.Н. Фридинский. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004. – 217 с.

157. Хафиззода, Ш.Х. Уголовно-правовая характеристика экстремизма и тактика допроса виновных: научно-практическое пособие (на тадж. яз.) / Ш.Х. Хафиззода [и др.]. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2018. – 100 с.

158. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность: учебник / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб.: Питер; – М.: Смысл, 2003. – 860 с.

159. Хлебушкин, А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / А.Г. Хлебушкин – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2007. – 160 с.

160. Хусейнов, С.Х. Состав преступления: учебное пособие (на тадж. яз.) / С.Х. Хусейнов. – Душанбе: «ЭР-граф», 2013. – 272 с.

161. Шаргородский, М.Д. Наказание по советскому уголовному праву: монография / М.Д. Шаргородский. – М.: «Госюриздат», 1958. – 240 с.

162. Шарипов, Т.Ш. Уголовное право с использованием интерактивной методики преподавания: учебник для вузов / Т.Ш. Шарипов, А.И. Сафаров, Ш.Н. Саидов. – Душанбе, 2016. – 496 с.

4. Энциклопедии и словари

163. Абаренков, В.П. Краткий политический словарь / В.П. Абаренков, А.Г. Аверкин, Ю.А. Агешин [и др.]. – М.: «Политиздат», 1983. – 367 с.

164. Абаренков, В.П. Краткий политический словарь / В.П. Абаренков, Т.Е. Абова, А.Г. Аверкин [и др.] Под общ. ред. / Л.А. О니кова, Н.В. Шишлина. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989. – 623 с.

165. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Том 30. 3-е изд. / глав. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1978. – 632 с.

166. Бунимович, Н.Т. Краткий словарь современных понятий и терминов / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова [и др.] / под общ. ред. В.А. Макаренко. – 3-е изд., дораб. и доп. – М.: Республ. изд-во, 2000. – 670 с.

167. Даль, В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка / В.И. Даль. – М.: «Белый город», 2007. – 896 с.

168. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: «Политиздат», 1985. – 480 с.

169. Лобанов, К.Н. Политология: Краткий тематический справочник / К.Н. Лобанов. – Белгород: ООНИ и РИД Белгородского ЮИ МВД России, 2005. – 73 с.

170. Менделев, В.А. Малая энциклопедия современных знаний / В.А. Менделев. В 2 томах. Т. 1. – изд. 2-е. – М.: (АСТ), – Харьков: Торсинг, 2000. – 368 с.

171. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство мир и Образование», 2005. – 787 с.

172. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / Ожегов С.И., Н.Ю. Шведова. 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «А Темп», 1995. – 944 с.

173. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; Рос. фонд культуры. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – М.: АЗЪ, 1993. – 955 с.

174. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.

175. Погорелый, В.Ю. Новейший политологический словарь / Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с.

176. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). – М.: «Советская энциклопедия», 1981. – 1600 с.

177. Толковый словарь таджикского языка (на тадж. яз). Из 2-х томов. Т.1 / под ред. С. Назарзода, А. Сангинов [и др.]. – Машхад-Душанбе: АОО «Ксероксленд» в сотрудничестве с производством «Сухангустар», 2008. – 950 с.

178. Толковый словарь таджикского языка (на тадж. яз.). Из 2-х томов. Т.2 / под ред. С. Назарзода, А. Сангинов [и др.]. – Машхад-Душанбе: АОО «Ксероксленд» в сотрудничестве с производством «Сухангустар», 2008. – 944 с.

5. Научные статьи

179. Абдухамитов, В.А. Борьба против религиозного экстремизма в Республике Таджикистан: проблемы теории и законодательства (на тадж. яз.) / В.А. Абдухамитов / Терроризм и экстремизм – пути их предотвращения. – Душанбе: «Маориф», – 2015. – С. 175-179.

180. Авдулов, Н.С. Составление геополитического атласа Северного Кавказа: методологические проблемы / Н.С. Авдулов // Философия права. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.юрид. ин-та МВД России, – 2002. – № 2. – С. 100-103.

181. Агапов, П.В. Нужна ли в Уголовном кодексе РФ ответственность за создание организованной преступной группы? / П.В. Агапов // Российская юстиция. – М.: Юрид. мир, – 2006. – № 3. – С. 14-17.

182. Агапов, П.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации / П. В. Агапов // Уголовное право, – 2007. – № 1. – С. 4-6.

183. Антонян, Ю.М. Природа экстремизма / Ю.М. Антонян // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Сборник научных трудов. – Саратов: Сателлит, – 2008. – С. 245-247.

184. Аршба, О.И. Современный правый экстремизм в Европе / О.И. Аршба // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология, – 2002. – № 4. – С. 3-11.

185. Афанасьев, Н.Н. Идеология терроризма / Н.Н. Афанасьев // Социально-гуманитарные знания, – 2002. – № 1. – С. 224-235.

186. Баева, Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления / Л.В. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура, – 2008. – № 3 (16). – С. 21-26.

187. Борисов, С. Сущность преступлений экстремистской направленности / С. Борисов // Мировой судья. – М.: «Юрист», – 2009. – № 4. – С. 21-22.

188. Бражник, И.И. Религиозный экстремизм: попрание прав верующих / И.И. Бражник // Наука и религия, – 1981. – № 1. – С.17-19.

189. Быков, В.М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: научный комментарий / В.М. Быков // Право и политика. – 2011. – № 9. – С. 1477-1484.

190. Бычков, В.В. Отграничение преступлений экстремистской направленности от смежных составов / В.В. Бычков // Изд. Тульского гос. ун-та. Экон. и юрид. науки, – 2013. – № 2-2. – С. 110-116.

191. Воронцов, С.А. Понятие экстремизма и его существенные признаки / С.А. Воронцов // Философия права. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.юрид. ин-та МВД России, 2007. – № 4. – С. 65-71.

192. Гаухман, Л.Д. Бланкетные нормы УК РФ: проблемы правоотворчества и правоприменения / Л.Д. Гаухман // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью: Сборник научных статей по итогам научно-практического

семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. – М.: Московский университет МВД России, – 2007. – С. 10-15.

193. Генеральная прокуратура Республики Таджикистан. Хизб-ут-Тахрир. Политико-правовая характеристика. – Худжанд. ООО «Хуросон», – 2002. – С. 15.

194. Гречухин, М.А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью / М.А. Гречухин // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – М., – 2011. – С. 446-450.

195. Денисов, С. А. Десять лет действия УК России / С. А. Денисов // 10 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: материалы научно-практического семинара. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, – 2006. – С. 3-7.

196. Джалилов, К. Исламский фактор и внешняя политика Таджикистана / К. Джалилов // Таджикистан и современный мир. Вестник Центра стратегических исследований (ЦСИ) при Президенте Республики Таджикистан, – 2007. – № 2 (15). – С. 56-59.

197. Долгова, А.И. Подходы к пониманию экстремизма и его отражение в российском законодательстве / А.И. Долгова // Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор. – М.: «РКА», – 2009. – С. 12-15.

198. Иванов, А. Вопросы квалификации убийства, совершенного по экстремистскому мотиву (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / А. Иванов // Уголовное право, – 2015. – № 3. – С. 41-46.

199. Иногамова-Хегай, Л.В. Публичные призывы в системе Особенной части УК РФ / Л. В. Иногамова-Хегай // Системность в уголовном праве: Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», – 2007. – С. 157-160.

200. Кашепов, В. Квалификация преступлений экстремистской направленности / В. Кашепов // Уголовное право. – М.: АНО «Юридические программы», – 2007. – № 3. – С. 30-34.

201. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года / А.И. Коробеев // Предмет уголовного права и его

роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: Материалы Научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Красикова А.Н. (25-26 апреля 2002 г.) / отв. ред. Б. Т. Разгильдиев. – Саратов: СГАП, – 2002. – С. 9-10.

202. Краснов, М. Политический экстремизм – угроза государственности / М. Краснов // Российская юстиция, – 1999. – № 4. – С. 4-7.

203. Кудратов, Н.А. Уголовно-правовая охрана основы конституционного строя Республики Таджикистан / Н.А. Кудратов // Уголовная Юстиция / Russian Journal of Criminal Law. – Томск, – 2019. – № 14. – С. 134-137.

204. Лунеев, В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму / В.В. Лунеев // Государство и право. – М.: «Наука», – 2009. – № 9. – С. 44-64.

205. Мартыненко, Б.К. Политический терроризм: понятие, признаки, классификация / Б.К. Мартыненко // Северокавказский юридический вестник, – 1999. – № 7. – С. 66-74.

206. Махмудов, И.Т. Деятельность органов прокуратуры по контролю за исполнением законов в области национальной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму (на тадж. яз.) / И.Т. Махмудов // Вестник Национального университета Таджикистана. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: Типография ТНУ, – 2015. – № 3/12(189). – С. 71-78.

207. Новиков, Д.В. Правовые и законодательные средства обеспечения региональной безопасности / Д.В. Новиков // Философия права, – 2003. – № 2. – С. 93-98.

208. Павлинов, А.В. Антигосударственный экстремизм и псевдоэкстремизм: с чем следует бороться / А.В. Павлинов // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Первые Кудрявцевские чтения (10 апреля 2008 г.): сб. науч. тр. / науч. ред. С.В. Максимов. – М.: ИГП РАН, – 2009. – С. 214-215.

209. Паин, Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // Общественные науки и современность, – 2002. – № 4. – С. 113-124.

210. Пиджаков, А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения / А.Ю. Пиджаков // Правоведение, – 2003. – № 3. – С. 234-244.

211. Погребняк, И.Г. Квалификация составных преступлений / И.Г. Погребняк // Советская юстиция, – 1970. – № 13. – С. 24
212. Полонская, Л.Р. Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? / Л.Р. Полонская // Азия и Африка сегодня, – 1994. – № 11. – С. 22.
213. Пономаренков, В.А. Сущностная характеристика современного экстремизма / В.А. Пономаренков, Яворский М.А. // Юридический мир. Общероссийский научно-практический правовой журнал. – М.: «Юрист», – 2008. – № 2(134). – С. 41-43.
214. Ревина, В.В. К вопросу о понятии экстремизма / В.В. Ревина // Российский следователь. – М.: «Юрист», – 2009. – № 13. – С. 36-40.
215. Розикзода, А.Ш. Таджикистан в борьбе против терроризма (на тадж. яз.) / А.Ш. Розикзода / Терроризм и экстремизм – пути их предотвращения. – Душанбе: «Маориф», – 2015. – С. 41-61.
216. Сазонов, И.А. Политический экстремизм и проблемы его категориального осмысления / И.А. Сазонов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, – 2000. – № 2. – С. 107-116.
217. Сафаров, Х.С. Соотношение определений «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» в законодательстве Республики Таджикистан / Х.С. Сафаров // Труды Академии. – Душанбе: «Эр-граф», – 2011. – № 1(15). – С.114-119.
218. Сыдыкова, Л.Ч. Борьба с экстремизмом в Кыргызстане: проблемы законодательного регулирования / Л.Ч. Сыдыкова // Вестник КРСУ. – 2016 – Т.16, № 6. – С. 84-87.
219. Тамаев, Р.С. Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество / Р.С. Тамаев // Законность. – М., – 2007. – № 6. – С. 57-60.
220. Терехов, В.Д. Международный терроризм и борьба с ним / В.Д. Терехов // Новое время. – 1974. – № 11. – С.20-22
221. Терроризм: психологические корни и правовые оценки: материалы круглого стола // Государство и право, – 1995. – № 4. – С. 20-43.
222. Томалинцев, В.Н. Сущность экстремизма. Особенности его явных и скрытых форм / В.Н. Томалинцев / под ред. А.А. Козлова // Феномен экстремизма. – СПб.: СПбГУ, – 2000. – С. 16-23.

223. Тюнин, В. Организация экстремистского сообщества / В. Тюнин // Уголовное право, – 2006. – № 3. – С. 51-54.

224. Тяжкова, И.М. Экстремистские преступления как посягательство на внутреннюю безопасность государства / И.М. Тяжкова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – М.: Изд-во Моск. ун-та, – 2012. – № 4. – С. 83-100.

225. Фридинский, С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты / С.Н. Фридинский Рост. Юрид. Ин-т. – Ростов н/Д, – 2004. – С. 181-194.

226. Фридинский, С.Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / С.Н. Фридинский // Юристъ-Правоведь, – 2008. – № 4. – С. 67-70.

227. Фридинский, С.Н. Экстремизм как угроза национальной безопасности / С.Н. Фридинский // Современные проблемы совершенствования законодательного обеспечения глобальной и национальной безопасности, эффективного противодействия международному терроризму: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, – 2003. – С.19-21.

228. Хайдарзода, М.П. Теоретические основы понятия экстремизма / М.П. Хайдарзода // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции; г. Уфа, 20-21 апреля 2017 года: в 5 ч. Ч. 3 / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, – 2017. – С. 155-158.

229. Хайдарзода, М.П. Некоторые размышления относительно форм и видов экстремизма (на тадж. яз.) / М.П. Хайдарзода // Труды Академии. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, – 2016. – № 3(31). – С. 123-129.

230. Хайдарзода, М.П. Понятие «преступлений экстремистской направленности» в уголовном законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации (на тадж. яз.) / М.П. Хайдарзода // Вестник Таджикского Национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: Типография ТНУ, – 2017. – № 2/5. Часть 2. – С. 210-213.

231. Хайдарзода, М.П. Возникновение и совершенствование понятия «экстремистская деятельность» в законодательстве Рес-

публики Таджикистан (на тадж. яз.) / М.П. Хайдарзода // Труды Академии. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан. – 2019. – № 3(43). – С. 169-178.

232. Шарипов, Т.Ш. Некоторые размышления относительно соотношения понятий «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм», «национализм» и «сепаратизм» (на тадж. яз.) / Т.Ш. Шарипов, Х.С. Сафаров // Труды Академии. – Душанбе: «Шарки озода», – 2015. – № 4(28). – С. 46-53.

233. Юдичева, С.А. Понятие экстремистского сообщества и его уголовно-правовое значение / С.А. Юдичева // Новый юридический журнал, – 2012. – № 2. – С. 140-143.

234. Ятимов, С.С. Причины распространения теории и практики экстремизма и терроризма: способы и средства борьбы с ними (на тадж. яз.) / С.С. Ятимов / «Противодействие современным вызовам и угрозам в Центрально-Азиатском регионе: достижения и перспективы Таджикистана в борьбе с терроризмом, экстремизмом и коррупцией». Материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: «Шахпар», – 2014. – С. 40-52.

6. Диссертации и авторефераты

235. Абдухамитов, В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Абдухамитов Валиджон Абдухалимович. – Бишкек, 2016. – 39 с.

236. Азизов, У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Азизов Убайдулло Абдуллоевич. – Душанбе, 2015. – 413 с.

237. Азизов, У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Азизов Убайдулло Абдуллоевич. – Душанбе, 2015. – 42 с.

238. Азимов, Н.Б. Теоретические основы имплементации норм международного права в уголовное законодательство Республики Таджикистан: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Азимов Назир Бозорбоевич. – М., 2013. – 441 с.

239. Бешукова, З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бешукова Зарема Муратовна. – Краснодар, 2011. – 237 с.

240. Борисов, С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Борисов Сергей Викторович. – М., 2012. – 484 с.

241. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бурковская Виктория Алексеевна. – М., 2006. – 56 с.

242. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бурковская Виктория Алексеевна. – М., 2006. – 469 с.

243. Волков, В.В. Политический радикализм в исламе и национальная безопасность России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Волков Владимир Васильевич. – М., 2002. – 26 с.

244. Воронов, И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Воронов Игорь Владимирович. – М., 2003. – 154 с.

245. Воронов, И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Воронов Игорь Владимирович. – М., 2003. – 28 с.

246. Зубалова, О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Зубалова Оксана Александровна. – М., 2013. – 180 с.

247. Ивченко, О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ивченко Оксана Сергеевна. – М., 2002. – 225 с.

248. Кабурнеев, Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Кабурнеев Эдуард Валерьевич. – М., 2007. – 46 с.

249. Кияткина, И.А. Преступления, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кияткина Ирина Александровна. – М., 2017. – 180 с.

250. Ковалёв, В.С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ковалёв Виктор Сергеевич. – М., 2003. – 23 с.

251. Корнилов, Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Корнилов Тимур Андреевич. – М.: Всерос. науч. – исслед. ин-т МВД РФ, 2011. – 161 с.

252. Курбонзода, Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Курбонзода Бехруз Шариф. – Душанбе, 2017. – 212 с.

253. Курбонзода, Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Курбонзода Бехруз Шариф. – Душанбе, 2017. – 24 с.

254. Лабунец, М.И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Лабунец Михаил Иванович. – Ростов н/Д, 2002. – 21 с.

255. Леньшин, Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Леньшин Дмитрий Иванович. – М., 2011. – 174 с.

256. Леньшин, Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Леньшин Дмитрий Иванович. – М., 2011. – 24с.

257. Макеева, И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Макеева Ирина Сергеевна. – Екатеринбург, 2017. – 177 с.

258. Можегова, А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Рос-

сийской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Можегова Анастасия Анатольевна. – М., 2015. – 169 с.

259. Мухаббатов, К.М. Социально-политические факторы образования религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир» и ее реакционная сущность: по материалам Таджикистана: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Мухаббатов Курбонали Мухаббатович. – Душанбе, 2004. – 174 с.

260. Мыльников, Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мыльников Борис Александрович. – М., 2005. – 173 с.

261. Павлинов, А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Павлинов Андрей Владимирович. – М.: Институт государства и права РАН, 2008. – 584 с.

262. Ревина, В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ревина Валерия Валерьевна. – М., 2010. – 24 с.

263. Ревина, В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ревина Валерия Валерьевна. – М., 2010. – 189 с.

264. Ростокинский, А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Ростокинский Александр Владимирович. – М., 2008. – 422 с.

265. Саркисов, Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Саркисов Дмитрий Николаевич. – М., 2010. – 196 с.

266. Сафаров, А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сафаров Анвар Исломович. – М., 2011. – 229 с.

267. Сергун, Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сергун Евгений Петрович. – Тамбов, 2009. – 24 с.

268. Сергун, Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сергун Евгений Петрович. – Тамбов, 2009. – 235 с.

269. Скворцова, Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Скворцова Татьяна Александровна. – Ростов н/Д, 2004. – 22 с.

270. Скудин, А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Скудин Андрей Сергеевич. – М., 2011. – 216 с.

271. Степанов, Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Степанов Николай Владимирович. – М., 2003. – 182 с.

272. Ульянов, М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ульянов Михаил Владимирович. – М., 2017. – 210 с.

273. Упорников, Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: дисс. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Упорников Роман Владимирович. – Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2007. – 148 с.

274. Фридинский, С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – Ростов-н/Д, 2003. – 217 с.

275. Фридинский, С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – М., 2011. – 366 с.

276. Фридинский, С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – М., 2011. – 42 с.

277. Хлебушкин, А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – М., 2007. – 215 с.

278. Хлебушкин, А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя:

дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – СПб., 2016. – 480 с.

279. Шарипов, А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шарипов Алишер Каюмович. – М., 2017. – 228 с.

280. Якушева, Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Якушева Татьяна Викторовна. – М., 2016. – 219 с.

7. Электронные ресурсы

281. Доклад Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» (27 апреля 2006 года, A/60/825) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/global-counter-terrorism-strategy.

282. Марлухина, Е.О. Рождествина, А.А. Комментарий к Федеральному закону № 35-ФЗ от 26 февраля 2006 года «О противодействии терроризму» (Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 15 января 2007 года) / Е.О. Марлухина, А.А. Рождествина // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kurganobl.ru/assets/files/terrorism/kommentarii_k_zakonu_rf_2006-03-06_35-fz.pdf.

283. Информация Пресс центра Верховного Суда Республики Таджикистан от 11.10.2019 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sud.tj/markazi-matbuot/khabarho/284/?sphrase_id=4716.

284. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» № 27-19-99 от 29.06.99 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.migimo.ru/razdel/137/>.

285. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 22 декабря 2016 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/node/13739>.

286. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 26 декабря 2018 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/19088#lakhsh>.

287. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 26 декабря 2019 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/21975>.

288. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан «О основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 26 января 2021 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/25005>.

289. Смолина, Л.В. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (постатейный) / Л.В. Смолина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1068>.

290. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prezident.tj/ru/node/10587>.

291. Речь Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на церемонии открытия Международной конференции высокого уровня на тему «Противодействие терроризму и экстремизму» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/node/17564>.

292. Третьяков В. Загадка экстремизма. Почему не надо искать того, чего нет // Российская газета, 2000. 15 июня / В. Третьяков // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1024171320>.

Результаты опроса

Настоящий опрос проводился среди судей Верховного Суда, следователей Генеральной прокуратуры, следователей Следственного управления МВД и ГКНБ, оперативных сотрудников, преподавателей Академии МВД, а также активных студентов юридических факультетов высших учебных заведений республики, общее количество которых составило более 250 человек и результаты которого выглядят следующим образом:

№	Вопрос	Результаты ответов		
		Да	Нет	Другое мнение
1.	Является ли понятие «экстремизм», представленное в отечественном законодательстве сложным?	130 или 52%	120 или 48%	-
2.	Существует ли в международных правовых актах общепризнанное понятие «экстремизм»?	121 или 48,4%	128 или 51,2%	1 или 0,4%
3.	Есть ли, по Вашему мнению, необходимость в совершенствовании понятия «экстремистская деятельность», представленное в Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму»?	143 или 57,2%	106 или 42,4%	1 или 0,4%
4.	Смешаны ли понятия «экстремистская деятельность» и «террористическая деятельность» на законодательном уровне?	126 или 50,4%	121 или 48,4%	3 или 1,2%
5.	Есть ли, по Вашему мнению, необходимость в закреплении в примечании к статье 307 ² УК РТ понятия «преступления экстремистской направленности»?	137 или 54,8%	111 или 44,4%	2 или 0,8%
6.	Существует ли, по Вашему мнению, необходимость в совершенствовании перечня преступлений экстремистской направленности, предусмотренного в диспозиции статьи 307 ² УК РТ?	136 или 54,4%	112 или 44,8%	2 или 0,8%

7.	Поддерживаете ли Вы предложение о включении в диспозицию статьи 307 ² УК РТ статей 143, 307, 307 ¹ , 307 ³ , 307 ⁴ и 398 УК РТ?	128 или 51,2%	119 или 47,6%	3 или 1,2%
8.	По Вашему мнению, не смешаны ли между собой в УК РТ преступления экстремистской направленности?	136 или 54,4%	112 или 44,8%	2 или 0,8%
9.	По Вашему мнению, при квалификации преступлений экстремистской направленности на практике, не возникают ли проблемы на законодательном уровне?	146 или 58,4%	96 или 38,4%	8 или 3,2%
10.	Существует ли, по Вашему мнению, необходимость в совершенствовании названия и диспозиции статьи 307 ¹ УК РТ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма)?	125 или 50%	122 или 48,8%	3 или 1,2%
11.	Имеет ли, по Вашему мнению, место экстремизм без использования насилия?	152 или 60,8%	97 или 38,8%	1 или 0,4%
12.	По Вашему мнению, статья 185 УК РТ (Организация незаконного вооруженного формирования) является преступлением террористического характера или экстремистской направленности?			
	а) террористической	131 или 52,4%		
	б) экстремистской	79 или 31,6%		
	в) другое мнение	40 или 16%		
13.	Какие отличия, на Ваш взгляд, имеет статья 307 от статьи 307 ¹ УК РТ?			
	а) ни каких отличий не имеют	65 или 26%		
	б) статья 307 ¹ УК РТ включает в себя статью 307 УК РТ	69 или 27,6%		
	в) затрудняюсь ответить	73 или 29,2%		
	г) другое мнение	43 или 17,2%		
14.	Какие отличия, на Ваш взгляд, имеет объективная сторона статьи 307 ² УК РТ от статьи 307 ³ УК РТ?			
	а) никаких отличий не имеют	64 или 25,6%		

	б) объективной стороной 307 ² УК РТ охватываются признаки объективной стороны статьи 307 ³ УК РТ	87 или 34,8%
	в) затрудняюсь ответить	67 или 26,8%
	г) другое мнение	32 или 12,8%
15.	В чем разница между экстремистским сообществом и экстремистской организацией?	
	а) разницы нет	68 или 27,2 %
	б) общественная опасность экстремистского сообщества выше, чем экстремистской организации	128 или 51,2 %
	в) затрудняюсь ответить	51 или 20,4%
	г) другое мнение	3 или 1,2%
16.	Какие, по Вашему мнению, самые распространенные виды экстремизма?	
	а) расовый, местнический, экологический, экономический	68 или 27,2%
	б) политический, национальный, религиозный	179 или 71,6 %
	в) другое мнение	3 или 1,2%
17.	Какой, по Вашему мнению, из видов экстремизма наиболее распространен на данный момент в Республике Таджикистан?	
	а) религиозно-конфессиональный	117 или 46,8%
	б) политический (религиозно-политический)	43 или 17,2%
	в) расовый	26 или 10,4%
	г) национальный	27 или 10,8%
	д) местнический	29 или 11,6 %
	е) другое мнение	8 или 3,2%

ХАЙДАРЗОДА М.П.

**ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Монография

**Под редакцией кандидата юридических наук, доцента
Сафарзода Х.С.**

Подписано в печать 20.04.2022. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 14,0. Тираж 100 экз. Заказ № 83.

ООО «ЭР-граф».
734036, г. Душанбе, ул. Р. Набиева, 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: rgraph.tj@gmail.com

ISBN 978-99985-50-33-9

